Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ

2020 г., том 27, № 4

СОДЕРЖАНИЕ

К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Андреенков С.Н., Ильиных В.А. Сельское хозяйство Сибири в 1941–1945 гг.: динамика и организационно-производственная структура . . . 5
Шишкин В.И. Превентивные меры НКВД по укреплению советского тыла (август 1941 – май 1943 г.) . . . 13
Ермекбай Ж.А. Эвакуированные в годы Великой Отечественной войны в Казахстан ученые: история и судьбы . . . 17
Мазур Л.Н. Типология и эволюция образа военной деревни в советском художественном кинематографе . . . 24
Романов Р.Е. Отечественная историография проблемы стимулирования труда рабочих в годы Великой Отечественной войны (конец 1980-х – 2010-е гг.) . . . 33
Романов Р.Е. Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Великая Отечественная война в исторической памяти народа: изучение, интерпретация, уроки прошлого» . . . 40

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Элерт А.Х. Ясачные оклады в Сибири во второй четверти XVIII в.: региональные и этнические особенности (по материалам Второй Камчатской экспедиции) . . . 43
Туманик Е.Н. Роль мемуарного наследия декабристов в научной концепции Г.П. Шатровой . . . 50
Семерикова О.М. Концепт «сельскохозяйственная трудовая коммуна» в идеологических текстах раннесоветского общества (1917–1919 гг.) . . . 58
Морозова Т.И. Проверка деревенских партийных организаций Сибири (январь 1926 – март 1927 г.) . . . 65
Клинова М.А., Трофимов А.В. Советский рекламный дискурс первой половины 1950-х гг. (по материалам плакатов и печатных СМИ) . . . 74
Горбачев О.В. Система кинопроката и советский сельский зритель (середина 1950-х – 1980-е гг.) . . . 82
Посадсков А.Л. Книгоиздатели районного масштаба: деятельность издательских предприятий в населенных пунктах Сибири и Дальнего Востока (1990–2010-е гг.) . . . 90
Лизунова И.В., Метельков А.С. Российское региональное книгоиздание к 2020 г.: инфраструктура, ресурсы, проблемы . . . 98

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Мурзинцева А.Е. Функциональная типология музеев Российской академии наук . . . 107
Золотова Т.Н. О проблемах наследия и тенденциях в развитии музеев и музееведения . . . 112
Фурсова Е.Ф. Рец. на кн.: Касперович Г.И., Сивурова Л.П., Бабич О.Ю., Маркович Л.Г., Костоусов Г.И. Традиции животноводства Беларуси (Традыцыі жывёлагадоўлі Беларусі) / науч. редактор Г.И.Касперович. Мінск: Беларуская навука, 2019. 467 с. . . . 115
Журова Л.И., Шипилов И.А. Задать источнику правильный вопрос (IV Всероссийская научная конференция, посвященная 90-летию академика Н.Н. Покровского) . . . 117

© Сибирское отделение РАН, 2020
© Институт истории СО РАН, 2020
© Издательство СО РАН, 2020

ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

Учредители: **Сибирское отделение РАН;**
Институт истории СО РАН

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), академик РАН, *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), канд.ист.наук *В.В. Данилович* (Минск), доктор, профессор *Дашдэндэв* (Улан-Батор, Монголия), академик РАН профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дённингхаус* (Германия), д-р ист.наук *А.С. Зуев* (Новосибирск), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор, профессор *В. Линн* (Торонто, Канада), доктор *К. Мацузато* (Токио, Япония), академик РАН, профессор *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор, профессор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), д-р ист.наук *И.В. Побережников* (Екатеринбург), *Я. Садовски* (Краков, Польша), чл.-кор. РАН *А.В. Сиренов* (Санкт-Петербург), д-р ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Астана, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия), д-р ист. наук, профессор *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск), д-р философии *М. Юнге* (Германия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреенков*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *И.В. Быстрова*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *Ж.А. Ермекбай*, д-р ист. наук *Г.М. Запорожченко*, д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперштох,* д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *Л.Н.Мазур*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова,* канд. ист. наук *Т.И.Морозова,* д-р ист. наук *С.А. Некрылов,* д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *В.Н.Разгон*, д-р ист. наук *Н.Н. Родигина*, д-р ист.наук *Т.А. Сабурова*, канд. ист. наук *А.И. Савин* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *Л.Н.Славина*, д-р филол. наук *Е.М. Юхименко*

Адрес редакции: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 311, тел. (7–383) 330–24–31
http://www.hssiberia.info; http://www.sibran.ru
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» признает международные принципы научной публикационной этики и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *И.П. Гемуева*
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

Выход в свет 30.12.20. Формат 60×84 1/8. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 экз. Цена свободная. Заказ № 189.

Адрес издательства и типографии:
630090 Новосибирск, Морской проспект, 2. Издательство Сибирского отделения Российской академии наук

Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA

2020, vol. 27, N 4

CONTENTS

THE 75TH ANNIVERSARY OF VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

Andreenkov S.N., Ilinykh V.A. Agriculture of Siberia in 1941–1945: dynamics and organizational and production structure 5
Shishkin V.I. Preventive Measures of NKVD for Strengthening the Soviet rear Area (August 1941 – May 1943) 13
Ermekbay Zh.A. Evacuated scientists in Kazakhstan during the Great Patriotic War of 1941–1945: history and fate 17
Mazur L.N. Typology and evolution of the image of a military village in the Soviet art cinema 24
Romanov R.E. National historiography of the problem of stimulating workers' labor during the Great Patriotic War (late 1980s – 2010s) 33
Romanov R.E. All-Russian scientific-practical conference with international participation "The Great Patriotic War in the people historical memory: study, interpretation, lessons of the past" 40

NATIONAL HISTORY

Elert A.Ch. Yasak tribute in Siberia in the second quarter of the 18th century: regional and ethnic characteristics (based on the materials of the Second Kamchatka expedition) 43
Tumanik E.N. The role of the Decembrists memoir heritage in G.P. Shatrova's scientific concept 50
Semerikova O.M. The concept of «agricultural commune» in the ideological texts of the early Soviet society (1917–1919) 58
Morozova T.I. Checking rural party organizations in Siberia (January 1926 – March 1927) 65
Klinova M. A., Trofimov A.V. Soviet advertising discourse of the first half of the 1950s (based on posters and print media) 74
Gorbachev O.V. Film distribution system and the Soviet rural audience (mid 1950s - 1980s) 82
Posadskov A.L. Regional-scale book publishers: activities of publishing enterprises in settlements of Siberia and the Far East (1990–2010) 90
Lizunova I.V., Metelkov A.S. Russian regional book publishing on the 2020: infrastructure, resources, problems. 98

REPORTS, SCIENTIFIC LIFE

Murzintseva A.E. Functional typology of the Russian Academy of Sciences' museums 107
Zolotova T.N. On heritage issues and trends in the development of museums and museology 112
Fursova E.F. Book rev.: Kasperovich G.I., Sivurova L.P., Babich O.Yu., Markovich L.G., Kostousov G.I. Traditions of animal husbandry in Belarus. Ed. G.I. Kasperovich. Minsk, Belarus. Navuka, 2019, 467 p. 115
Zhurova L.I., Shipilov I.A. To ask the source the right question (IV All-Russian Scientific Conference dedicated to the 90th anniversary of Academician N.N. Pokrovsky). 117

© Siberian Branch RAS, 2020
© Institute of History, SB RAS, 2020
© Publishing House, SB RAS, 2020

ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL
"GUMANITARNYIE NAUKI V SIBIRI"
("HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA")

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

F o u n d e r s: **Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Academician of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Candidate of historical Sciences *V.V. Danilovich* (Minsk, Belarus), Doctor of Philosophy *N.B. Dashdendev* (Ulaanbaatar, Mongolia), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Döninghaus* (Germany), Doctor of historical Sciences *A.Kh. Elert* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor *M. Junge* (Germany), Doctor of historical Sciences, Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor of Philosophy, Professor *Viola Lynne* (Toronto, Canada), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Dehli, India), Doctor of historical Sciences *I.V. Poberezhnikov* (Yekaterinburg), Doctor of historical Sciences *Jakub Sadowski* (Krakow, Poland), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *A.V. Sirenov* (St. Petersburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye. B. Sydykov* (Astana, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk) , Doctor of historical Sciences, Professor *A.S. Zuev* (Novosibirsk)

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical Sciences *O.N. Shelegina*
Executive secretary – Candidate of historical Sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical Sciences *D.A. Ananyev,* Doctor of historical Sciences *I.V. Bystrova*, Doctor of historical Sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *J.A. Yermekbay,* Doctor of historical Sciences *G.M. Zaporozhchenko,* Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Zverev,* Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Isaev,* Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Isupov,* Candidate of historical Sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical Sciences *L.V. Kuras,* Doctor of historical Sciences *I.V. Lizunova,* Doctor of historical Sciences, Professor *L.N. Mazur,* Doctor of historical Sciences *A.Yu. Maynicheva,* Doctor of historical Sciences *N.P. Matkhanova,* Candidate of historical Sciences *T.I. Morozova,* Doctor of historical Sciences, Professor *S.A. Nekrylov,* Doctor of historical Sciences *S.P. Nesterov,* Doctor of historical Sciences, Professor *V.N. Razgon,* Doctor of historical Sciences *N.N. Rodigina,* Doctor of historical Sciences *T.A. Saburova,* Candidate of historical Sciences *A.I. Savin (deputy chief editor)*, Doctor of historical Sciences, Professor *L.N. Slavina,* Doctor of philological Sciences *Ye.M. Yukhimenko*

E d i t o r i a l a d d r e s s: Institute of History, SB RAS, office 311, 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090 Russia
tel. 7-383-330-24-31
http://www.hssiberia.info; http://www.sibran.ru
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Vera I. Smirnova

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of Russian Federation on June 17, 1993, N 0110807

The editorial staff of the Journal "Humanitarian Sciences in Siberia" is committed to the international ethical guidelines for scientific publications and declares that it does not abuse its power.

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
2 Morskoy Pr., Novosibirsk, 630090 Russia

К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

DOI: 10.15372/HSS20200401
УДК 94(571)″1941/1945″

С.Н. АНДРЕЕНКОВ, В.А. ИЛЬИНЫХ

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО СИБИРИ В 1941–1945 гг.: ДИНАМИКА И ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ СТРУКТУРА

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Ак. Николаева, 8

Реконструируется динамика изменений, произошедших в сельском хозяйстве Сибири в годы Великой Отечественной войны. Проанализированы состояние производительных сил, развитие системы налогово-податного обложения сибирской деревни, ситуация в базовых отраслях и категориях хозяйств аграрного сектора экономики региона на различных этапах войны, вклад сельскохозяйственного производства Сибири в Победу, заплаченная за нее цена. Впервые приводятся данные о размерах посевных площадей, занятых основными сельскохозяйственными культурами, и валовых сборах зерна в хозяйствах всех категорий и в колхозах Сибири за каждый год войны. В научный оборот вводятся также погодовые сведения о поголовье базовых видов скота в колхозах, совхозах и разных категориях личных подсобных хозяйств региона.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, сельское хозяйство, колхозы, совхозы, личное приусадебное хозяйство, Сибирь.

S.N. ANDREENKOV, V.A. ILINYKH

AGRICULTURE OF SIBERIA IN 1941–1945: DYNAMICS AND ORGANIZATIONAL AND PRODUCTION STRUCTURE

Institute of History SB RAS
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article objective is to reveal the features of functioning agriculture in Siberia during the Great Patriotic War to give more objective assessment of the Soviet agrarian system's effectiveness. The study task is to reconstruct dynamics of changes in main branches of agricultural production and different categories of farms. Authors analyze trends in agricultural production development in Siberia at different stages of the War, changes in its material, technical and personnel bases, evolution of the state tax policy, dynamics of the basic branches of agriculture (plant growing and animal husbandry), functioning of collective farms, state farms and private household plots of population, contribution of Siberian agriculture to the victory, the War's impact on agriculture. For the first time in historiography, authors provide data on the size of the sown area of main agricultural crops, and the gross grain yield in farms of all categories in Siberia for each year of the War. Data on the total number of livestock in regional collective and state farms and various categories of personal subsidiary farms are introduced into scientific use. The study established that 1943 was the most difficult year for Siberian agriculture. Reducing the labor and technical resources reached a critical level. Due to the inadequate mechanization of work, simplified methods of land cultivation were used everywhere. Drought, poor quality of seeds, poor maintenance of crops led to the yield's sharp

Сергей Николаевич Андреенков – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: Andreenkov_sn@mail.ru; https://orcid.org/0000-0001-9361-0104.

Владимир Андреевич Ильиных – д-р. ист. наук, заведующий сектором, Институт истории СО РАН, e-mail: agro_iwa@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-6361-1234

Sergey N. Andreenkov – Candidate of Historical Science, Senior Researcher, Institute of History SB RAS.

Vladimir A. Ilinykh – Doctor of Historical Science, Head of the Department, Institute of History SB RAS.

© Андреенков С.Н., Ильиных В.А., 2020

drop. The situation aggravated in the livestock breeding in collective and state farms due to livestock's surrender to the state in exchange for seeds and at the expense of grain procurement, lack of forage due to crops' poor harvest. In 1944 and 1945 situation in the Siberian agriculture remained difficult despite some signs of stabilization. The War brought agrarian sector of the regional economy into a deep crisis manifested in a significant decline of quantitative and qualitative indicators.

Key words: Great Patriotic War, agricultural industry, collective farm, state farm, personal subsidiary farming, Siberia.

ВВЕДЕНИЕ

Анализ развития сельского хозяйства относится к числу базовых задач аграрной историографии. Ее решение имеет принципиальное значение для определения эффективности функционирующего в стране аграрного строя. В современных условиях одной из наиболее общественно значимых историографических проблем является определение динамики и итогов развития сельского хозяйства в годы Великой Отечественной войны. Изучение темы в масштабах всей страны невозможно без реконструкции динамики сельхозпроизводства в отдельных регионах. Наиболее существенный вклад в изучение проблемы в СССР в целом внесли Ю.В. Арутюнян [1] и И.Е. Зеленин [2], исследовавшие соответственно колхозное и совхозное производство. Особая ценность работы Ю.В. Арутюняна для региональных исследований заключается в том, что в приложении к ней опубликованы обработанные статистические данные о численности скота, размерах посевов и валовых сборах зерновых в колхозах краев и областей РСФСР.

Степень изученности сельскохозяйственного производства в годы войны в отдельных регионах страны различна. Наиболее исследованным является сельское хозяйство Урала, которое детально осветили Г.Е. Корнилов [3], В.П. Мотревич [4; 5], Р.Р. Хисамутдинова [6]. Применительно к Сибири фактически все изучение ограничивается работами В.Т. Анискова [7; 8; 9, гл. 6, 7]. Объектом изучения в его работах является колхозное производство. Бесспорно, колхозы были основной, но не единственной формой организации сельхозпроизводства[1]. Значимый вклад в производство отдельных видов сельхозпродукции вносили личные приусадебные хозяйства (ЛПХ) населения и совхозы. Следует также отметить, что В.Т. Анисков в значительной степени опирался на статистические источники, введенные в научный оборот Ю.В. Арутюняном.

Задача настоящей работы заключается в реконструкции динамики основных отраслей аграрного производства Сибири в годы Великой Отечественной войны с выявлением специфики развития отдельных категорий хозяйств. В научный оборот вводятся новые статистические материалы, извлеченные из фонда ЦСУ СССР Российского государственного архива экономики. Территориальные рамки исследования включают Сибирь, которая состояла из двух экономических районов – Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского. Административно-территориальное устройство региона в годы войны претерпело существенные изменения[2]. При репрезентации статистического материала учитывается сопоставимость территориальных рамок.

СИТУАЦИЯ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВОЙНЫ

В связи с потерей в начальный период Великой Отечественной войны производственных мощностей на оккупированных территориях существенно возросла роль аграрного потенциала восточных районов страны. Особенно большая нагрузка ложилась на Сибирь, которая превращалась в важнейшего поставщика продовольствия и сырья фронту. Возрастание роли региона в сельхозпроизводстве обусловливалось и эвакуацией сюда сотен тысяч рабочих и служащих, нуждавшихся в продуктах питания. Значительная часть производимой в регионе сельхозпродукции шла в индустриальный Урал и на Дальний Восток.

Колхозам и совхозам Сибири, как и хозяйствам других тыловых территорий, приходилось выполнять производственные задания в условиях существенного сокращения трудовых и технических ресурсов. На фронт и в промышленность были мобилизованы миллионы колхозников. Основная тяжесть сельскохозяйственных работ легла на плечи женщин. Для частичного восполнения многократно обострившегося дефицита рабочей силы в производственную сферу в значительно больших, чем до войны, масштабах стали привлекаться старики, подростки, дети. Колхозные кадры пополнялись также эвакуированными жителями европейской части СССР, представителями депортированных народов. На уборочные работы в порядке обязательной трудовой повинности широко привлекались не занятые в сельском хозяйстве сельские жители, учащиеся, население городов и поселков городского типа.

Материально-техническая база сельскохозяйственного производства существенно ослабла. Значительная часть тракторов была передана фронту. Остав-

[1] В 1940 г. доля колхозов в общей площади посева зерновых культур в Сибири составляла 89,6 %, картофеля – 29,5, овощей – 38,5, в поголовье крупного рогатого скота (КРС) – 47,6, коров – 34,7, свиней – 43,2, овец и коз – 60,6 % (табл. 1, 3).

[2] В Западную Сибирь в 1941 г. входили Алтайский край, Новосибирская и Омская области. В 1943 г. из состава Челябинской области выделилась Курганская область, которую включили в Западно-Сибирский экономический район. В том же году из Новосибирской области выделили Кемеровскую область. В 1944 г. из Новосибирской области выделили Томскую область, из Омской – Тюменскую область. При образовании новых областей часть районов Курганской, Кемеровской областей и Алтайского края передали соответственно в состав Тюменской, Томской и Новосибирской областей. В Восточную Сибирь в 1941 г. входили Красноярский край, Иркутская и Читинская области, Бурят-Монгольская и Якутская АССР. В 1944 г. в состав РСФСР вошла Тува, которая получила статус автономной области и была включена в Восточно-Сибирский экономический район [10]. В настоящей статье данные по Тувинской АО не учитываются.

шийся в хозяйствах тракторный парк состоял главным образом из устаревших и изношенных марок. К минимуму было сведено обеспечение сельхозтехники запчастями и горюче-смазочными материалами, что приводило к простою значительной части машинного парка. Объем работ, выполненных тракторами МТС (в переводе на мягкую пахоту) в Сибири в 1944 г., снизился по сравнению с 1940 г. в 2,2 раза[3].

В этих условиях существенно усилилось значение живого тягла. Однако поголовье рабочего скота тоже значительно сократилось. Лучший конский состав был передан армии. Из колхозов Западной Сибири только во второй половине 1941 г. было отправлено в армию около четверти поголовья лошадей. Их численность продолжала снижаться в 1942–1945 гг. В конце 1944 г. лошадей в колхозах Сибири было в 2 раза меньше, чем в конце 1941 г. [1, с. 432–433, 440–441]. К полевым работам стали широко привлекаться коровы и нетели. В качестве тягловой силы использовался не только колхозный, но и личный скот.

В 1941–1942 г. произошло утяжеление податного обложения аграрного производства. Органы верховной власти вводили для колхозов новые натуральные повинности и повышали размеры уже существовавших (см.: [11, с. 133, 136, 145–146]). Помимо выполнения обязательных поставок колхозы сдавали свою продукцию в фонды обороны, помощи инвалидам войны, восстановления хозяйства освобожденных районов и т.д. Колхозы оказывали нуждающимся соседям помощь семенами, а колхозники сдавали хлеб из своих личных запасов в счет колхозных податей. Возросшее нормативное обложение колхозов существенно превышало их реальные возможности. В этих случаях государство изымало практически всю произведенную продукцию, опустошая даже семенные фонды. 23 ноября 1942 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР предписали местным властям, не останавливаясь перед применением репрессивных мер, увеличить объемы хлебосдачи за счет изъятия страховых и семенных фондов [8, с. 35].

Увеличилось налогообложение ЛПХ сельских жителей. Существенно возросла роль платежей, относимых к категории добровольных. Основными из них оставались государственные займы (см.: [11, с. 62–65]). При этом уровень доходов колхозников от работы в колхозном хозяйстве значительно сократился. В 1944 г. в Западной Сибири выдача зерна колхозникам на один трудодень (в расчете на душу населения) снизилась по сравнению с 1940 г. в 2 раза, в Восточной Сибири – в 3 раза. Денежные начисления за труд были минимальны [9, с. 212].

РАСТЕНИЕВОДСТВО В 1941–1943 гг.

Потери производственного потенциала сельского хозяйства в 1941 г. можно было частично компенсировать за счет существенного расширения посевных площадей сельскохозяйственных культур в восточных регионах страны. В первые месяцы войны принимается решение значительно расширить озимый клин. В Сибири осенью 1941 г. площадь посева озимой ржи, которая для региона фактически являлась единственной озимой культурой, увеличилась по сравнению с предыдущим годов в 1,5 раза. Наращивание посевов планировалось продолжить и весной 1942 г. Однако намеченные планы выполнить не удалось. Более того, посевы яровых зерновых в регионе даже несколько сократились (на 0,4 %). При этом значительную часть площадей, предназначенных под яровую пшеницу, пришлось засеять просом, посевные площади которого выросли на 55 %. В итоге в Сибири посев пшеницы в 1942 г. уменьшился по сравнению с 1941 г. на 8,6 %, а зерновых культур в целом увеличился на 4,4 %. Вместе с тем значительно расширялись посадки технических культур, картофеля и овощей. Общий прирост посевов всех культур в 1942 г. составил в регионе 6,2 %[4] (табл. 1).

Показателем нарастания кризисных явлений в земледелии, помимо увеличения удельного веса малоценных и потребительских культур, стало затягивание сроков выполнения сельскохозяйственных работ (в том числе в ходе озимой кампании 1941 г.). Их низкое качество и несоблюдение агротехники привело к большой засоренности полей, а в сочетании с низким качеством семенного материала и неблагоприятными погодными условиями повлияло на снижение урожайности. Так называемый биологический валовый сбор зерновых культур в хозяйствах региона в 1942 г. уменьшился по сравнению с 1941 г. на 19,7 % (табл. 2). Более того, биологическая урожайность[5] хлебов в Сибири в 1942 г. была меньше, чем в недородном 1940 г. Снижение «амбарного» валового сбора было значительно более масштабным. В колхозах Алтайского края и Новосибирской области «биологический» урожай 1942 г. снизился по сравнению с 1941 г. на 11 %, а «амбарный» – на 35 %. Производство в регионе «второго хлеба», картофеля, напротив, увеличилось на 21,4 % (в хозяйствах всех категорий) [1, с. 421–423][6].

В связи со сверхнормативным изъятием зерна, которое затронуло страховые и семенные запасы, весной 1943 г. возник острейший дефицит семян. В Алтайском крае и ряде других регионов семенные фонды были засыпаны на 35–38 % [1, с. 165]. Для их восполнения были использованы государственные продовольственные и фуражные фонды, что усилило бескормицу в животноводстве. Тем не менее восполнить нехватку семенного материала не удалось. Недостаток семян, сельхозмашин и рабочей силы привел к сокращению посевных площадей зерновых культур, прежде всего пшеницы. Посевы яровых зерновых в Сибири снизились по сравнению с 1942 г. на 26,7 %, пшеницы – на 38,6 %. При этом продолжали увеличиваться посевы озимых зерновых и крупяных культур. Площадь, занятая озимой рожью, увеличилась на 25 %, просом – на

[3] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1490. Л. 106.

[4] Там же. Л. 25, 26, 40, 41, 120, 121.

[5] «Биологическая» урожайность определялась на момент созревания хлебов «на корню» без учета последующих потерь зерна, «амбарная» урожайность потери учитывала.

[6] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1490. Л. 360, 355, 389.

Таблица 1

Посевные площади в Сибири в 1940–1945 гг. (тыс. га)
Acreage in Siberia in 1940–1945 (thousand hectares)

Культуры Crop	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Хозяйства всех категорий						
Зерновые	14155	14351	14977	12090	10205	9973
В том числе пшеница	7475	7120	6509	3997	3303	3907
Технические	523,9	582,6	660,5	542,8	402,6	364,2
Картофель	492,3	495,7	648,7	729,4	783,2	809,7
Овощи	82,8	99,6	124,3	145,9	153,9	145,7
Кормовые	1281	1523	1587	1201	943	840
Все культуры	16547	16958	18010	14723	12505	12148
Колхозы						
Зерновые	12677	12807	13342	10799	8974	8784
В том числе пшеница	6886	6565	6013	3713	3077	3664
Технические	499,9	454,4	635,9	515,4	372,2	337,6
Картофель	145,3	153,7	206,9	186	163,9	170
Овощи	31,9	41,9	48,9	46,4	42,5	43,9
Кормовые	737	895	948	669	476	404
Все культуры	14099	14362	15190	12224	10038	9750

Источники: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1490. Л. 149, 154, 158-159, 163, 174-175, 179, 197, 201, 241, 245, 249, 253, 256-257, 260.
Примечание: В этой и последующих таблицах приведены сопоставимые данные в административно-территориальных границах 1945 г.

Таблица 2

Валовый сбор зерновых культур в Сибири в 1940–1945 гг. (тыс. ц)
Gross harvest of grain crops in Siberia in 1940–1945 (thousand centhers)

Валовый сбор Grossharvest	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
«Биологический» валовый сбор в колхозах и госхозах	127 035	147 181	118 176	73 237	65 012	59 658
«Биологический» валовый сбор в колхозах	114 152	129 601	104 195	67 403	56 789	–
«Амбарный» валовый сбор в колхозах	–	–	48 543	32 145	37 787	33 756

Источники: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1409. Л. 9-10; Д. 1490. Л. 360; Д. 1486. Л. 119; [1, с. 422-429].
Примечание. Сведения об «амбарном» валовом сборе в колхозах приведены без учета Якутии.

57 %. Посевы зерновых в регионе в итоге уменьшились на 19,3 %. Площади под техническими культурами сократились на 17,8 %, кормовыми – на 24,3 %. Расширение посадок картофеля и овощей осуществлялось за счет личных хозяйств населения. В колхозах они сократились. Общее снижение посевов всех культур в 1943 г. составило в Сибири 18,3 %[7] (см. табл. 1).

Для зернового хозяйства Сибири 1943 г. стал самым тяжелым за всю войну. Сокращение трудовых и технических ресурсов достигло критического уровня. Из-за слабой механизации работ повсеместно применялись упрощенные способы обработки земли. Засуха, низкое качество семян, плохой уход за посевами привели к резкому падению урожайности. «Биологический» валовый сбор зерна в регионе снизился по сравнению с 1942 г. на 38 %. Неблагоприятные погодные условия во время уборки урожая привели к огромным потерям зерна. «Амбарный» урожай в колхозах был почти в 2 раза меньше «биологического» (табл. 2). Средний итоговый амбарный сбор с одного гектара укосной площади в колхозах Алтайского края составил 2,5 ц/га, Новосибирской и Омской областей – 3,3, Читинской области – 3,5, Бурятии – 3,7, Иркутской области и Красноярского края – 3,8 ц/га [1, с. 430]. Картофеля в 1943 г. во всех категориях хозяйств собрали на 15,8 % больше, чем в предыдущем. Следствием острого дефицита семян осенью 1943 г. стало сокращение посевов озимой ржи, составившее 23,8 %[8].

[7] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1409. Л. 25, 26, 40, 41, 120, 121.

[8] Там же. Л. 355, 389, 390; Д. 1409. Л. 25, 26.

ЖИВОТНОВОДСТВО В 1941–1943 гг.

В крайне неблагоприятных условиях развивалось животноводство. В первые военные годы существенно уменьшилось число животноводческих кадров, ухудшилось ветеринарное обслуживание сельскохозяйственных животных, распространились эпизоотии, остановилось строительство помещений для скота, снизилось количество и качество кормов. Следует отметить, что спад в животноводстве начался еще в 1940 г. Значительное увеличение тяжести налогообложения вызвало снижение поголовья скота в личных хозяйствах. Негативное влияние на состояние животноводства в основных сельскохозяйственных районах Западной Сибири оказал катастрофический неурожай и недород трав 1940 г., который привел к резкому сбросу стада в зимний стойловый период 1940/41 г. [12, с. 586–587]. Весной и летом 1941 г. компенсировать потери не удалось, а осенью и зимой началась сверхнормативная сдача скота в счет мясопоставок. В итоге за 1941 г. в колхозах и личных хозяйствах колхозников Западной Сибири поголовье крупного рогатого скота (КРС) сократилось на 14,7 и 20,7 %, овец и коз – на 11,2 и 38,9 % свиней – на 4,9 и 49,2 %. Во всех категориях хозяйств Сибири в целом КРС в конце 1941 г. было на 11,8 %, коров – на 6,1, свиней – на 14,7, овец и коз – на 14,2 % меньше, чем в конце 1940 г. (табл. 3)[9].

В соответствии с государственным планом развития животноводства 1942 г. была поставлена задача – увеличить поголовье продуктивного скота в колхозах восточных районов страны: КРС – на 29 %, свиней – на 43, овец – на 36 %. Одним из основных источников пополнения «общественного» стада КРС в 1942 г.

Таблица 3

Поголовье скота в Сибири в 1940–1945 гг. (на конец года, тыс. голов)
The number of cattle in Siberia in 1940–1945 (at the end of the year, thousand of heads)

Показатель Indicator	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
В хозяйствах всех категорий						
КРС	7045	6217	6254	5705	5793	6106
В том числе коровы	3268	3069	3054	2889	2836	–
Свиньи	2029	1731	1529	1033	974	990
Овцы и козы	10985	9425	9763	7678	7320	7258
В колхозах						
КРС	3352	3067	3169	2548	2237	1994
В том числе коровы	1141	1086	1018	834	705	638
Свиньи	877	869	799	384	332	300
Овцы и козы	6653	6346	6679	4868	4213	3720
В госхозах						
КРС	557	611	621	529	563	–
В том числе коровы	228	241	228	198	199	–
Свиньи	277	311	277	238	237	–
Овцы и козы	768	850	783	678	718	–
В ЛПХ колхозников						
КРС	2109	1650	1531	1584	1799	–
В том числе коровы	1224	1127	1136	1133	1149	–
Свиньи	670	409	348	316	300	–
Овцы и козы	3039	1861	1866	1662	1829	–
В ЛПХ рабочих и служащих						
КРС	927	799	873	979	1134	–
В том числе коровы	648	588	650	705	764	–
Свиньи	163	112	79	85	91	–
Овцы и козы	352	239	285	340	429	–

Источники: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1490. Л. 418-419, 424-425, 430, 435, 440, 445, 450, 455-456, 460-461, 466, 471, 477; Д. 1821. Л. 116, 120-135; Д. 1906 Л. 157, 161, 165, 169; [1, с. 440-441].

Примечание. Сведения о поголовье свиней и мелкого рогатого скота в ЛПХ рабочих и служащих приводятся без учета Курганской и Тюменской областей.

[9] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1490. Л. 430, 435, 450, 455, 471, 477.

должна была стать контрактация, которая фактически представляла собой обязательное отчуждение скота у колхозников. В Алтайском крае с 1 января по 1 сентября 1942 г. количество КРС в колхозах выросло на 96 тыс. голов, 52 % которых были взяты у колхозников. В Омской области аналогичный показатель составлял 87 %, в Новосибирской – 92 %[10]. Однако сдача в счет мясопоставок и сверхнормативный падеж скота фактически аннулировали результаты контрактации. В конце 1942 г. крупного и мелкого рогатого скота в колхозах Сибири было соответственно на 3,3 и 5,2 % больше, чем в начале года, а свиней – на 8,1 % меньше, чем в начале года. В совхозах, которые опирались лишь на внутренние ресурсы, за 1942 г. удалось незначительно увеличить стадо КРС (на 1,6 %), но численность мелкого скота в них сократилась (свиней – на 10,9, овец – на 7,9 %). Принудительная контрактация скота в сочетании с возросшими мясопоставками негативно сказалась на животноводстве в ЛПХ. У сибирских колхозников в 1942 г. поголовье в ЛПХ КРС уменьшилось по сравнению с предыдущим годом на 7,2 %, свиней – на 14,9 % (табл. 3).

Вследствие сокращения размеров личного хозяйства в деревне усилился голод. Чтобы исправить ситуацию, Центр осудил практику изъятия скота у колхозников и потребовал оказать помощь их личным хозяйствам. Достаточно широко стала применяться продажа или даже передача колхозных сельскохозяйственных животных членам сельхозартелей [1, с. 346-347]. Тем более что сохранность скота в их хозяйствах была на порядок выше, чем на страдавших от бескормицы «общественных» фермах. Первым итогом реализации данной политики стало увеличение в 1943 г. поголовья КРС на личных подворьях колхозников на 3,5 %. Численность мелкого скота у колхозников в 1943 г. продолжала сокращаться. В 1944 г. темпы наращивания поголовья КРС в ЛПХ членов колхозов выросли до 13,6 %, увеличилось и стадо мелкого рогатого скота (на 10 %), лишь численность свиней продолжала сокращаться (на 5,1 %). В 1945 г. в личном секторе колхозной экономики увеличилось поголовье всех видов продуктивного скота. В ЛПХ рабочих и служащих наращивание поголовья крупного и мелкого рогатого скота началось уже в 1942 г., свиней – в 1943 г. (табл. 3).

Положение в «общественном» животноводстве в 1943 г., напротив, резко ухудшилось. Изымая в счет обязательных поставок значительную часть семенного зерна, государство принуждало колхозы приобретать недостающее количество семян в обмен на скот. Летняя засуха, которая вызвала недород трав и неурожай зерновых, подорвала кормовую базу и привела к росту падежа сельскохозяйственных животных. ЛПХ перестало быть источником пополнения колхозного стада. В условиях невыполнения планов хлебозаготовок расширились масштабы сдачи скота в счет хлеба. В 1943 г. сдача мяса вместо зерна в Красноярском крае возросла на 78 %, в Новосибирской области – на 50, в Омской – на 43, в Алтайском крае – на 24 % [8, с. 45]. В итоге поголовье КРС в колхозах Сибири за 1943 г. сократилось на 19,6 %, коров – на 18,1, овец и коз – на 27,1, свиней – на 51,9 % Сброс стада продуктивного скота в совхозах был меньшим, чем в колхозах: КРС – на 14,8 %, коров – на 13,2, овец и коз – на 13,4, свиней – на 14,1 %. Результаты года в этой отрасли в колхозах и совхозах оказали негативное влияние на общую ситуацию в животноводстве (табл. 3).

СИТУАЦИЯ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ В 1944–1945 гг.

Впечатляющие успехи на фронте способствовали некоторому смягчению давления на колхозы и совхозы. Стабилизировалась тяжесть налогового пресса. Увеличились объемы предоставления им семенной помощи. Государственные ссуды частично восполнили дефицит семян во время весеннего сева 1944 г. Это позволило несколько снизить темпы сокращения посевов зерновых культур. Площади занятой ими пашни в колхозах и совхозах Сибири по сравнению с 1943 г. уменьшилась на 15,6 %. В то же время темпы сокращения посевов кормовых культур в колхозах оставались высокими, а технических культур, картофеля и овощей ускорились. Снижение посадок картофеля и овощей в «общественном» сектора было компенсировано их расширением в личном секторе. В итоге площадь, занятая картофелем, во всех категориях хозяйств в 1944 г. увеличилась на 7,4 %, овощей – на 5,5 % (см. табл. 1).

Погодные условия в 1944 г. оказались более благосклонными к труженикам сельского хозяйства Сибири. Урожайность зерновых «на корню» по сравнению с предыдущим годом во всех категориях хозяйств незначительно увеличилась – с 6,1 до 6,4 ц/га. Вместе с тем снижение посевных площадей привело к сокращению «биологического» валового сбора на 11,2 %. Однако благоприятные метеоусловия во время уборки урожая резко снизили масштабы потерь зерна. Если в 1943 г. в колхозах они составляли 52,3 % «биологического» урожая, то в 1944 г. – 33,5 %. В итоге «амбарный» валовый сбор в 1944 г. в колхозах увеличился по сравнению с предыдущим на 17,6 % (табл. 2).

Увеличение объема зернофуража в колхозах и более высокий урожай трав в Западной Сибири позволили стабилизировать численность свиней и несколько уменьшить темпы сокращения поголовья КРС. В Восточной Сибири сброс колхозного стада увеличился. В колхозах региона в целом численность КРС за 1944 г. снизилась на 12,2 %, коров – на 15,5, свиней – на 13,6, овец и коз – на 13,6 %. В совхозах Сибири поголовье крупного и мелкого рогатого скота возросло на 6,4 и 5,9 % соответственно, а коров и свиней изменилось незначительно.

Снижение уровня отчуждения зерна привело к относительному улучшению обеспеченности хозяйств семенами, что сказалось на результатах весенней сель-

[10] Государственный архив Российской Федерации(ГАРФ). Ф. А-310. Оп. 1. Д. 2489. Л. 9 об., 10, 42.

скохозяйственной кампании 1945 г. В колхозах Сибири площадь, засеянная зерновыми, сократилась по сравнению с предыдущим годом только на 2,1 %. При этом посевы пшеницы выросли на 19,1 %, а «второстепенных» зерновых культур снизились на 12,1 %. Колхозы также добились наращивания посадок картофеля и овощей. При этом посевы технических и кормовых культур в них продолжали снижаться. В совхозах в 1945 г. увеличились посевы зерновых и кормовых культур. В личном секторе аграрной экономики продолжалось наращивание посадок картофеля (см. табл. 1).

Несмотря на некоторые признаки стабилизации, ситуация в сельском хозяйстве Сибири в конце войны оставалась крайне тяжелой. Тотальное несоблюдение агротехники привело к нарастающему падению плодородия почвы. В 1945 г. «биологическая» урожайность зерновой нивы во всех категориях хозяйств снизилась до 5,8 ц/га. Хлеба в «амбарном» весе в колхозах региона собрали на 10,7 % меньше, чем в 1944 г. Рабочий и продуктивный скот в колхозах в основной массе был истощен. Сверхнормативным оставался падеж скота от бескормицы, крайне низкой – его продуктивность. Продолжалось и сокращение поголовья скота в колхозах и совхозах. В колхозах региона численность КРС за 1945 г. снизилась на 10,9 %, коров – на 9,5, свиней – на 9,6, овец и коз – на 11,6 % (табл. 3).

ВЛИЯНИЕ ВОЙНЫ НА СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Война нанесла сельскому хозяйству Сибири значительный урон. Существенно сократились его трудовые ресурсы. Ухудшилась материально-техническая база. В 1945 г. посевные площади во всех категориях хозяйств Сибири сократились по сравнению с 1941 г. на 28,4 %, в том числе под посевы зерновых – на 30,5, пшеницы – на 45, технически культур – на 37,5, кормовых – на 45 %. Возросшие мясопоставки и ухудшение кормовой базы привели к снижению численности скота. Поголовье КРС во всех категориях хозяйств региона в 1941–1944 гг. уменьшилось на 11%, свиней – на 51, овец и коз – на 29 % (см. табл. 1, 3).

Война по-разному отразилась на различных организационно-производственных структурах сельского хозяйства. Заметно снизились масштабы колхозного производства. Посевные площади зерновых в колхозах Сибири сократились в 1945 г. по сравнению с 1941 г. на 32 %. Достаточно глубоким было падение производительных сил колхозного животноводства. К началу 1945 г. поголовье КРС в сельхозартелях региона снизилось по сравнению с концом 1941 г. на 33 %, коров – на 38, овец и коз – на 37, свиней – на 62 % (см. табл. 1, 3).

Данные о погодовой динамике посевных площадей в совхозах региона нами не выявлены. Но имеющиеся источники позволяют сделать вывод о том, что снижение посевных площадей в крупных (трестированных) совхозах было более глубоким, чем в колхозах. Уровень механизации зернового хозяйства в совхозах накануне войны был выше, чем в сельхозартелях. Поэтому совхозы более остро реагировали на ухудшение технической оснащенности производства. В то же время сброс стада в госхозах был меньшим. Власти стремились в максимально возможной степени сохранить составляющий основу совхозного стада высокопородный племенной скот (см. [12, с. 118]).

Потери, понесенные трестированными совхозами, частично компенсировались для так называемого государственного сектора сельской экономики подсобными хозяйствами предприятий и учреждений, количество и хозяйственная мощность которых за время войны значительно выросли. Если в 1941 г. подсобные хозяйства имели 80 предприятий и учреждений Новосибирска, то в 1944 г. – 450. Посевные площади, занятые картофелем, увеличились в них с 1,1 тыс. до 9,0 тыс. га, овощами – с 0,6 тыс. до 3,7 тыс. га, зерновыми, крупяными и бобовыми культурами – с 4,2 тыс. до 292,4 тыс. га. Численность скота выросла с 24,5 тыс. голов в начале 1942 г. до 33,7 тыс. в начале 1945 г. [13, с. 679].

В годы войны массовый характер приобрело так называемое коллективное огородничество, которое заключалось в предоставлении жителям городов участков для выращивания картофеля на загородных земельных массивах. Увеличилась площадь огородов и на территории городских поселений. Горожане старались засаживать картофелем и овощами любой свободный участок своих подворий. В 1945 г. площадь посева в ЛПХ рабочих и служащих Сибири выросла по сравнению с 1940 г. в 2,6 раза. Площадь приусадебных участков у колхозников региона за это время, напротив, изменилась незначительно. Власти, как и в довоенные годы, контролировали их соответствие законодательно установленным нормативам. Площадь посевов в ЛПХ колхозников в 1945 г. была больше, чем в 1940 г., на 13,7 %[11]. За счет личного сектора аграрной экономики общая площадь посадок картофеля в Сибири за военные годы увеличилась в 1,6 раза, овощей – в 1,4 раза (см. табл. 1).

В приусадебном животноводстве членов колхозов, напротив, был зафиксирован спад. В начале 1945 г. поголовье КРС в их хозяйствах по сравнению с началом 1941 г. снизилось на 15 %, коров – на 6, овец и коз – на 40, свиней – на 55 % (табл. 3). Коровы, дающие бóльшую часть года молоко, ценились крестьянами гораздо больше, чем свиньи или овцы, обеспечивавшие их семьи мясом лишь на короткое время зимой. Поэтому во время голода колхозники в первую очередь забивали овец и свиней и старались до последней возможности сохранить корову. По той же причине мелкий скот гораздо активнее сдавался и в счет обязательных мясопоставок. В ЛПХ рабочих и служащих Сибири поголовье крупного и мелкого рогатого скота за годы войны увеличилось, а свиней – уменьшилось. КРС в них в начале 1945 гг. стало на 22 %, коров – на 18, овец и коз – на 22 % больше, а свиней – на 44 % меньше, чем в начале 1941 г.[12]

---

[11] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1490. Л. 280-281, 297.

[12] Там же. Д. 1821. Л. 116, 120, 124 128, 135.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Великая Отечественная война привела сельское хозяйство Сибири и страны в целом в состояние глубокого кризиса, который проявился в снижении и количественных (посевных площадей и поголовья сельскохозяйственных животных), и качественных (урожайности и продуктивности скота) показателей. В то же время сформировавшаяся в 1930-е гг. в СССР колхозно-совхозная система показала свою относительную эффективность и устойчивость в экстремальных условиях. Несмотря на невосполнимые людские и материально-технические потери, деревня за счет мобилизации внутренних резервов обеспечила фронт и тыл необходимым минимумом продовольствия и сырья. Сибирь наряду с Поволжьем и Казахстаном на первом этапе войны стала главной сельскохозяйственной базой страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1970. 467 с.

2. *Зеленин И.Е.* Совхозы в СССР (1941–1950). М.: Наука, 1969. 344 с.

3. *Корнилов Г.Е*. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 221 с.

4. *Мотревич В.П*. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 195 с.

5. *Мотревич В.П.* Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941– 1950 гг.). Екатеринбург: Наука, 1993. 307 с.

6. *Хисамутдинова Р.Р.* Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Малоизвестные страницы. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2002. 300 с.

7. *Анисков В.Т.* Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту, 1941–1945 гг. Деятельность партийных организаций по руководству сельским хозяйством в период Великой Отечественной войны. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1966. 371 с.

8. *Анисков В.Т.* Жертвенный подвиг деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1993. 245 с.

9. Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. 399 с.

10. *Зуев А.С, Ноздрин Г.А, Матханова Н.П., Ильиных В.А.* Административно-территориальное устройство Сибири и Дальнего Востока // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. I. С. 51.

11. *Ильиных В.А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск: ГУП РПО СО РАСХН, 2004. 167 с.

12. Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2012. 408 с.

13. *Букин С.С., Ильиных В.А.* Подсобные хозяйства предприятий и учреждений // Новосибирск: энциклопедия. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2003. 1072 с.

REFERENCES

1. *Arutyunyan Yu. V.* Soviet peasantry during the Great Patriotic War. Moscow, Nauka, 1970, 467 p. (In Russ.).

2. *Zelenin I. E.* State farms of the USSR (1941–1950). Moscow, Nauka, 1969, 344 p. (In Russ.).

3. Kornilov G. E. The Ural village during the Great Patriotic War (1941–1945). Sverdlovsk, Izd-vo Ural. un-ta, 1990, 221 p. (In Russ.).

4. *Motrevich V. P.* Collective farms of the Urals during the Great Patriotic War. Sverdlovsk, Izd-vo Ural. un-ta, 1990, 195 p. (In Russ.).

5. *Motrevich V. P.* Agriculture of the Urals in statistics indicators (1941–1950). Ekaterinburg, Nauka, 1993, 307 p. (In Russ.).

6. *Hisamutdinova R. R.* Agriculture of the Urals during the Great Patriotic War. Little-known pages. Orenburg, OGPU Publ. House, 2002, 300 p. (In Russ.).

7. *Aniskov V. T.* The collective farm peasantry of Siberia and the Far East - to the front, 1941-1945. Activities of party organizations to manage agriculture during the Great Patriotic War. Barnaul, Alt. kn. izd-vo, 1966, 371 p. (In Russ.).

8. *Aniskov V. T.* The countryside sacrificial feat. Siberian peasantry during the Great Patriotic War. Novosibirsk, Novosib. kn. izd-vo, 1993, 245 p. (In Russ.).

9. *Aniskov V. T., Gushchin N. Ya. (eds.)* Siberian peasantry in the period of Socialism developing and strengthening. Novosibirsk, Nauka, Sib. otd-nie, 1983, 399 p. (In Russ.).

10. *Zuev A. S, Nozdrin G. A, Mathanova N. P., Ilinykh V. A.* Administrative-territorial structure of Siberia and the Far East. *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri*. Novosibirsk, 2009, vol. 1, p. 51. (In Russ.).

11. *Ilinykh V. A.* Taxation of Siberian villages. Late 1920s – early 1950s. Novosibirsk, SB RAAS, 2004, 167 p. (In Russ.).

12. *Ilinykh V. A., Kavtsevich O. K. (eds.)* Agriculture in Siberia in the XX Century: problems of development and crises. Novosibirsk, IH SB RAS, 2012. 408 p. (In Russ.).

13. *Bukin S. S., Ilinykh V. A.* Subsidiary farms of enterprises and institutions. *Novosibirsk: entsiklopediya.* Novosibirsk, 2003, p. 1072. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 20.08.2020
Дата рецензирования 04.09.2020
Статья принята к публикации 15.09.2020

DOI: 10.15372/HSS20200402
УДК 94(47) ″1941/1943″

В.И. ШИШКИН

ПРЕВЕНТИВНЫЕ МЕРЫ НКВД ПО УКРЕПЛЕНИЮ СОВЕТСКОГО ТЫЛА (АВГУСТ 1941 – МАЙ 1943 г.)

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В сознании граждан России аббревиатура НКВД, как правило, ассоциируется с репрессиями и ГУЛАГом. Однако у этого ведомства в разное время были разные компетенции и обязанности. Например, в начале Великой Отечественной войны органы НКВД вели огромный объем строительных работ по сооружению оборонительных рубежей не только западнее, но и восточнее Москвы. В настоящем сообщении в научный оборот вводится информация о том, что в конце лета 1941 г. НКВД создал специальную группу, на которую возлагалась обязанность в случае оставления Красной армией Москвы осуществлять в столице против фашистов диверсионные акции. В мае 1942 г. около половины сотрудников этой группы НКВД было откомандировано на Дальний Восток, где в течение восьми месяцев они занимались созданием партизанских отрядов и баз на случай войны с Японией. Приводятся данные, свидетельствующие о том, что группа успешно справилась с поставленными перед ней задачами.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, НКВД, оборонительные сооружения, специальная группа, подполье, Дальний Восток, партизанские отряды.

V.I. SHISHKIN

PREVENTIVE MEASURES OF NKVD FOR STRENGTHENING THE SOVIET REAR AREA (AUGUST 1941 – MAY 1943)

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation.

NKVD abbreviation is associated in Russia's citizen consciousness, as a rule, with repression and GULAG. However, this department had various competences and duties at different times. For example, NKVD carried out an enormous volume of construction works to erect defensive lines both east and west of Moscow at the beginning of the Great Patriotic War. This report introduces into scientific discourse the information about forming a special group in late summer 1941 by NKVD with the responsibility to realize sabotage operations against fascists in the capital in case the Red Army left Moscow. In May 1942 about a half of participants of this group was sent to the Far East, where they were engaged during 8 months in creating partisan units and bases in a case of war against Japan. The report provides evidences that the group successfully fulfilled the tasks assigned to it.

Key words: Great Patriotic War, NKVD, defensive lines, special group, underground, Far East, partisan units.

Великая Отечественная война в силу ее масштабов, продолжительности и многомиллионного количества акторов относится к событиям эпохального характера. Совершенно естественно, что война, оказавшая влияние на ход всемирной истории, изменившая геополитическую карту мира, была и еще долго будет оставаться объектом изучения историков.

Результаты Великой Отечественной войны известны: Советский Союз одержал победу над фашистской Германией и ее сателлитами. В то же время многие проблемы истории войны, в том числе ключевые, остаются недостаточно исследованными, а среди историков нет единства мнений в их интерпретации и понимании. Безусловно, главный из этих вопросов – какую цену за Победу в войне заплатили народы СССР. На протяжении нескольких десятилетий официальные цифры безвозвратных и демографических потерь советским руководством фальсифицировались.

Владимир Иванович Шишкин – д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: patric@academ.org, http://orcid.org/0000-0002-1462-4805
Vladimir I. Shishkin – Doctor of History, Professor, Chief Researcher, Institute of History SB RAS.

© Шишкин В.И., 2020

Напомним, что по утверждению И.В. Сталина, сделанному 14 марта 1946 г., Советский Союз потерял 7 млн чел., тогда как большинство независимых исследователей изначально оценивало демографические потери СССР в 19–20 млн чел. С тех пор данные о советских потерях неоднократно пересматривались в сторону их увеличения. В 1961 г. Н.С. Хрущев признал, что потери составили около 20 млн. 8 мая 1990 г. очередная государственная комиссия пришла к выводу. что демографические потери СССР за время Великой Отечественной войны составили 26,6 млн чел., т.е. были почти в 4 раза больше по сравнению с названной И.В. Сталиным исходной величиной. В декабре 2011 г. эта цифра была признана в качестве официальной Межведомственной комиссией, созданной нынешним министром обороны РФ. Но едва ли она окончательная. Продолжают выявляться фамилии попавших в плен, без вести пропавших, захороненных в безымянных братских могилах и не погребенных на месте боев, останки и предметы которых находят участники «Поискового движения России». В совокупности счет идет на тысячи солдат и офицеров Красной армии. Недостаточно изучены и пути, средства и методы, благодаря которым была достигнута Победа. Война по-прежнему таит в себе немало противоречивых и плохо известных фактов, вызывающих острые дискуссии как в кругу профессиональных историков, так и в любительской аудитории.

Разногласия среди исследователей в знаниях о Великой Отечественной войне имеют разные причины и природу. В значительной мере они детерминированы наличием, состоянием и доступностью источниковой базы, ее неполнотой, неточностью и даже отсутствием информации, иногда вполне закономерным и объяснимым. Значительное количество фактов времен войны – например, о деятельности органов разведки и контрразведки – в силу специфики их деятельности не должно было получить и не нашло отражение в источниках.

Большое количество фактов о войне изначально фиксировалось в документах, которые маркировались грифами разной степени секретности. Такие документы находились и в какой-то части продолжают до настоящего времени оставаться на условиях секретного, государственного или ведомственного, хранения и почти не доступны исследователям. Правда, в последние три десятка лет с большим трудом, медленно и непоследовательно осуществлялось рассекречивание части таких документов. У отдельных исследователей даже сложилось мнение, имеющее под собой некоторое основание, что процесс рассекречивания сознательно тормозится руководством архивной службы (см., напр., [1]). В действительности, конечно, главная причина кроется совсем в другом: в позиции государственной власти, искусственно ограничивающей доступ к особо ценной информации, которая не вписывается в официальную концепцию хода войны.

По мере того как государственные и ведомственные архивы, особенно Центральный архив Министерства обороны РФ, начали переводить имеющиеся у них документы на открытый режим хранения и приоткрывать доступ к их сокровищам исследователям, появилось большое количество оригинальных публикаций. Авторы многих из них не только расширили источниковую базу, но в одних случаях углубили, а в других – подвергли критике и даже пересмотрели выводы советской историографии. Особенно большой прогресс наблюдается в изучении боевых действий на советско-германском фронте. За последние три десятилетия предметом специального исследования стали почти все операции и крупнейшие сражения, начиная от приграничных боев лета 1941 г. до заключительных операций весны 1945 г. В результате российская историография обогатилась на событийном уровне и стала более объективной концептуально.

Значительная часть исследователей плодотворно работала над изучением ранее табуированных проблем Великой Отечественной войны. В результате появились интересная книга о том, как претворялся в жизнь приказ Государственного Комитета Обороны (ГКО) № 801/сс от 15 октября 1941 г. «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы», монографии о создании укрепленных районов и оборонительных рубежей как западнее, так и восточнее Москвы, о блокаде Ленинграда, о национальных воинских формированиях, о трудармейцах, военном и трудовом дезертирстве, советских военнопленных, коллаборационизме, депортации народов, детской беспризорности, инвалидах, повседневности на контролируемых партизанами и оккупированных фашистами территориях, альтернативных советскому политических режимах на временно оккупированных немецкими войсками территориях. Поскольку большинство этих публикаций было основано на новых и достоверных источниках, они существенно расширили событийную базу и способствовали формированию концепции Великой Отечественной войны не только как героического подвига, но и как народной трагедии.

Несомненно, что дальнейшее изучение архивных материалов позволит обогатить наше знание новыми фактами, более точным и глубоким пониманием происходившего на фронте и в тылу. Одним из такого рода примеров можно считать находку в фонде И.В. Сталина двухстраничного доклада начальника боевой диверсионной группы П.М. Никифорова, написанного им в мае 1943 г. и адресованного самому Сталину[1].

В докладе сообщалось, что в августе 1941 г. по предложению НКВД в Москве была организована боевая диверсионная группа в составе 11 чел., в которую вошли П.М. Никифоров (начальник), А.А. Воронин, Ф.И. Дриго, С.А. Новоселов, Г.Т. Перевозчиков, Н.М. Матвеев, Г.Т. Петров, Н.А. Седиков, О.А. Колоскова, К.И. Шмитман и Е.Ф. Крамчанонова.

Все члены группы были старыми коммунистами, в том числе некоторые занимались подпольной рабо-

[1] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 885. Л. 22–23.

той до революции 1917 г. и во время гражданской войны. Начальник группы Петр Михайлович Никифоров являлся профессиональным революционером, большевиком с 1904 г. До революции он четырежды подвергался арестам, трижды бежал из заключения, 10 месяцев сидел в тюрьмах и пять лет провел на каторге. В 1910 г. Иркутским военно-окружным судом был приговорен к смертной казни, замененной 20-летней каторгой. После Октябрьского переворота 1917 г. Никифоров возглавлял Владивостокский совет. В 1920 г. он внес большой вклад в формирование Дальневосточной Республики: был председателем Дальневосточного краевого комитет РКП(б) и членом Дальневосточного бюро ЦК РКП(б), с мая 1921 до октября 1922 г. возглавлял Совет министров ДВР. В дальнейшем работал в Москве на руководящих должностях в народных комиссариатах финансов и внешней торговли СССР, был заместителем наркома снабжения РСФСР.

Судя по всему, Никифоров принимал непосредственное участие в формировании группы, поскольку в ее составе оказались 3 чел., с которыми он был хорошо знаком по совместной работе в Дальневосточной Республике. Одним из них был большевик с 1917 г. Н.М. Матвеев, который сначала являлся военным министром ДВР, а в 1922 г. стал председателем ее правительства, другим – большевик с 1917 г. Г.Т. Петров, занимавший в ДВР пост министра труда, третьим – член РКП(б) с 1921 г. Н.А. Седиков, служивший в политотделе 2-й Амурской армии.

Под стать названным членам группы были большевики с 1905 г. Ф.И. Дриго и С.А. Новоселов. Первый из них до революции за политическую деятельность отбывал каторгу, в 1923–1925 гг. возглавлял исполком Хабаровского городского и уездного Советов, в 1930-е годы занимал должность заместителя начальника морского управления Главного управления Северного морского пути, имел звание капитана 1-го ранга. С.А. Новоселов во время гражданской войны возглавлял советские органы Екатеринбургской и Тюменской губерний, в начале 1920-х гг. являлся членом Уральского бюро ЦК РКП(б), затем работал в центральном аппарате ЦКК–РКИ, был делегатом XII–XVII съездов РКП(б)–ВКП(б), избирался членом ВЦИК РСФСР VIII–X созывов и членом ЦИК СССР первого созыва.

Удалось также установить, что член группы Г.Т. Перевозчиков был большевиком с 1908 г., с конца февраля по июль 1918 г. состоял заместителем председателя Забайкальской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. Никаких биографических данных об остальных членах группы пока найти не удалось.

Обращает на себя внимание солидный возраст членов группы Никифорова. Не исключено, что ее специально сформировали из людей немолодых, которые не вызвали бы у фашистов подозрение в качестве способных к активному сопротивлению. Но можно не сомневаться в том, что члены группы были настолько преданы коммунистической партии и советской власти, что в случае необходимости пожертвовали бы своей жизнью.

В августе 1941 г. группа перешла на нелегальное положение, а членов ее семей НКВД эвакуировал из Москвы. Группе выделили большое количество боевых средств. Ее задача заключалась в том, чтобы наносить фашистам удары изнутри, если они войдут в столицу.

Совершенно очевидно, что решение о создании диверсионной группы Никифорова принималось руководством не одного, хоть и могущественного ведомства. Безусловно, эта мера получила одобрение высшего партийно-советского руководства или ГКО. Нельзя исключать того, что названная группа была не единственной, а с аналогичными целями НКВД создал и другие законспирированные ячейки.

Создание группы Никифорова косвенно свидетельствует о том, насколько критической была ситуация на фронте уже через месяц после начала войны, если в конце июля 1941 г. советское руководство не исключало того, что придется оставить Москву.

Вся группа Никифорова находилась на нелегальном положении в Москве до конца мая 1942 г., а примерно половина ее – до ноября 1942 г. В мае 1942 г. по решению Организационного бюро ЦК ВКП(б) шесть членов группы (ранее работавшие на Дальнем Востоке Дриго, Матвеев, Перевозчиков, Петров и Седиков во главе с Никифоровым) получили новое особое задание. По словам Никифорова, им предстояло подготовить на Дальнем Востоке партизанское движение «на случай выступления соседней державы против СССР»[2].

Группа Никифорова работала в Приморском и Хабаровском краях, в Читинской области и в Бурят-Монгольской АССР довольно долго, примерно восемь месяцев. Результатами ее деятельности стало создание в труднодоступной таежной местности 200 продовольственных баз и формирование почти 400 партизанских отрядов (см. таблицу). Базы создавались за счет средств колхозов и хозяйственных организаций. Совершенно очевидно, что группа всего из 6 чел. могла осуществить такую масштабную работу за восемь месяцев только при содействии местных партийно-советских органов.

В каждый отряд был назначен командир из бывших партизан, прошедших обучение на командных курсах, а в качестве ядра он имел коммунистов и бывших участников партизанского движения. Однако в литературе по истории Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны никаких сведений о деятельности группы Никифорова не приводится [2, 3]. Судя по всему, дальневосточные историки не располагали соответствующей информацией.

В феврале 1943 г. группа Никифорова завершила выполнение поставленного перед ней задания, вернулась в Москву и по распоряжению НКВД была распущена. Некоторое время спустя Никифоров обратился лично к И.В. Сталину с письмом, в котором

[2] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 885. Л. 22.

Результаты деятельности группы Никифорова
Results of activities of the Nikiforov group

Район District	Баз Bases	Отрядов Squads	Бойцов Soldiers	Коммунистов Communists	Партизан Partisans
Приморский край	87	100	4072	818	694
Хабаровский край	52	182	6670	2434	862
Читинская область	30	60	2300	450	300
Бурят-Монгольская АССР	32	50	1664	405	149
Итого	201	392	14706	4107	2005

Источник: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 885. Л. 23.

ходатайствовал о награждении членов группы правительственными наградами. 25 мая письмо Никифорова поступило и было зарегистрировано в Особом секторе ЦК ВКП(б). На документе имеются пометы, свидетельствующие о том, что с его содержанием, скорее всего, ознакомились заведующий Особым сектором А.Н. Поскребышев и нарком внутренних дел Л.П. Берия[3]. Никаких наград члены группы Никифорова не получили, но и никакого наказания за дерзкое обращение к Сталину не последовало.

Оба задания НКВД, выполнением которых занималась группа Никифорова, никак не сказались на ходе Великой Отечественной войны. В итоге ее деятельность оказалась как бы «холостым выстрелом». Но такой результат едва ли правильно поставить кому-то в вину. Скорее наоборот. Поскольку группа Никифорова справилась с обеими поставленными перед ней задачами, можно утверждать, что в данном случае органы НКВД в принципе сработали грамотно, на опережение и успешно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Огрызко В.В.* Архивный беспредел: Победима ли архивная мафия? М.: Литературная Россия, 2019. 360 с.

2. *Ткачева Г.А.* Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Хабаровск, 2013. 340 с.

3. История Дальнего Востока России. Владивосток: Дальнаука, 2020. Т. 3, кн. 3: Дальний Восток СССР. 1941–1945 гг. 944 с.

REFERENCES

1. *Ogryzko V. V.* Archival mayhem: is the archival mafia defeatable? Moscow, Literaturnaya Rossiya, 2019, 360 p. (In Russ.).

2. *Tkacheva G. A*. Defense potential of the Far East of the USSR during the Great Patriotic War (1941–1945). Khabarovsk, 2013, 340 p. (In Russ.).

3. *Tkacheva G. A.* (ed.) History of the Russian Far East. Vladivostok, Dal'nauka, 2020, vol. 3, bk. 3: Far East of the USSR. 1941–1945. 944 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 10.09.2020
Дата рецензирования 10.09.2020
Статья принята к публикации 21.09.2020

[3] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 885. Л. 23.

DOI: 10.15372/HSS20200403
УДК 94 (47+57): 001.32″1941/1945″

Ж.А. ЕРМЕКБАЙ

ЭВАКУИРОВАННЫЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В КАЗАХСТАН УЧЕНЫЕ: ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Казахстанский филиал МГУ им. М.В. Ломоносова,
Республика Казахстан, 010010, г. Нур-Султан, ул. Кажимукана, 11

К истории Великой Отечественной войны исследователи будут возвращаться постоянно, ибо в каждой семье есть отголоски этой войны. Еще не до конца изучен трудовой вклад тыловых районов, быт, повседневность населения. Как известно, в 1941−1942 гг. в составе эвакуированных в Казахстан академических институтов, лабораторий, высших и средних специальных учебных заведений было немало ученых-академиков, членов-корреспондентов, профессоров, доцентов, младших и старших научных сотрудников. В статье на основе разнообразных источников освещается повседневная жизнь, научная и общественная деятельность ученых, эвакуированных в Алма-Ату и Боровое, показан их вклад в Победу.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Академия наук СССР, Казахский филиал АН СССР, академик А.А. Григорьев, академик Л.С. Штерн, член-корреспондент АН СССР А.М. Панкратова.

ZH. A. ERMEKBAY

EVACUATED SCIENTISTS IN KAZAKHSTAN DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945: HISTORY AND FATE

Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University,
11, Kazhimukan Str., Nur-Sultan, 010010, Republic of Kazakhstan

The article is devoted to evacuated scientists who worked in the USSR Academy of Sciences, universities, institutes and technical schools. Based on archival and other materials, the paper shows the research activities of employees of the Academy of Sciences of the Soviet Union and higher educational institutions during the Second World War. It describes the scientific and social activities of some outstanding scientists who were evacuated to Alma-Ata and Borovoe resort in the context of their fundamental research. The study methodological basis includes scientific principles of historism and consistency based on reliable sources. The activity of evacuated scientists is studied in the historical context of the war period. The consistency principle is aimed to consider the investigated object related to the Soviet society of the 1940s, including the USSR Academy of Sciences, the Kazakh SSR, party and Soviet bodies, educational and scientific institutions. Scientific results are predetermined by the need to rethink the Soviet experience of evacuating scientific and educational resources from the USSR European part to Kazakhstan taking into account new documents. This should be a step to study facts and events of the history of the Great Patriotic War of 1941–1945.

Key words: Great Patriotic War, USSR Academy of Sciences, academician, corresponding member, Kazakh Branch of USSR Academy of Sciences, A. A. Grigoriev, L. S. Shtern, A. M. Pankratova.

В начале Великой Отечественной войны руководство Советского Союза придавало стратегическое значение эвакуации научно-преподавательских кадров из центральных учреждений страны. 24 июня 1941 г. был создан Совет по эвакуации, который определил восточные регионы как главное направление эвакуации АН СССР и высших учебных заведений. Ответственным за эвакуацию образовательных и научных учреждений был назначен профессор С.В. Кафтанов, уполномоченный Государственного Комитета Обороны, председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР. Непосредственно за эвакуацию академических институтов отвечал вице-президент АН СССР, академик О.Ю. Шмидт.

Жарас Акишевич Ермекбай – д-р ист. наук, профессор, Казахстанский филиал МГУ им. М.В. Ломоносова, e-mail: ermekjaras@mail.ru
Zharas A. Ermekbay – Doctor of Historical Science, Professor, Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University.

© Ермекбай Ж.А., 2020

В начальный период Великой Отечественной войны из прифронтовой полосы стали эвакуироваться научные учреждения, высшие и средние специальные учебные заведения. Местами эвакуации были выбраны Казань, Свердловск (Екатеринбург. – *Ж.Е.*), Западная и Восточная Сибирь, Казахстан и республики Средней Азии. Так, в Казахстан перебазировались многие научные и образовательные учреждения Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Воронежа и других городов Советского Союза. В 1941 г. в столице Казахской ССР Алма-Ате (Алматы. – *Ж.Е.*) разместились научно-исследовательские институты: астрономии, географии, истории, философии, биофизики, палеонтологии, физиологии, Центральный институт эпидемиологии и микробиологии, отдел литературы и языка, лаборатории цитологии, белка АН СССР[1].

Прибывшие научные работники зачислялись в штат Казахского филиала Академии наук СССР (КазФАН), возглавляемого председателем президиума КазФАН академиком И.Ф. Григорьевым. В 1941 г. в КазФАН появились: заведующий зоологическим сектором, академик АН СССР М.М. Завадовский; заведующий сектором биохимии и физиологии растений А.И. Смирнов; и.о. старшего научного сотрудника биохимической лаборатории Г.К. Крюкова; заведующий сектором географии, чл.-кор. АН СССР Н.Н. Баранский; заведующий лабораторией Геологического института, д-р геол. наук К.А. Ненадкевич; старший научный сотрудник лаборатории Геологического института, канд. геол.-мин. наук В.С. Салтыкова; заведующий углехимической лабораторией того же института, канд. геол.-мин. наук Т.А. Кухаренко; старший научный сотрудник указанного института Ф.А. Головачев; консультант Алма-Атинского ботанического сада, чл.-кор. АН СССР Б.М. Козо-Полянский; заведующая семенным отделом, д-р биол. наук В.И. Лашевская; заведующая сектором истории Института языка, литературы и истории КазФАН Х.Г. Айдарова; старший научный сотрудник зоологического сектора, канд. биол. наук Т.А. Детлаф[2].

Партийное руководство и правительство Казахской ССР принимали экстренные меры для размещения эвакуированных высших учебных заведений и академических учреждений. Постановлением СНК Казахстана от 12 января 1942 г. недостроенное здание общежития Кзыл-Ординского (Кызылординского. – *Ж.Е.)* педагогического института закрепили за Объединенным Украинским (Киевским и Харьковским) университетом. Исполком Кзыл-Ординского областного совета депутатов трудящихся и народный комиссар просвещения КазССР Сембаев обязали оказать необходимую помощь названным университетам в возобновлении учебной и научной работы[3]. Московский авиационный институт по решению исполкома Алма-Атинского городского совета депутатов трудящихся и бюро горкома КП(б) Казахстана от 5 февраля 1942 г. был размещен в здании, занимаемом ранее факультетами Казахского госуниверситета им. С.М. Кирова (Казахский национальный университет им. аль-Фараби)[4]. Всего в Казахскую ССР было эвакуировано 41 учебное заведение высшего и среднего специального образования вместе с 8 тыс. студентов и 545 преподавателями[5].

Непосредственное участие в размещении своих коллег принимал Казахский филиал АН СССР. В ноябре 1941 г. к заместителю директора КазФАН, профессору К.И. Сатпаеву обратились с письмом вице-президент АН СССР О.Ю. Шмидт и и.о. председателя Комитета филиалов вице-президент академии Е.А. Чудаков с просьбой: «…принять самое активное участие в создании эвакуированным в г. Алма-Ата учреждениям АН благоприятных условий для успешной их деятельности на новом месте (содействие в получении рабочих помещений, обеспечение жилплощадью научных сотрудников и проч.). В частности, президиум Академии наук просит Вас возможно полно использовать научные силы прибывших в Алма-Ата учреждений АН для решения актуальных вопросов народного хозяйства и культурного строительства Казахской ССР»[6].

В ответном письме от 9 января 1942 г. К.И. Сатпаев сообщил:

«Глубокоуважаемые Отто Юльевич и Евгений Алексеевич!

1. Выделили отдельный новый дом для размещения академиков, членов-корреспондентов АН и руководителей отдельных институтов АН. Академикам и членам-корреспондентам представлены отдельные квартиры, в большинстве из двух комнат. Здесь же получили по комнате несколько человек докторов наук.

2. Для остальных докторов и профессоров эвакуированных учреждений АН выделен под общежитие другой дом.

3. Значительная часть прочих работников АН разместилась в городе по ордерам горсовета или по частному найму жилплощади, за исключением 14 человек работников, которые проживают пока в служебных помещениях Филиала и для которых изыскиваются жилые помещения.

4. В отношении рабочих помещений учреждения АН размещены следующим образом: а) институты: географии, экономики, философии, лаборатории цитологии и группа историков (10 чел.) – размещены в Филиале АН. б) группа физиологов (во главе с акад. Штерн Л.С.), лаборатории биофизики и белка размещены в учебных учреждениях Наркомздрава КазССР.

---

[1] Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 708. Оп. 6/1. Д. 473. Л. 3 об.- 4 об.

[2] Там же. Л. 5.

[3] Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. Р-283. Оп. 1. Д. 113. Л. 1.

[4] Центральный государственный архив г. Алматы. Ф. 174. Оп. 15. Д. 550. Л. 306.

[5] *Жумашев Р.М.* Высшая школа Казахстана в период Великой Отечественной войны. URL: http://articlekz.com (дата обращения: 30.04.2020).

[6] ЦГА РК. Ф. 2057. Оп. 1. Д. 1571. Л. 2.

В отношении улучшения условий питания и быта научных работников АН приняты следующие меры:

1) Семьи всех академиков, членов-корреспондентов и части докторов наук прикреплены к правительственной столовой СНК КазССР; семьи всех остальных научных работников АН прикреплены к другой закрытой столовой, улучшенного типа, где условия питания, по отзыву самих столующихся, являются вполне удовлетворительными.

2) В отношении медицинского обслуживания первая группа работников (академики, члены-корреспонденты, часть докторов) прикреплена к поликлинике СНК КазССР, а остальной состав – к специальной поликлинике в системе НКЗдрава КазССР.

3) Для обслуживания нужд научных работников АН отведен специальный магазин в системе НКторга, где можно приобретать мебель, постельное белье, одежду, посуду и проч.

4) Для особо нуждающихся научных работников была оказана единовременная денежная помощь (главным образом в виде заимообразной ссуды), а также помощь в одежде»[7].

По прибытии в Казахстан начали работу Всесоюзный институт табачной и махорочной промышленности, Академия архитектуры СССР, Харьковская военная академия, Днепропетровский горный институт, Крымская селекционная станция, Украинский филиал института кормов, Украинский (Запорожский) филиал Всесоюзного института механизации и электрификации сельского хозяйства, Глазной институт им. В.П. Филатова, Физико-технический институт, Криогенная лаборатория АН УССР, лаборатория электромагнитных колебаний. Всего в республику было эвакуировано более 20 научно-исследовательских учреждений [1, с. 40−41].

В 1941−1943 гг. эвакуированный в Кзыл-Орду (Кызылорда. – *Ж.Е.*) Объединенный Украинский государственный университет произвел два выпуска и подготовил третий выпуск специалистов для народного образования, народного хозяйства и Красной армии. О деятельности профессорско-преподавательского состава университета свидетельствуют следующие факты. Доценты, кандидаты химических наук А.Т. Давыдов и М.Х. Глузман разработали методы получения глюкозы, алюминиевых квасцов, бертолетовой соли и других продуктов химического производства из местного сырья. Заведующий кафедрой зоологии и беспозвоночных Э.Е. Уманский написал статью, имевшую актуальное значение для улучшения породности скота; заведующий кафедрой всеобщей истории профессор С.А. Семенов-Зусер написал монографию «Древний Казахстан (материал по изучению истории древнего Казахстана за 25 лет существования КазССР)».

Объединенный Украинский университет оказал помощь местному педагогическому институту в подготовке кадров и защите диссертаций. Заведующий кафедрой педагогики профессор Л.И. Гуревич помогал в учебно-методической работе педагогам школ г. Кзыл-Орда, а преподаватели его кафедры прочитали лекции и доклады на учительских семинарах и конференциях. За два с половиной года пребывания в Кзыл-Орде декан исторического факультета, профессор Н.С. Шлепаков, заведующий кафедрой марксизма-ленинизма, доцент Н.А. Парицкий, заведующий кафедрой политэкономии, доцент И.Н. Первомайский и другие преподаватели прочитали в городе и районах области около 1000 докладов и лекций по марксистско-ленинской теории, международному положению и на научно-популярные темы.

Кроме основной образовательной деятельности, коллектив Объединенного Украинского университета участвовал в строительстве оросительного канала, вынув до 10 000 м^3 грунта. Постановлением Кзыл-Ординского областного совета депутатов трудящихся и бюро обкома партии ряд преподавателей Объединенного Украинского университета за высокие достижения были представлены к Почетной грамоте Верховного Совета КазССР, награждены ценными подарками[8].

В начале 1940-х гг. столица Казахстана Алма-Ата стала одним из центров астрономической науки благодаря эвакуации сюда Института физики и астрономии АН СССР во главе с академиком В.Г. Фесенковым. Академик Василий Григорьевич Фесенков (1899−1972) был уполномоченным президиума АН СССР по Казахстану, известным ученым-астрономом, одним из основоположников астрофизики. По прибытии в Алма-Ату В.Г. Фесенков и его семья проживали в общежитии Казахского педагогического института им. Абая. Ученый совмещал преподавательскую деятельность с научной работой в Институте геологических наук КазФАН. На первых порах семья академика Фесенкова испытывала бытовые и материальные трудности, нуждалась в квартире и прикреплении к столовой[9]. Местные власти делали все возможное, чтобы решить эти проблемы. В 1946 г. в связи с образованием АН Казахстана В.Г. Фесенков был избран академиком АН КазССР, а в 1947 г. стал заслуженным деятелем науки КазССР.

Всего в августе−ноябре 1941 г. в Алма-Ату прибыло 14 сотрудников Института физики и астрономии АН СССР, в том числе Д.А. Тихов – чл.-кор. АН СССР, заведующий обсерваторией; Н.М. Парийский – заместитель директора по научной части, кандидат наук, доцент; А.В. Марков – старший научный сотрудник, заведующий лабораторией, доктор наук; старшие научные сотрудники, кандидаты наук П.П. Добронравин, В.К. Вязаницкий, О.А. Мельников, А.А. Калиняк, М.Д. Лавров; научный сотрудник, кандидат наук А.И. Зельцер; аспирант-докторант, кандидат наук Э.Р. Мустель; помощник директора по хозяйственной части, научный сотрудник И.Д. Рымшиков.

---

[7] ЦГА РК. Ф. 2057. Оп. 1. Д. 1571. Л. 3–4.

[8] ЦГА РК. Ф. Р-283. Оп. 1. Д. 178. Л.166–169.

[9] АП РК. Ф. 708. Оп. 6/1. Д. 473. Л. 11.

Все эвакуированные сотрудники института нуждались в жилье, питании, медицинской помощи. Член-корреспондент АН СССР Д.А. Тихов, прибывший в Алма-Ату 17 сентября 1941 г., проживал с женой в одной из комнат обсерватории. Семья академика не была прикреплена к поликлинике СНК КазССР, как полагалось по статусу. Для отопления комнаты не хватало топлива. Доцент Н.Н. Парийский, также прибывший 17 августа 1941 г., проживал с семьей в составе 4 чел. в сыром подвале обсерватории, им также не хватало топлива. Хотя ученые были прикреплены к столовой и получали продукты по твердой цене, они нуждались в более комфортном жилье и прикреплении к поликлинике[10].

Несмотря на социальные и бытовые неудобства, коллектив института участвовал в подготовке к наблюдениям предстоящего затмения, которое произошло 21 сентября 1941 г. В Алма-Ате за неделю до затмения было организовано 18 лекций, посвященных этому редкому явлению. По словам академика В.Г. Фесенкова, еще до войны при президиуме АН СССР была создана Комиссия по подготовке к наблюдениям предстоящего затмения. Комиссия разработала новые приборы, организовала несколько экспедиций в полосу затмения. Одна из экспедиций оказалась в Алма-Ате и участвовала в изучении взаимодействия различных веществ в атмосфере Солнца, в исследовании тонких структурных особенностей солнечных извержений, состоящих из водорода, паров кальция и других элементов[11].

Значительную работу в Казахстане провели сотрудники Института географии АН СССР во главе с директором А.А. Григорьевым, академиком АН СССР. Андрей Александрович Григорьев (1883−1968) был первым директором Института географии АН СССР (1931−1951). Большая часть сотрудников Института географии обосновалась в 1941 г. в Алма-Ате. Сюда прибыли выдающиеся ученые: В.Ф. Васютин − профессор, чл.-кор. АН СССР, заведующий отделом экономической географии; К.К. Марков – д-р геогр. наук, профессор, заведующий отделом геоморфологии; П.И. Колосков – д-р геогр. наук, старший научный сотрудник; П.В. Погорельский – д-р экон. наук, заведующий секцией сельскохозяйственного производства; а также старшие научные сотрудники, кандидаты наук В.И. Лавров, П.В. Думитрашко, Б.А. Федорович, П.С. Макеев, А.А. Ульянов и другие, всего – 40 чел.[12]

Практически все сотрудники института были обустроены в квартирах и частных домах, прикреплены к столовым и поликлиникам. Однако не все проблемы бытового и материального характера решались своевременно. Так, академик А.А. Григорьев, прибывший в Алма-Ату 26 октября 1941 г., жил с супругой в гостинице в отдельном номере с оплатой 600 руб. в месяц, к столовой не был прикреплен и нуждался в диетическом питании, медицинской помощи, квартире. У академика также отсутствовали батареи для слухового аппарата[13].

Находясь в эвакуации в 1941−1943 гг., коллектив Института географии проделал значительную работу. По мнению Т.Д. Александровой, изучавшей деятельность Института географии по материалам архива РАН, летом 1941 г. еще продолжались геологические и географические экспедиции по изучению земельных фондов Казахской ССР, результаты работ по шести северным областям в январе 1942 г. были направлены в Госплан СССР. Участники экспедиции также обследовали и описали 10 городов и населенных пунктов республики. Работала экспедиция с целью создания новой схемы промышленного использования бессточных впадин Мангышлака, а Талгарская высокогорная экспедиция изучала рельеф свободных земельных фондов, пригодных для сельского хозяйства, выявляла очаги грязекаменных потоков и выполнила стереосъемку. Летом 1942 г. проводились полевые работы по изучению использования земельных фондов в подсобных хозяйствах промышленных предприятий Казахстана (Караганда, Балхаш, Джезказган-Карсакпай) с целью определения направлений и выявления возможностей расширения подсобных хозяйств [2, с. 105].

По заданию Наркоминдел и Внешторга СССР коллектив Института географии участвовал в подготовке географических материалов, необходимых для будущих решений по послевоенному устройству мира. В апреле 1943 г. на имя трех заместителей председателя СНК СССР – В.М. Молотова (наркома иностранных дел), А.И. Микояна (наркома внешней торговли) и А.Я. Вышинского – была отправлена докладная записка «О подготовке географических материалов и карт, необходимых при решении вопросов о послевоенном устройстве мира», подписанная президентом АН СССР, академиком В.Л. Комаровым, директором Института географии, академиком А.А. Григорьевым и заместителем директора, чл.-кор. АН СССР В.Ф. Васютиным. Институт географии предлагал подготовить материалы, которые помогут советским представителям на предстоящей мирной конференции защищать советскую точку зрения. В частности, имелось в виду изучение возможных вариантов будущих границ СССР; детальное исследование стратегического и экономического значения различных территорий – опорных баз, островов, проливов, выходов к морям и океанам, участков рек и озер; изучение географии мировых ресурсов сырья и топлива и определение значения источников сырья; причем проработка возможных вариантов будущих границ Советского Союза велась с учетом максимального обеспечения прямой внешней торговли (общность границ: коридоры, выходы к морям и океанам и т.д.) [2, с. 107−108].

[10] АП РК. Ф. 708. Оп. 6/1. Д. 473. Л.19-20.

[11] *Фесенков В.Г.* Научные работы // Казахстанская правда. 1941. 20 сент.

[12] АП РК. Ф. 708. Оп. 6/1. Д. 473. Л. 11, 16–18.

[13] Там же. Л. 11.

Одним из мест пребывания эвакуированных ученых стал курорт Боровое в Акмолинской области. На 18 сентября 1941 г. здесь находились 23 академика и члена корреспондента АН СССР (с членами семей и иждивенцами), 5 научных работников (с членами семей и иждивенцами) [3, с. 97]. Газета «Казахстанская правда» в 1942 г. отмечала, что на берегу оз. Боровое живут и работают крупнейшие советские ученые – московские и ленинградские академики, члены-корреспонденты АН СССР, сталинские лауреаты. Так, ленинградский филолог, лингвист-славист Борис Михайлович Ляпунов заканчивал монографию о древних связях западных и славянских языков. Известный советский врач, микробиолог и эпидемиолог, ученый с мировым именем, почетный член АН СССР Николай Федорович Гамалея, за короткий срок исследовав курорт, создал труд «Лечебные факторы Борового». Газета отметила, что Н.Ф. Гамалея ищет новые пути борьбы с инфекционными заболеваниями, занимается проблемой продления жизни человека. Здесь он написал следующие научные труды: «Диалектика инфекции», «Лечение малярии», «Грипп». К нему за советом обращались из разных городов страны, и он охотно отвечал на все запросы.

Вопросами минералогии занимался академик Владимир Иванович Вернадский. Ученый работал в Боровом над фундаментальным трудом, посвященном борьбе человека за овладение богатствами планеты. Участие в юбилейном сборнике «Двадцать пять лет советской химии» принял виднейший химик Советского Союза, лауреат Сталинской премии Николай Дмитриевич Зелинский. Он написал для сборника две статьи по проблемам катализа в органической химии. Академик Н.Д. Зелинский руководил деятельностью Московского химического института, выполнявшего важные правительственные задания.

Находясь в Боровом, эвакуированные ученые активно вели переписку с известными в мире исследователями, что свидетельствовало об огромном научном авторитете советских деятелей науки. Из Нью-Йорка, Калифорнии, Вашингтона члена-корреспондента Берга просили выслать книгу «Системы рыб», а английская газета отметила научный успех работы Н.Ф. Гамалея «Грипп». Газета также сообщала, что ученые в Боровом часто получают письма из действующей армии, от своих близких и друзей, сражавшихся с врагом[14].

В 1941 г. из Ленинграда в Боровое был эвакуирован советский литературовед, историк древнерусской литературы, тюрколог, академик АН СССР Александр Сергеевич Орлов (1871−1947). Вместе со своей супругой Марией Митрофановой проживал в санаторном корпусе № 11. Здесь академик занимался научной работой, активно участвовал в общественной жизни академической группы ученых, посещал научные собрания, читал лекции. В Боровом А.С. Орлов приступил к исследованию казахских эпических произведений и в возрасте 70 лет стал изучать казахский язык. Вышедшая в печать в 1945 г. в Издательстве АН СССР монография академика А.С. Орлова «Казахский героический эпос» представляла собой фундаментальный труд, в котором дан исторический обзор сказаний и текстов героических песен об Алпамысе-батыре, Кобланды-батыре, Ер-Саине, Ер-Таргыне, Шора-батыре, Камбар-батыре [4]. За научные заслуги перед страной А.С. Орлов был награжден орденами Трудового Красного Знамени и Ленина, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941−1945 гг.».

В Боровом находился также выдающийся востоковед, основатель русской школы буддологии академик Федор Ипполитович Щербатский (1866−1942). Он был эвакуирован из Москвы в 1941 г. и проживал в главном корпусе курорта. Но 18 марта 1942 г. академика не стало. Ф.И. Щербатский похоронен на местном кладбище пос. Боровое, на надгробной плите нанесены такие строки: «*Академик Федор Ипполитович Щербатский. Великий русский востоковед. Он дал своей стране понять, глубоко оценить ум древних мыслителей Индии*». На этом же кладбище в 1943 г. похоронены выдающийся лингвист-славист, чл.-кор. АН СССР Борис Михайлович Ляпунов (1862−1943), супруга академика В.И. Вернадского – Наталья Егоровна.

Эвакуированные ученые принимали участие во всех политических и общественных мероприятиях, проводимых в Казахстане. 10 октября 1942 г. в Алма-Ате состоялось общегородское собрание интеллигенции, посвященное организации антифашистского бюро ученых. В своем выступлении академик Л.С. Штерн предложила организационно объединить ученых Казахстана в антифашистскую ассоциацию для установления более тесной связи с Всесоюзным антифашистским комитетом советских ученых. Было избрано антифашистское бюро ученых, куда вошли академики Адоратский, Штерн, Завадовский, Фесенков, Григорьев, д-р геол.-мин. наук Сатпаев, члены-корреспонденты АН СССР Островитянов и Баранский, чл.-кор. УССР Василенко, д-р искусств. наук Эйзенштейн и др. Собрание призвало ученых, руководителей вузов, деятелей искусства направить научно-исследовательские работы, новые книги, картины, изыскания, проекты на разгром врага[15]. В своем письме к ученым Казахстана президент АН СССР, академик В.Л. Комаров писал: «Дорогие товарищи, братья по общему делу – ученые Казахстана! Вы собрались для организации антифашистского бюро ученых Казахстана в дни, когда наша Родина переживает грозное, напряженное время. Мрачные полчища новых вандалов, несущие смерть и разрушение, приблизились к сердцу нашей Родины, стремятся овладеть Сталинградом... Ученые Казахстана, деятели культуры и искусства! Ваше место – на передовых позициях антифашистского фронта. Всю кровь, весь труд, все мысли – фронту! В победе над врагом – наше счастье, наша жизнь, наши надежды!»[16].

[14] Казахстанская правда. 1942. 15 нояб.

[15] Там же. 1942. 13 окт.

[16] Там же. 15 окт.

Советские ученые, несмотря на жилищные, бытовые и иные проблемы, самоотверженно работали в эвакуации. Об этом свидетельствует, в частности, интервью корреспондента КазТАГ с директором Института физиологии АН СССР, академиком Линой Соломоновной Штерн в октябре 1942 г. По ее словам, коллектив института стремился шире внедрить в практику результаты многолетних теоретических и экспериментальных исследований, имеющих в военное время особое значение. Учеными института был разработан метод лечения шока, заключающийся в введении противошокового препарата (фосфорнокислого калия) непосредственно в спинномозговой канал. По мнению Л.С. Штерн, проведенные в клинике опыты подтвердили ценность этого новшества. Раненые красноармейцы, находившиеся в состоянии глубокого шока и считавшиеся «безнадежными», были возвращены к жизни и вскоре вернулись в строй. Причем простота препарата и несложная техника его введения давали возможность широко применять новый метод. По распоряжению Главного военно-санитарного управления Красной армии данный метод лечения шока стал широко применяться на фронте.

Академик Л.С. Штерн сообщила корреспонденту, что ученые института разработали методику борьбы с осложненным травматическим шоком при ожогах, сильной потере крови, обмораживании и т.п. Изыскали новые методы лечения столбняка и установили, что непосредственное воздействие противостолбнячной сыворотки на нервные центры останавливает дальнейшее развитие столбняка. Главное ветеринарное управление Красной армии приняло новый метод для фронта. Л.С. Штерн отметила, что практический интерес представляют проведенные работы по восстановлению нормальной деятельности сердца путем применения электрического метода при электротравмах, в случаях внезапной смерти (так называемый паралич сердца) и отравлении различными ядами. Институт разработал специальный аппарат, позволяющий поддерживать дыхание и необходимую циркуляцию крови, без которой восстановление сердечной деятельности не имело бы практического значения. Деятельность сотрудников института была направлена на рационализацию режима труда и отдыха, увеличение сопротивляемости организма к утомлению (например, при длительной бессоннице)[17].

В 1941 г. академик Л.С. Штерн в числе эвакуированных ученых вначале оказалась в курорте Боровом, но затем отбыла в Алма-Ату, где с декабря 1941 г. находились сотрудники возглавляемого ею Института физиологии АН СССР, в том числе ученый секретарь института, профессор Г.Н. Кассиль, старший научный сотрудник, канд. биол. наук Э.С. Локшина, научный сотрудник Р.А. Рудберг[18]. Сотрудники института испытывали трудности с жильем, плохо питались, не были прикреплены к столовым. Так, Л.С. Штерн по прибытии в Алма-Ату проживала в тесной холодной комнате гостиницы, затем ее временно удалось подселить на квартиру. Не хватало помещений для работы, оборудования для проведения экспериментов. В таком положении оказались многие эвакуированные институты и лаборатории. Однако, несмотря на трудности, коллектив института под руководством академика Штерн выполнял оборонные заказы.

Судьба Л.С. Штерн (1875−1968), выдающегося биохимика и физиолога, первой женщины-академика (1939), была наполнена не только научными успехами, но и драматизмом. Получив высшее образование в Женевском университете, она стала профессором этого университета (1918), в 1925 г. вернулась в СССР. Несмотря на членство в партии, работу в составе президиума Еврейского антифашистского комитета, получение Сталинской премии в годы войны (за работы о гемато-энцефалическом барьере), она была арестована в 1949 г. по делу «ЕАК». Л.С. Штерн три года находилась под следствием, затем в течение пяти лет отбывала ссылку в Казахстане в г. Джамбул (Тараз. − *Ж.Е.*). В 1953 г. была амнистирована и восстановлена в звании академика (окончательно реабилитирована в 1958 г.). В 1954−1968 гг. Л.С. Штерн руководила отделом физиологии Института биофизики АН СССР. Она награждена орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды и медалями. В 1958 г. научная общественность страны отметила 80-летний юбилей академика Л.С. Штерн, а в 1960 г. Женевский университет присвоил ей почетное звание доктора наук. Л.С. Штерн ушла из жизни 7 марта 1968 г., похоронена на Новодевичьем кладбище в Москве.

Алма-Ата стала вторым домом для эвакуированных философов, историков и экономистов. Академические институты истории, философии и экономики АН СССР из Москвы прибыли в Алма-Ату поздней осенью 1941 г. и были размещены в рабочих помещениях Казахского филиала АН СССР. В 1941−1943 гг. среди сотрудников Института истории АН СССР числились: заместитель директора, д-р ист. наук, чл.-кор. АН СССР А.М. Панкратова; заведующий сектором новой истории, д-р ист. наук, профессор Ф.В. Потемкин; старшие научные сотрудники, доктора исторических наук, профессора Н.М. Дружинин, Ф.О. Нотович, Р.А. Авербух; кандидаты исторических наук, профессора Д.А. Баевский, А.П. Кучкин, М.П. Вяткин, Я.Я. Зутис, А.Ф. Миллер, С.И. Ленчнер; старшие библиографы, кандидаты исторических наук А.А. Воровский и К.Н. Симон[19].

Часть коллектива Института истории АН СССР была эвакуирована в столицу Узбекистана – г. Ташкент. Когда персонал во главе с заместителем директора А.М. Панкратовой прибыл в Алма-Ате, здесь уже находились директор, академик Б.Д. Греков и часть сотрудников. Вновь прибывших по решению горсовета подселяли на квартиры, в частные дома, размещали на площадях КазФАН. Кроме А.М. Пан-

[17] Казахстанская правда. 1942. 27 окт.

[18] АП РК. Ф. 708. Оп. 6/1. Д. 473. Л. 11, 15.

[19] Там же. Л. 13–14.

кратовой, которую устроили в гостинице «Дом Советов», и М.П. Вяткина, проживавшего на квартире, остальные сотрудники с семьями сначала жили в рабочем помещении КазФАН. Многие из них нуждались в медицинской помощи. У профессора Ф.В. Потемкина обострился ревматизм и туберкулез, профессор А.П. Кучкин и его семья болели туберкулезом, их нужно было прикрепить к больнице и столовой[20]. Эвакуированные нуждались в постельных принадлежностях, средствах на приобретение продуктов, одежды, посуды, предметов гигиены и т.п. Академик Н.М. Дружинин вспоминал: «занимали одну из комнат Казахского отделения Академии, спали на полу, не были обеспечены питанием и нуждались в самом необходимом» [5, с. 26]. В подобном положении находились сотрудники и других институтов АН СССР − философии и экономики[21].

Под руководством Анны Михайловны Панкратовой (1897−1957) историки оказывали методическую и научную помощь своим казахстанским коллегам-историкам, преподавали в местных вузах. Еще в первой половине 1330-х гг. А.М. Панкратова консультировала профессоров С.Ж. Асфендиярова и М.П. Вяткина, занимавшихся историей Казахстана. По заданию правительства Казахстана А.М. Панкратова курировала подготовку издания «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней», вышедшего под ее редакцией в 1943 г. [6]. К созданию этого труда А.М. Панкратова привлекла археологов, историков и юристов Москвы и Ленинграда, в том А.Н. Бернштама, М.П. Вяткина, Б.Д. Грекова, Н.М. Дружинина, А.П. Кучкина. С казахстанской стороны участвовали М.О. Ауэзов, А.Х. Маргулан, Е. Бекмаханов, Е. Исмаилов, Б. Кенжебаев, С. Муканов, Г.М. Мусрепов, С.Н. Покровский и др.

После эвакуации А.М. Панкратова вернулась в Москву в Институт истории АН СССР, была главным редактором журнала «Вопросы истории», в 1953 г. ее избрали академиком. За вклад в науку в годы Великой Отечественной войны А.М. Панкратовой было присвоено звание заслуженного деятеля науки РСФСР (1943) и Казахской ССР (1943). До самой кончины она поддерживала творческие связи с коллегами из Казахстана. Одним из ее любимых учеников и соратников был известный казахский историк Ермухан Бекмаханов.

Представители гуманитарных наук, находясь в эвакуации в Казахстане, вели активную научную и общественную работу. Так, Институт экономики АН СССР провел научную сессию, посвященную 75-летию со дня выхода в свет первого тома «Капитала» К. Маркса, а Институт философии открыл при Алма-Атинском доме партийного просвещения постоянно действующий семинар по диалектическому материализму [1, с. 42]. 16 июня 1943 г. после реэвакуации коллектив Института экономики АН СССР написал благодарственное письмо на имя первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Н.А. Скворцова со словами: «В связи с реэвакуацией после полутора лет пребывания коллектив Института экономики Академии наук СССР считает своим долгом высказать чувство искренней благодарности руководителям партии и правительства Казахской ССР и Вам лично за внимание и содействие научным работникам Института, выразившееся в широком привлечении к разработке проблем экономики Казахстана (проблема трудовых резервов, рационализация топливного баланса, размещение технических культур и др.), важнейших оперативных вопросов хозяйственной практики, а также в обеспечении необходимых материально-бытовых условий, позволивших сохранить силы квалифицированных работников института для предстоящей работы в Москве …»[22].

Эвакуированные ученые внесли достойный вклад в формирование научно-технического потенциала республики, что способствовало становлению и развитию науки и образования Казахстана. Благодаря научной мобильности эвакуированных ученых и президенту АН СССР, академику В.Л. Комарову в 1946 г. была открыта Академия наук Казахской ССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Козыбаев М.К. Вклад советских ученых в дело Победы // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук, 1980. № 3. С. 36−43.

2. *Александрова Т.Д.* Разнообразие работ географов в первые годы Великой Отечественной войны // Изв. РАН. Сер. геогр. 2011. № 3. С. 100−109.

3. *Абсеметов М.О.* Россия – Казахстан: вклад ученых в Великую Победу. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. 376 с.

4. *Орлов А.С.* Казахский героический эпос. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. 147 с.

5. *Дружинин Н.М.* Труд и быт историков в 1941−1943 гг. // В годы войны: Статьи и очерки. М.: Наука, 1985. С. 25−30.

6. История Казахской ССР с древнейших времен / под ред. М. Абдыкалыкова, А. Панкратовой. Алма-Ата: Казогиз, 1943. 656 с.

REFERENCES

1. *Kozybaev M. K.* The contribution of Soviet scientists to the Victory. *Izvestiya nauk Kazakhskoy SSR. Seriya obshchestvennykh nauk,* 1980, no. 3, pp. 36−43. (In Russ.)

2. *Aleksandrova T. D*. The variety of works by geographers in the early years of the Great Patriotic War. *Izvestia RAN. Seriya geograficheskaya*, 2011, no. 3, pp. 100−109. (In Russ.)

3. *Absemetov M. O*. Russia – Kazakhstan: contribution of scientists to the Great Victory. Tomsk, 2017, 376 p. (In Russ.)

4. *Orlov A. S*. Kazakh heroic epic. Moscow, Leningrad, USSR Acad. of Sciences Publ. House, 1945, 147 p. (In Russ.)

5. *Druzhinin N. M*. The work and life of historians in 1941-1943. *V gody voyny (stat'i i ocherki)*. Moscow, 1985, pp. 25−30. (In Russ.)

6. *Abdykalykov M., Pankratova A*. (eds.) The history of the Kazakh SSR since ancient times. Alma-Ata, Kazogiz, 1943, 656 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.05.2020
Дата рецензирования 20.05.2020
Статья принята к публикации 15.09.2020

[20] АП РК. Ф. 708. Оп. 6/1. Д. 473. Л. 11, 13.
[21] Там же. Л. 18.
[22] Там же. Оп. 7/1. Д. 225. Л. 11.

DOI: 10.15372/HSS20200404
УДК 94(47+57):791.222

Л.Н. МАЗУР

ТИПОЛОГИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ВОЕННОЙ ДЕРЕВНИ В СОВЕТСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
РФ, 620002, Екатеринбург, пр. Мира, 19

В статье рассматриваются особенности репрезентации советской деревни военного времени в советском художественном кинематографе. На основе анализа фильмографии военных лет выделены четыре основных варианта образной презентации советской деревни: 1) символ Родины; 2) пространство народной войны; 3) символ жертвы; 4) «крепость обороны». Конструирование образов определялось задачами пропаганды и выполняло мобилизационные функции. Созданный пропагандой героический миф войны во второй половине XX в. пережил определенные трансформации, связанные с рефлексией феномена войны в общественном сознании в годы «оттепели» и «перестройки». Однако рациональное переосмысление затронуло в большей степени науку и искусство, но не политические институты, т. е. осталось незавершенным. В результате пропагандистский героический миф войны трансформировался в пропагандистский исторический миф Великой победы – основной инструмент политики памяти.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, кинематограф, деревня, крестьянство, фильм, образ, миф, пропаганда, память.

L.N. MAZUR

TYPOLOGY AND EVOLUTION OF THE IMAGE OF A MILITARY VILLAGE IN THE SOVIET ART CINEMA

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Mira ave., 19, 620002, Ekaterinburg, Russian Federation

The article examines features of representing the Soviet war-time village in art cinematography. The Soviet village image under war conditions was determined by the propaganda tasks related to mobilizing collective farmers for labor exploits or fighting the enemy, on the one hand, and, by the myth-making purpose, on the other hand. The latter had the great symbolic load as the countryside and village community were associated with the concepts of "victim", "people" and "homeland". Based on the analysis of the war-time filmography, the author identified four main variants of the Soviet village figurative presentation: 1) a symbol of the Motherland; 2) a space for the people's struggle against the enemy; 3) a sacrifice symbol; 4) a "fortress of defense". The constructed images were determined by the tasks of propaganda and performed mobilization functions. They all were further developed in the cinema of the second half of the XX century, but had a different fate. In particular, the village image as the Mother land symbol was used in cinematography until the 1980s, gradually losing its semantic content under the completion of urbanization. The theme of the countryside as a "fortress of defense" was relevant for historical science, but not for cinematography. The most popular, both politically and cinematically, turned out to be the images of the occupied village as a victim and as a space of the people's war, which became necessary elements of the heroic military myth. It has been supported by the politics of memory, and in the modern Russian society it gets a new life in remythologizing military history wave. The heroic myth of the war created by propaganda in the second half of the XX century experienced certain transformations related to the war phenomenon's reflection in public consciousness during "ottepel'" and "perestroika" periods. However, rational rethinking affected to a greater extent science and art, but not political institutions, that is, remained unfinished. As a result, the war propaganda myth was transformed into the propaganda historical myth of the Great Victory, the main instrument of the memory politics.

Key words: Great Patriotic War, cinematography, village, peasantry, film, image, myth, propaganda, memory.

Людмила Николаевна Мазур – д-р ист. наук, доцент, заведующая кафедрой, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, e-mail: LN.Mazur@urfu.ru, https://orcid.org/0000-0003-0407-3816

Ludmila N. Mazur – Doctor of Historical Science, Associate professor, Head of the Department, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

© Мазур Л.Н., 2020

ВВЕДЕНИЕ

Великая Отечественная война и память о ней стали для советского/российского кинематографа наиболее востребованной темой на протяжении второй половины XX – начала XXI в. Актуальность военной тематики была подкреплена политикой памяти, которая ориентировала кинематографистов на создание произведений, прославляющих подвиг народа [1]. Исключением, пожалуй, стал период конца 1980–1990-х гг., когда кинематограф принял активное участие в переосмыслении истории страны. В 2000-е гг. в условиях возрождения патриотической национальной идеи Великая Отечественная война трансформируется в символ величия России, закрепляя в кинопроизведениях идеализированный образ бессмертного подвига народа [2, 3].

Таким образом, мы можем наблюдать цикл репрезентации события от пропагандистского мифа периода войны к современному пропагандистскому историческому мифу Великой Победы, который не был в должной степени отрефлексирован. Естественный процесс формирования исторической памяти о событии включает несколько этапов, связанных с последовательной трансформацией живой памяти, основанной на личных воспоминаниях, в мифологическую и затем в рефлексивную (гипотетическую) память. Этот процесс предполагает рациональное осмысление исторического опыта на уровне политических решений, научных трудов и произведений искусства. В случае с Великой Отечественной войны этого не произошло: изначально представления о войне приобретают мифологическую структуру, во многом благодаря масштабности и значимости события, активному использованию таких механизмов обработки сознания, как массированная пропаганда и агитация, охватившие все уровни организации общества и информационные каналы. Период рефлексии военного прошлого был очень кратковременным и ограниченным, частично захватив только науку и искусство. Исторический миф войны сохранил первоначальную структуру, базовое содержание и пропагандистскую направленность. Более того, героический миф войны несет большую идеологическую нагрузку: в советский период победа в войне рассматривалась как доказательство преимущества социализма над капитализмом и залог победы коммунизма во всем мире. В настоящее время Великая Победа – это свидетельство величия России.

Кинематограф способствовал конструированию военного мифа, его модернизации и актуализации в современных условиях. Этим вопросам посвящена обширная литература, характерной чертой которой является интердисциплинарность: история советского кино является объектом исследования культурологов, историков, киноведов, социологов (см., напр.: [4, 5, 6, 7]). В их работах основное внимание уделено проблеме формирования и эволюции образа Великой Отечественной войны во второй половине XX – начале XXI в. В частности, отмечено, что военный кинематограф был нацелен, в первую очередь, на решение задач пропаганды – мобилизацию и патриотическое воспитание населения. В послевоенное время эти функции были дополнены идеологической компонентой. Но наряду с реализацией «служебных» функций для кинематографа было всегда характерно стремление к осмыслению феномена войны, оценке его влияния на жизнь человека и всей страны в целом [8, 9], что способствовало появлению глубоких и правдивых фильмов о войне.

С учетом динамики кинематографического образа войны, непосредственно связанного с циклами его мифологизации/демифологизации и уровнем рефлексии прошлого, в истории советского/российского кинематографа можно выделить следующие этапы[1]:

1-й этап (1941 – 1955 гг.) – сталинский кинематограф – конструирование героического мифа войны, основными действующими лицами которого были *победители* – вождь, полководцы, герои, совершившие подвиг;

2-й этап (1956 – 1960-е гг.) – «оттепельное кино», характерной чертой которого стала рефлексия прошлого и создание нового образа войны как трагедии, разрушающей жизнь человека;

3-й этап (1970-е – первая половина 1980-х гг.) – позднесоветский кинематограф, представляющий собой новый этап мифологизации войны, связанный с трансформацией образа героя – это рядовой солдат или младший лейтенант, нередко женщина, вынесшие на своих плечах все тяготы войны и отдавшие жизнь в борьбе за Родину;

4-й этап (вторая половина 1980-х гг. – 1990-е гг.) – «перестроечное кино», которое было нацелено на переосмысление истории войны, исследование ранее запретных тем, способствуя демифологизации ее образа;

5-й этап (2000-е – 2010-е гг.) – новое российское кино, одной из задач которого стало конструирование нового пропагандистского мифа Великой Победы как основы национальной идеи величия России.

О Великой Отечественной войне сняты сотни фильмов, среди них свое место заняли картины о жизни и трагедии военной деревни. Именно они стали объектом исследования в настоящей статье. В качестве источниковой базы при ее подготовке изучались фильмы военного времени, на основе которых проведена типология и семиотический анализ вариантов презентации деревни. Кинематограф более позднего времени представлен наиболее значимыми, с точки зрения изучаемой проблемы, картинами, анализ которых позволил проследить эволюцию образов, сконструированных в годы войны.

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ДЕРЕВНИ В ВОЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

Историческое значение Великой Отечественной войны для судеб мира и роль СССР в победе над фа-

[1] Приведенная периодизация соответствует общепринятой [6], но уточняет содержание этапов с учетом характера презентации войны.

шизмом предопределили базовую тональность образной презентации войны в кинематографе: все внимание авторов фильмов было сфокусировано на боевых действиях, подвигах советских воинов и партизан, горе и бедствиях населения, т.е. той жертвы, которую принес СССР на алтарь победы. Конструируя героический миф, кинематограф создавал соответствующие образы событий, действующих лиц – героев, врагов, жертвы (во имя кого совершается подвиг), сподвижников (союзников). Вполне типичны и сюжеты военного кино, включающего иконографию подвига, предательства, поражения и победы.

Мифотворчество предполагает также конструирование мифологического пространства – символического места, где происходит столкновение добра и зла, героев и врагов. Оно должно иметь черты, позволяющие идентифицировать событие и соответствовать представлениям о Родине или вражеской территории. В совокупности все элементы мифа формируют эмоционально насыщенную картину войны как народного подвига, достойного навечно остаться в исторической памяти.

Но война – это не только подвиг и праздник победы, это гуманитарная катастрофа, которая ломает судьбы людей, выкашивая целые поколения, разрушает упорядоченное жизненное пространство, калечит сознание и психологию людей. Эта сторона войны не вписывается в героическую мифологию и остается за кадром. За пределами парадного образа войны среди прочего оказались российская деревня и крестьяне, оставшиеся в тылу или оказавшиеся за линией фронта.

Тыловая деревня кормила армию и город, колхозники работали на полях и фермах по 12–15 часов в сутки. Их негероическая, на первый взгляд, жизнь не вписывалась в военный эпос и находилась на периферии внимания кинематографистов. С оккупированной деревней было еще сложнее: к людям, оказавшимся в оккупации, долгое время относились с подозрением. Единственным достойным выходом и оправданием для них была вооруженная борьба против врага – такова официальная концепция народной освободительной войны. Она и получила отражение в советских фильмах. Факты, которые не вписывались в героическую тематику, попадали в зону молчания и забвения.

Так, со школьных времен известно каждому, что в годы войны в Советском Союзе было уничтожено более 70 тыс. деревень. Они были стерты с лица земли в результате боевых действий, карательных операций фашистов. Но был еще и приказ Ставки Верховного Главнокомандования об уничтожении населенных пунктов в прифронтовой полосе (от 17 ноября 1941 г.), в соответствии с которым предписывалось: «разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог. Для уничтожения населенных пунктов в указанном радиусе действия бросить немедленно авиацию, широко использовать артиллерийский и минометный огонь, команды разведчиков, лыжников и партизанские диверсионные группы, снабженные бутылками с зажигательной смесью, гранатами и подрывными средствами…» [10, с. 205–206]. Таким образом, деревни становились жертвой не только врага, но и военной стратегии собственной страны.

Эти события деревенской истории так и не были экранизированы, поскольку не вписывались в героический миф даже в тех случаях, когда того требовал сюжет. Примером может служить картина «Зоя», снятая в 1944 г. режиссерами Л. Арнштамом и А. Птушко и рассказывающая о подвиге разведчицы Зои Космодемьянской, которую немцы казнили как поджигательницу домов. В фильме нет упоминаний о задании, которое выполняла диверсионная группа Зои (им предписывалось сжечь 10 населенных пунктов). Зато в фильме имеются документальные кадры диверсионных мероприятий против немцев – взорванные эшелоны с оружием, уничтоженные грузовики с солдатами. Сам фильм снят в жанре героической драмы: показан жизненный путь девушки (детство, юность) как преддверие ее подвига, мученическая смерть. Подвиг Зои, ставший достоянием общественности благодаря газетным публикациям, а затем воспетый в художественных и музыкальных произведениях современников, приобрел черты легенды, визуально закрепленной в художественном фильме.

Варианты кинорепрезентации советской деревни в условиях войны определялись, с одной стороны, задачами пропаганды, связанными с мобилизацией колхозников на трудовой подвиг или борьбу с врагом, а с другой – задачами мифотворчества. В последнем случае деревня и деревенское сообщество несли большую символическую нагрузку, будучи сопряженными с понятиями «жертва», «народ» и «Родина».

Оформление героического мифа Великой Отечественной войны, в создании которого активное участие принял кинематограф, относится непосредственно к 1941–1945 гг. Всего в годы войны на киностудиях СССР было снято около 150 фильмов, в числе которых исторические и историко-биографические картины составили 12,0 % (18), военные – 42,0 % (63); посвященные тылу – 12 % (18); экранизации литературных произведений – 11,3 % (17); концертные сборники, агитационно-сатирические фильмы – 8,7 % (13); прочие – 14,0 % (21) [2].

В общем объеме кинопроизводства ожидаемо преобладали фильмы на военную тему. В 1941–1942 г. они снимались преимущественно в виде короткометражных картин и выходили на экран в составе «Боевых киносборников» – новой формы оперативной агитации, сочетавшей как художественные, так и документальные приемы подачи материала. Такая комбинация усиливала эмоциональное воздействие на зрителя, а использование документальных кадров повышало уровень доверия к демонстрируемым сюжетам. Всего было снято 15 выпусков, куда вошли 43 фильма, фор-

[2] Подсчитано по: Энциклопедия кино Кирилла и Мефодия, 2003 [CD].

мирующих многомерный образ войны в пространственном и событийном отношениях.

С 1942 г. в условиях эвакуации разворачивается производство полнометражных фильмов о войне, снятых преимущественно в эпическом или героико-романтическом жанре. Они демонстрировали эмоционально заряженные образы героев – защитников Родины, с одной стороны, и зверства фашистов – с другой (см., например: «Парень из нашего города», 1942, реж. А. Столпер, Б. Иванов, А. Птушко; «Во имя Родины», 1943, реж. Вс. Пудовкин, Дм. Васильев; «Два бойца», 1943, реж. Л. Луков; «Жди меня», 1943, реж. А. Столпер, Б. Иванов; «Великий перелом», 1945, реж. Ф. Эрмлер; и др.).

В целом кинематограф периода Великой Отечественной войны отличался:

во-первых, жанрово-тематическим разнообразием с высоким удельным весом комедий, мелодрам, сказок. Комедии в изучаемый период составляли от 14 до 33 % кинопродукции, достигнув наибольшего удельного веса в 1943 – 1944 гг. В 1944 г. каждый третий выпущенный фильм был снят в жанре комедии или мелодрамы;

во-вторых, созданием особой модели презентации войны, нацеленной на достижение эффекта мимезиса. В фильмах военного времени акцент сделан не на событиях (они показаны условно), а на поведении и отношениях людей в различных боевых ситуациях. Условными были не только сюжеты, герои, но и презентуемая реальность: фильмы военных лет снимались преимущественно в павильонах;

в-третьих, концентрацией внимания на чувствах человека, что способствовало включению механизмов сопереживания и формированию мотивации к ратному и трудовому подвигу.

Несмотря на то, что деревня редко попадала в объектив киноаппарата, в фильмах военных лет можно выделить четыре основных варианта ее образной репрезентации:

1) символ Родины («Мать», 1941, реж. Л. Луков);

2) пространство народной войны («Пир в Жирмунке», 1941, реж. В. Пудовкин; «Она защищает Родину», 1943, реж. Ф. Эрмлер);

3) образ жертвы («Радуга», 1943, реж. М. Донской);

4) «крепость обороны» («Родные поля», 1944, реж. Б. Бабочкин, А. Босулаев).

ДЕРЕВНЯ КАК СИМВОЛ РОДИНЫ

В 1941 г. реж. Л. Луков снял короткометражный агитационный фильм «Мать», главной героиней которого стала крестьянка, проводившая на войну трех сыновей. Трагедия матери послужила основой для создания эпического образа Родины-матери, благословляющей своих сыновей на ратный подвиг. Собственно, эта задача и стояла перед режиссером. Здесь интересен выбор героини фильма, которой стала крестьянка. Почему? Может быть потому, что в демографическом плане страна еще оставалась преимущественно аграрной и сельское население понесло наибольшие потери в войне. Но, скорее всего, сработал культурный код, свойственный общественному сознанию того времени и определяющий ассоциативные связи: крестьянство – народ; деревня – родина. Кроме того, город космополитичен: он – продукт цивилизации, деревня национальна, это пространство народной культуры, эманация души народа.

Созданный в начале войны пропагандистский образ русской женщины-матери встречается во многих фильмах военного времени, приобретая порой плакатные черты. Новое рождение он получил в «оттепельном» кино, которое подарило нам целую галерею запоминающихся женских образов – жертв войны. Это Вероника – молодая девушка, потерявшая свою любовь, (актриса Т. Самойлова) из фильма М. Калатозова «Летят журавли» (1957 г.); Марфа (актриса Л. Чурсина) в фильме «Журавушка» реж. Н. Москаленко (1968 г.), ставшая воплощением трагедии миллионов вдов, не дождавшихся своих мужей. Образ матери в этом ряду занимает особое место – он пронизан библейским пониманием жертвы матери, пославшей своего сына на смерть во имя жизни.

Таков образ матери, созданный А. Максимовой в фильме Г. Чухрая «Баллада о солдате» (1959 г.). Картина рассказывает невоенную историю поездки молодого бойца с фронта домой в краткосрочный отпуск. Кульминация фильма – встреча матери и сына, которая длится всего несколько минут – раскрывает всю глубину трагедии войны. В картине не только создан трагический образ матери, провожающей на войну своего сына, но и показана его дальнейшая эволюция. Завершающий кадр фильма – мать, потерявшая сына, – воспринимается зрителем как образ скорбящей Богоматери.

Глубоко символична и показанная в фильме деревня. Она живет обычной для тылового поселения

Кадр из фильма «Баллада о солдате», 1959, реж. Г. Чухрай

Shot from the film “The Ballad of a soldier”, 1959, directed by G. Chukhrai

жизнью: идет уборка хлеба, поэтому все в поле. На вопрос Алеши: «Как Вы живете, мама?», она отвечает: «Как живу? *Как все живут*. *Войну переживаю*. Работа тяжелая, мужиков нет. Все бабы…». И небольшое село, где остались одни дети, старики и женщины, в восприятии зрителя вырастает до символа Родины.

В 1959 г. вышел на экраны еще один фильм – «Судьба человека» реж. С. Бондарчука. Картина (как и рассказ М. Шолохова) начинается с панорамы сельского хутора, где происходит встреча автора и солдата Андрея Соколова, пережившего ужасы плена, радость победы, горечь потери семьи. Символично, что он – житель города – в конце своих странствий направляется вместе с приемным сыном в село («на родину»), чтобы начать новую жизнь. Тема возвращения солдата-победителя к мирной жизни в родную деревню встречается и в фильмах 1970-х гг. («Пришел солдат с фронта», 1971, реж. Н. Губенко; «Кадкина всякий знает», 1976, реж. Н. Трощенко, А. Вехотко; и др.).

Свой вклад в развитие образа деревни как символа Родины внесли писатели-деревенщики, по произведениям которых в 1960–1970-е гг. снимались многочисленные фильмы. В их числе, например, картина реж. А. Сиренко «Родник» (по повести Е. Носова «Усвятские шлемоносцы»), вышедшая на экраны страны в 1981 г. В фильме показана жизнь села до и после получения известия о начале войны. Зритель наблюдает, как к колхозникам приходит осознание страшной правды и понимание своего долга защищать страну, как мирная счастливая жизнь становится прошлым. «Своя земля и в горсти дорога, и в щепотке она – Родина», – напутствует председатель колхоза своих земляков, уходящих на войну.

Во второй половине 1980-х гг. Россия вступает в период завершения урбанизации, образ деревни–Родины постепенно исчезает из кинопрезентаций. Таковы реалии постиндустриального общества: деревня для большинства перестает быть малой родиной, разрушаются ассоциативные связи, важные для поддержания узнаваемости образа.

ДЕРЕВНЯ В СТРУКТУРЕ ГЕРОИЧЕСКОГО ВОЕННОГО МИФА

Другая сюжетная линия, непосредственно связанная с оккупацией и жертвенным образом советской деревни, страдающей под гнетом завоевателей, оказалась более жизнеспособной, и сегодня востребована в условиях ремифологизации памяти о войне. В структуре героического мифа оккупированной деревне отводилась роль жертвы, за мучения которой положено возмездие.

Основные черты образа оккупированной деревни, как пространства мученичества и героизма, оформились еще в годы войны и получили воплощение

Кадр из фильма «Радуга», 1943 г., реж. М. Донской
Shot from the film “Rainbow”, 1943, directed by M. Donskoy

в фильме М. Донского «Радуга» (1943). Действие картины разворачивается в украинской деревне накануне освобождения. Предчувствуя свой конец, фашисты устраивают карательные акции, расстреливая заложников. Олицетворением зла выступает немецкий комендант, истязающий беременную женщину и стреляющий в младенца.

Есть в фильме и тема возмездия: высшая мера наказания фашистам – даже не смерть, а гнев народа и память. В заключительной сцене фильма Федосья (актриса Е. Тяпкина), потерявшая сына, заклинает односельчан, готовящих расправу над захваченными советскими войсками пленными немцами: «Прикончить их хотите… Минутка – две и все кончено… Нет, пусть дождутся своей судьбы …, чтобы их бабы и собственные дети отреклись от них …Пусть гнев народа падет на их головы и земля их не примет, окаянных». Картину отличает высокий уровень психологического напряжения, благодаря таланту создателей она стала иконой народных страданий и гнева.

Образ народа-мученика, сопряженный с идеей возмездия, нашел отражение *в партизанском кино*. Зло должно быть наказано, и воплощением темы возмездия становится всенародное сопротивление фашистам, героизм и мужество не только мужчин, но и женщин, детей, стариков.

В военном кинематографе тема народного сопротивления явилась сценарной основой для многих произведений. Одним из первых короткометражных фильмов стала картина режиссеров В. Пудовкина и М. Доллера «Пир в Жирмунке» (1941), вошедшая в состав Боевого киносборника № 6. Фильм воспринимается как руководство к действию: немцы захватывают деревню, все боеспособное население уходит в лес, организовав партизанский отряд. В деревне остались женщины и старики, но и они продолжают бороться. Решив отравить врага, героиня фильма – Прасковья – накрывает на стол. Чтобы убедить фашистов в безопасности угощения, она первая пробует отравленную пищу. В результате гибнут не только оккупанты, но и сама героиня. Фильм содержит призыв к всенародному сопротивлению и совпадает с начальным этапом организации партизанского движения.

Более развернутая и достоверная картина партизанской борьбы представлена в фильме «Она защищает Родину» (1943, реж. Ф. Эрмлер). Сценарист А. Каплер, состоявший некоторое время в партизанском отряде, с документальной точностью передал трудности партизанского быта и героизм народа. Роль главной героини – тоже Прасковьи – сыграла В. Марецкая, создавшая в 1930-е гг. образ крестьянки, которая стала председателем колхоза и членом Верховного Совета СССР («Член правительства», 1939, реж. А. Зархи, И. Хейфиц). В фильме Ф. Эрмлера главная героиня, потеряв мужа и сына, ушла в лес и, возглавив партизанский отряд, стала беспощадно мстить врагу. Примечательно, что в обоих фильмах главные героини – женщины; это продолжает линию образа Родины-матери, придавая ей черты воительницы.

В послевоенный период (конец 1940-х – 1950-е гг.) партизанская тематика встречается достаточно часто. На киностудиях страны снимаются картины о партизанском движении в Белоруссии, Прибалтике, Украине («Марите», 1947, реж. В. Строева; «Константин Заслонов», 1949, реж. А. Файнциммер, В. Корш-Саблин; «Сашко», 1958, реж. Е. Брюнчугин), появляются детские фильмы на эту тему («Отряд Трубачева сражается», 1957, реж. И. Фрэз). Все они поддерживали и развивали героический миф сопротивления как единственно возможной формы жизни на оккупированной территории.

Некоторое отступление от созданного сталинским кинематографом героического образа оккупированной деревни наблюдается в 1960-е гг. Манифестом нового взгляда на войну стали шедевры периода оттепели «Летят журавли» (1957, реж. М. Калатозов), «Иваново детство» (1962, реж. А. Тарковский), в которых тема героизма отходит на второй план перед осознанием той непоправимой беды, которую несет с собой война.

Подобный взгляд характерен и для фильма «Бабье царство» (1967, реж. А. Салтыков). В нем рассказывается о жизни деревни в условиях оккупации, ее гибели и возрождении. Здесь не показаны фашистские зверства, как в фильме «Радуга». «Тишь да гладь, ангелы пролетят и то слышно. Золотой нам немец достался», – делятся между собой женщины. Нет расстрелов, не жгут дома. Только «чудят» иногда: солдат насилует девушку или немецкий лейтенант, изображая Дон Кихота, «спасает» от деревенских стариков женщин, загоняя их в реку. По вечерам бабы тихо поют песни, а старики рассказывают сказки, но не про сказочную страну, а про довоенное время – работу на полях, вечерние гулянья («все веселые, все дружные»). Однако «тишина» обманчива, она – как преддверье грозы, которая не заставляет себя ждать: гибнет подросток, которого публично выпороли; угоняют девушек на работу в Германию. Потеряв детей, женщины поджигают свои дома и вместе с партизанами расправляются с «хорошими» немцами.

Фильм «Бабье царство» не только о гибели деревни в огне войны и ее возрождении. В нем поднимается вопрос о памяти. Беспамятство – самый страшный грех, который в фильме карается изгнанием из деревни.

В 1970–1980-е гг. героическая тема народной борьбы, подкрепленная политикой памяти, вновь оказалась востребована кинематографом. Среди снятых в те годы фильмов с типичным «партизанским» сюжетом («Волчья стая», 1975, реж. Б. Степанов; «Жду и надеюсь», 1980, реж. С. Шахбазян; «Знак беды», 1986, реж. М. Пташук) особо следует выделить картину Э. Климова «Иди и смотри» (1985), которая без прикрас показывает не только героизм, но и изнанку партизанского движения. Фильм продолжает тему «детство и война», поднятую А. Тарковским в начале 1960-х гг. Только герой фильма – 16-летний деревенский парень Флёра – уже вышел из возраста детства и, не успев повзрослеть, состарился. Такова разрушаю-

Кадр из фильма «Бабье царство», 1967, реж. А. Салтыков
Shot from the film “Bab’e tsarstvo”, 1967, directed by A. Saltykov

щая сила войны. Она выжигает душу, особенно у молодежи, не имеющей жизненного опыта. Не всякий, потеряв родных и пройдя испытание пленом, участием в партизанских акциях возмездия, сможет сохранить в себе человеческое начало. Герою фильма это удалось.

Недолгий период исторической рефлексии, сопровождающийся попыткой по-новому взглянуть на события войны, пришелся на эпоху «перестройки» и сложные в политическом и экономическом отношении 1990-е гг., когда объем кинопроизводства резко снизился (см., напр.: «Сто солдат и две девушки», 1989, реж. С. Микаэлян). Кино, обратившись прежде всего к теме репрессий, военную деревню не замечало. Эта же тенденция характерна для современного кино, где востребованы сюжеты о великих сражениях и победах.

Кадр из фильма «Родные поля», 1944, реж. Б. Бабочкин, А. Босулаев
Shot from the film “Native fields”, 1944, directed by B. Babochkin, A Bosulaev

ДЕРЕВНЯ КАК «КРЕПОСТЬ ОБОРОНЫ»

Мученический образ оккупированной деревни дополняет репрезентация тыловой деревни, не затронутой военными действиями и не пережившей оккупацию, но также принесшей на алтарь победы свою жертву. Не сразу тыл стал восприниматься как пространство подвига. На это потребовались время и запрос пропагандистского аппарата. Ответом на него стало появление картин о жизни в тылу, которые были призваны формировать у зрителей чувство сопричастности к победе и мотивировать их на новые трудовые достижения.

Больше всего «тыловых» картин (около трети) было снято в переломном 1943 г. («Мы с Урала», 1943, реж. Л. Кулешов, А. Хохлова; «Жила-была девочка», 1944, реж. В. Эйсымонт; и др.). И лишь один фильм повествует о жизни деревни – это картина «Родные поля», снятая в 1944 г. реж. Б. Бабочкиным и А. Босулаевым в жанре эпической драмы.

Сюжет охватывает начальный период войны (с ноября 1941 г. до весны 1942 г.), когда все находятся в тревожном ожидании («Как там Москва?»). Фильм полон примет военной повседневности – проводы мужчин в армию, похоронки с фронта, эвакуированные из столицы, беженцы Смоленщины, сбор вещей и денег в помощь фронту. Показано и то нечеловеческое напряжение, которое досталось на долю женщин, взвалivших на свои плечи тяжелую мужскую работу. Есть в фильме сцены пахоты на коровах, страх перед

дежурной по сельсовету, которая приносит в дом похоронки, и песни. Главные герои фильма – женщины – несмотря на все тяготы, поют, смеются шуткам председателя (Б. Бабочкин), пляшут на проводах, надеются и ждут. Есть в фильме и чудо: возвращение солдата, на которого была получена похоронка, как вознаграждение за самоотверженную работу.

Картина пронизана верой в победу, как и положено пропагандистскому кино, и, что важнее, уравнивает труд на полях страны с воинским долгом: «Колхоз есть крепость обороны!» – говорит председатель колхоза, уходя на фронт.

Закончилась война, пропагандистская машина настроилась на решение других задач, в частности, стала востребована тема восстановления и подъема сельского хозяйства. Она нашла воплощение в мелодраматических киноисториях о возвращении в родное село фронтовиков, которые становятся председателями колхозов и включаются в строительство мирной жизни («Три встречи», 1948, реж. С. Юткевич, В. Пудовкин, А. Птушко; «Щедрое лето», 1950, реж. Б. Барнет; «Возвращение Василия Бортникова», 1952, реж. В. Пудовкин).

Этот же сюжет возрождения села после войны, но в более жесткой и правдивой манере был представлен в оттепельном кино («Простая история», 1960, реж. Ю. Егоров; «Капа», 1968, реж. К. Геворкян; «Дом и хозяин», 1967, реж. Б. Метальников; «Журавушка», 1968, реж. Н. Москаленко). Фильмы этого времени, в отличие от сталинского кино, показали реальную цену победы – картину разорения не только оккупированной, но и тыловой деревни.

Вышедший в 1964 г. на экраны фильм реж. А. Салтыкова «Председатель», ставший лидером проката, тоже о восстановлении послевоенной деревни. Бывший военный Егор Трубников (артист М. Ульянов) возвращается на родину и видит картину полного обнищания. Все мужчины ушли на заработки, в деревне остались одни женщины, хозяйство рушится. Такое наследие оставила война, и преодолеть его чрезвычайно трудно. Так подвиг возрождения затмевает подвиг тыла.

В 1970-е гг. жизнь тыловой деревни нашла отражение в многосерийных киноэпопеях режиссеров В. Краснопольского и В. Ускова «Тени исчезают в полдень» (1971–1973) и «Вечный зов» (1973–1981), снятых по романам А. Иванова. В первом фильме показана история сибирской деревни Зеленый Дол. Среди ее жителей есть партизаны Гражданской войны и коммунары, комсомольцы и коммунисты, замаскированные враги и деревенские типажи не хороших и не плохих – обычных людей. Стремление авторов отразить официальную версию советской истории определило некоторую схематичность и идеологическую заданность сюжета и образов главных героев. В фильме «Вечный зов» авторам удалось создать более тонкие психологические портреты героев и сюжетные коллизии. В основе сюжета лежит история крестьянской семьи Савельевых. Как в сказке – три родных брата, три разные судьбы. Война становится кульминацией сюжетной линии и проверяет каждого из братьев, предлагает сделать свой выбор.

Хотя тему тыловой деревни активно изучали и продолжают изучать историки, раскрывая ее как один из важнейших факторов победы [11–15], в структуре военного мифа она оказалась сюжетом невостребованным. Возможно, это случилось потому, что созданный военной пропагандой кинообраз деревни как «крепости обороны» уступал по зрелищности другим образам и подавлялся ими.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Военный кинематограф сконструировал четыре образа военной деревни: Родины-матери; жертвы и мученичества; символа народной борьбы с фашизмом и «крепости обороны». Все они получили дальнейшее развитие в кинематографе второй половины XX в., но имели разную судьбу. В частности, образ деревни и деревенской женщины как Родины-матери использовался в кинематографе вплоть до 1980-х гг., постепенно утрачивая семантическое наполнение в условиях завершения урбанизации. Тема деревни как «крепости обороны» была актуальной для исторической науки, но не для кинематографа. Наиболее востребованными и в политическом, и в кинематографическом плане оказались образы оккупированной деревни как жертвы и как пространства народной войны – необходимых элементов героического военного мифа. Они поддерживаются политикой памяти, а в современном российском обществе на волне ремифологизации военной истории получают новую жизнь. Характерной чертой военного мифа была и осталась его пропагандистская направленность. Сам же процесс трансформации пропагандистского мифа в миф исторический остался незавершенным, поскольку период его общественной рефлексии был непродолжительным и неполным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Раззаков Ф. И.* Наше любимое кино… о войне. М.: Алгоритм; Эксмо, 2005. 480 с.

2. *Талавер А.* Память о Великой Отечественной войне в постсоветском кинематографе. Этапы осмысления прошлого (от 1990-х к 2000-м) : препринт WP20/2013/06 / А. М. : Изд. дом Высш. школы экономики, 2013. 56 с.

3. *Родионова О. В.* Образ ВОВ в кинематографе как отражение культурно-исторической памяти и механизм самоидентификации // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Гуманитарные науки. 2017. №1 (768). С. 146–171.

4. *Зоркая Н.* История советского кино. М.: Алетейя, 2005. 541 с.

5. История отечественного кино / отв. ред. Л. В. Будяк. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 528 с.

6. *Русина Ю. А.* История советского кино : учеб. пособие. Екатеринбург: Урал. федер. ун-т, 2019. 104 с

7. *Волков Е. В.* Война на экране: киноэпопеи Ю.Н. Озерова в контексте коллективной памяти советского общества 1960–1980-х годов // Наука ЮУрГУ. Секции социально-гуманитарных наук: мат-лы 67-й науч. конф. / отв. за вып. С.Д. Ваулин: Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2015. С. 614–621. URL: http://dspace.susu.ac.ru/xmlui/handle/0001.74/5565 (дата обращения: 17.12.2017).

8. *Орлова А. С.* Художественный кинематограф как средство морально-психологической мобилизации населения (на материалах фильмов о Великой Отечественной войне 1941–1945 годов) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 1: История. С. 142–149.

9. *Орлова А. С.* Способы воплощения «образа врага» в советском киноискусстве 1940-х годов (на материале художественных фильмов о Великой Отечественной войне) // Вестн. Костром. гос. ун-та. 2015. № 4. С. 27–31.

10. Сталин: pro et contra (антология): в 2 т. / сост. А. А. Хлевов, И. В. Конадков. СПб: Изд-во РХГА; «Изд-во «Пальмира», 2017. Т. 1. 879 с.

11. *Арутюнян Ю. В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1963. 460 с.

12. *Вылцан М. А.* Крестьянство России в годы большой войны, 1941–1945. Пиррова победа. М. Рос. науч. фонд. Моск. отд-ние., 1995. 79 с.

13. Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Новосибирск: Наука-Центр, 2004. 293 с.

14. *Корнилов Г. Е.* Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург: УрГУ, 1993. 175 с.

15. *Мотревич В. П.* Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск: УрО АН СССР, 1990. 196 с.

REFERENCES

1. *Razzakov F. I.* Our favorite cinema ... about the war. Moscow, Algoritm, Eksmo, 2005, 480 c. (In Russ.)

2. *Talaver A.* Memory of the Great Patriotic War in post-Soviet cinema. Stages of comprehending the past (from the 1990s to the 2000s): preprint WP20/2013/06. Moscow, 2013, 56 p. (In Russ.)

3. *Rodionova O. V.* The image of the Second World War in cinema as a reflection of cultural and historical memory and a self-identification mechanism. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki,* 2017, no. 1, pp. 146–171. (In Russ.)

4. *Zorkaya N.* The Soviet cinema history. Moscow, Aleteiya, 2005, 541 p. (In Russ.)

5. *Budyak L. V.* (ed.) The Russian cinema history. Moscow, Progress-Traditsiya, 2005, 528 p. (In Russ.)

6. *Rusina Yu. A.* The history of Soviet cinema: a manual. Ekaterinburg, Ural. feder. un-t, 2019, 104 p. (In Russ.)

7. *Volkov E. V.* War on the screen: Yuri Ozerov's cinema epics in the context of the collective memory of Soviet society in the 1960s-1980s. *Nauka YUrGU. Sektsii sotsial'no-gumanitarnykh nauk: materialy 67-i nauch. konf.* Chellyabinsk, 2015, pp. 614-621. URL: http://dspace.susu.ac.ru/xmlui/handle/0001.74/5565 (accessed 17.12.2017). (In Russ.)

8. *Orlova A. S.* Art cinematography as a means of moral and psychological mobilization of population (based on films about the Great Patriotic War of 1941-1945). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya,* 2015, vol. 14, no. 1, pp. 142–149. (In Russ.)

9. *Orlova A. S.* Ways of embodying the "enemy image" in the Soviet cinema of the 1940s (based on feature films about the Great Patriotic War). *Vestnik KGU,* 2015, no. 4, pp. 27–31. (In Russ.)

10. *Khlevov A. A., Konadkov V. T.* (comps.) Stalin: pro et contra. Vol. 1. Saint Petersburg, Pal'mira, 2017, 879 p. (In Russ.)

11. *Arutyunyan Yu. V.* Soviet peasantry during the Great Patriotic War. Moscow, Nauka, 1963, 460 p. (In Russ.)

12. *Vyltsan M. A.* The peasantry of Russia during the Great War, 1941–1945. Pyrrhic victory. Moscow, RSF, 1995, 79 p. (In Russ.)

13. *Isupov V. A.* (ed.) West Siberia in the Great Patriotic War (1941–1945). Novosibirsk, Nauka-Tsentr, 2004, 293 p. (In Russ.)

14. *Kornilov G. E.* Ural village and war. Demographic development problems. Ekaterinburg, UrGU, 1993, 175 p. (In Russ.)

15. *Motrevich V. P.* Collective farms of the Urals during the Great Patriotic War. Sverdlovsk, UrO AN SSSR, 1990, 196 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.09.2020
Дата рецензирования 11.09.2020
Статья принята к публикации 21.09.2020

DOI: 10.15372/HSS20200405
УДК 94(47).084.8

Р.Е. РОМАНОВ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ ТРУДА РАБОЧИХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (КОНЕЦ 1980-х – 2010-е гг.)

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Статья посвящена изучению отечественной историографии проблемы стимулов труда рабочих в СССР в годы Великой Отечественной войны в контексте мировоззренческого конфликта между противниками и сторонниками «Советского проекта» в конце XX – начале XXI в. Показан переход от героико-эпической интерпретации трудового подвига советского народа-победителя к созданию трех объяснительных моделей процесса формирования мотивации труда в военное время. Сделан вывод, что «тоталитарный» и «трехфакторный» подходы соответствуют дискурсу «антисоветизма», а историко-психологический подход – «неосоветизма». Анализ историографической ситуации подтверждает авторский тезис о смысловом разломе исторической памяти в современной России.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, постсоветская историография, трудовые стимулы, мотивация труда, рабочие, тоталитарная школа, история ментальностей, концепция Ч. и К. Тилли.

R.E. ROMANOV

NATIONAL HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM OF STIMULATING WORKERS' LABOR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (LATE 1980S – 2010S)

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article is devoted to studying the national historiography of the problem of workers' labor incentives in the USSR during the Great Patriotic War in the context of ideological conflict between opponents and supporters of the "Soviet project" in the late XX - early XXI centuries. It shows the evolution of the methodological and source base, research subject field devoted to the desired topic analysis within framework of perestroika, post-Soviet and modern stages. The "totalitarian" approach prevailed in scientific and historical literature at the background of Marxist-Leninist canons' collapse and the archival "revolution" in the late 1980s - late 1990s. Based on sources of "critical" content, totalitarian historians sought to prove the leading role of non-economic coercion in stimulating military industry workers. At the same time, a "historical and psychological" direction was born, which tried to show the moral and motivational basis of this process.

In the late 1990s-2010s, in connection with the end of the "totalitarian" school's domination, studying incentives of workers in the rear developed along the lines of three-factor, "totalitarian" and historical-psychological approaches. Using a wide range of different sources, the followers of the concept of three factors of the labor motivation analyzed the phenomenon of "turning to compulsion" in the sphere of relations between the state-employer and employees at the war's eve and during the war. Totalitarian historians continued to investigate the coercive strategies and practices of stimulating the personnel of Soviet enterprises. Historians-mentalists reconstructed the cultural and psychological roots of nationwide labor selfless devotion in 1941-1945, which caused the high value of moral incentives to industrial activity. The author concludes that in the late 1980s-2010s Russian historiography has gone from a heroic and epic interpretation of the labor feat of the victorious Soviet people to forming three explanatory models of the stimulating labor process in the wartime. The "totalitarian" and three-factor approaches correspond to the discourse of "anti-Sovietism", while the historical and psychological approach corresponds to "neo-Sovietism". The analysis of historiographical situation confirms the author's thesis about the historical memory sense split in modern Russia.

Key words: Great Patriotic War, post-Soviet historiography, labor incentives, labor motivation, workers, totalitarian school, mentalities history, Ch. and K. Tilly concept.

Роман Евгеньевич Романов – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, email: rromanov1981@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9527-8037

Roman E. Romanov – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS.

© Романов Р.Е., 2020

ВВЕДЕНИЕ

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. под влиянием перестройки позднесоветское общество переживало смысловой разлом, приведший к распаду СССР. Суть данного явления заключалась в мировоззренческом конфликте между противниками и сторонниками «Советского проекта», получившем развитие в конце XX – начале XXI в. В современную эпоху борьба за дискредитацию «тоталитарного» (дискурс «антисоветизма») или реабилитацию «социалистического» (дискурс «неосоветизма») прошлого ведется, главным образом, в сфере массовых коммуникаций. Полем решающей битвы является Интернет, а ее участниками – веб-пользователи, находящиеся по разные стороны виртуальных баррикад. Краеугольным камнем, вокруг которого разворачивается противостояние, выступает победа СССР во Второй мировой войне. Одним из ее факторов было стимулирование труда рабочих, обеспечивавших фронт вооружением и боеприпасами. Из-за наличия антагонистических полюсов исторической памяти ответы на вопрос о стимулах тружеников тыла оказываются неизбежно связанными с противоположными оценками феномена советскости в целом. На фоне информационной глобализации, усилившей роль субъективного восприятия прошлого, возрастает значение объективной экспертизы исторического опыта. Эту функцию выполняет историография, находящаяся в центре нашего эвристического поиска. Вместе с тем, возникает вопрос о закономерном отражении тех или иных социальных позиций в сознании профессиональных историков. Предметом настоящего анализа является отечественная историография проблем стимулирования труда рабочих СССР в годы Великой Отечественной войны. Цель автора состоит в выявлении научных интерпретаций данного процесса, релевантных конфликтующим трендам общественных настроений в постсоветской России.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИОГРАФИИ

В развитии обозначенного исследовательского направления с учетом степени изученности проблематики, методологической и источниковой базы выделяются два этапа:

конец 1980-х – конец 1990-х гг.: рассмотрение трудовых стимулов военного времени в русле других «перестроечной» и постсоветской историографии (*концепция тоталитаризма vs «новая историческая наука», источники «критического» содержания*);

конец 1990-х – 2010-е гг.: изучение проблемы трудовых стимулов военного времени в рамках современной историографии *(концепция о трех факторах мотивации труда, «историко-психологическое» и «тоталитарное» направление, источниковедческий плюрализм)*.

ИСТОРИОГРАФИЯ КОНЦА 1980-х – КОНЦА 1990-х гг.

В доперестроечный период государственная политика по стимулированию труда рабочих военного времени рассматривалась исследователями как один из аспектов социально-экономической истории советского тыла. В это время «неприступной цитаделью» исторического знания выступала марксистско-ленинская методология, в границах которой господствовал государственно-патриотический «мононарратив». Последний выстраивался на основе идеологически выверенных источников, отражавших картину исторического прошлого с учетом требований существовавшей цензуры. Благодаря таким практикам официальная историография осуществляла конструирование нового героического эпоса в реалиях XX в. Его первооснову составлял патриотический образ советского народа-победителя, созданный пропагандой в годы Великой Отечественной войны. Этот образ являлся эталонным образцом для характеристики и оценки стимулов подвига тружеников тыла не только в послевоенной публицистике, но и в научных исследованиях, опубликованных до конца 1980-х гг.

«Перестроечные» процессы вызвали обрушение марксизма-ленинизма и его государственно-патриотической интерпретации исторического прошлого. Образовавшийся методологический «вакуум» заполнялся концепциями, заимствованными исследователями из западного гуманитарного знания. Прежде всего, речь идет о перенесении в пространство отечественной исторической науки теории тоталитаризма. «Тоталитарный» подход быстро занял в ней лидирующее положение в силу своей опоры на либерально-демократический «мононарратив» антисталинизма. Этот тренд органично соединился с «архивной революцией», сопровождавшейся массовым рассекречиванием и введением в научный оборот источников «критического» содержания, что позволило осуществить слом советского героико-эпического мифа. На смену ему пришел трагический культ жертв сталинских репрессий, оказавший существенное влияние на проблемный и оценочный векторы в изучении трудовых стимулов работников тыла. Одной из оппозиционных альтернатив этому дискурсу выступило «историко-психологическое» направление, зародившееся под интеллектуальным воздействием научно-исторической школы «Анналов» и обеспечившее объективную ревизию как марксистско-ленинского, так и тоталитарного подходов к изучению искомой проблематики.

В ***«перестроечной» историографии*** механизмы стимулирования рабочих в предвоенное и военное время реконструировались в трудах по истории советского тыла [1], социальной политике государства [2], идеолого-пропагандистской работе [3], развитию промышленности [4], трудовому законодательству [5]. Начальный период перестройки не внес кардинальных изменений в историографию, где сохранялась инерция воспроизводства государственно-патриотического мононарратива. Положение стало меняться с конца 1987 г., когда прозвучал и вышел в свет доклад М.С. Горбачева «Октябрь и перестройка», приуроченный к 70-летию Октябрьской революции. На фоне привычной идеологической риторики в нем появились новые оценки исторического прошлого, свя-

занные с использованием термина «административно-командная система». Последняя отождествлялась с бюрократизмом, культом личности, произволом, репрессиями сталинского руководства, на которое возлагалась историческая вина за ошибки и преступления. Критика «сталинизма» способствовала распространению в исторической науке и общественном сознании либерально-демократического нарратива. Данный феномен конструировался на основе понятия «тоталитаризм», использовавшегося в академических дискуссиях, официальной печати и быстро проникавшего в повседневную жизнь.

Несмотря на новые тенденции, вплоть до запрета КПСС, исследователи не могли полностью отказаться от устоявшейся в научной литературе парадигмы советского патриотизма. Сложившаяся диалектика «партийно-народного» и «командно-административного» начал социализма обусловливала своеобразие подходов и выводов авторов, опиравшихся еще в основном на традиционную источниковую базу. Вместе с тем стремительно надвигавшаяся «смена вех» сопровождалась расширением круга источников личного происхождения (воспоминания, мемуары, дневники), введением в научный оборот новых материалов периодики (журнальные издания советской юстиции) и архивных документов, свидетельствовавших о тяготах и лишениях трудящихся в 1940-е гг.

Ситуация раздвоения дискурсивного поля привела к формированию среди историков более неоднозначных, чем в предыдущий период, взглядов на проблему стимулов труда военного времени. Впервые в историографии советского тыла был поставлен вопрос о сочетании и соотношении принуждения и побуждения как мотивационных факторов производственной деятельности. Ее принудительный компонент реконструировался в контексте принятия и применения законодательных актов об ужесточении дисциплинарного режима на предприятиях и трудовой мобилизации, характеризовавшихся в качестве малоэффективных методов внешнего, административного воздействия на работников. Отмечалось, что крен в сторону командно-мобилизационных методов управления на рубеже 1930-х – 1940-х гг., особенно после нападения Германии на СССР, постепенно сменился на преимущественное использование руководителями военного производства рычагов материального и морального стимулирования персонала. В качестве побудительного аспекта данного процесса рассматривалась идеологическая работа партии в сфере оказания помощи трудовому фронту, которая включала средства словесной и наглядной агитации, направленной на рост производительности труда и удешевление продукции, рационализацию технологий, подъем соцсоревнования. Однако акцент делался не только на реальные достижения пропаганды (мобилизация рабочих в суровых жизненных условиях), но и на ее объективные и субъективные недостатки (отсутствие контроля за деятельностью агитколлективов, кампанейщина, подмена воспитательных методов администрированием, равнодушие партийных руководителей к материально-бытовым проблемам тружеников).

Наряду с этим осуществлялся критический анализ политики советского государства по обеспечению жизненного уровня населения. С одной стороны, подчеркивались распространение стимулирующих форм оплаты труда, прямая связь дифференцированного снабжения и коммерческой торговли с материальным поощрением, развитие сферы социального обслуживания. С другой стороны, выявлялись негативные явления, снижавшие эффект от применения сдельщины, прогрессивки и премирования (нерешенные проблемы технического нормирования), дополнительного питания (злоупотребления и слабый контроль в сфере распределения, обострение дефицита продовольствия). Важным являлся также вывод об ослаблении роли заработной платы как механизма повышения экономической заинтересованности работников в связи с введением карточек. В целом научно-исторические представления о трудовых стимулах, действовавших в первой половине 1940-х гг., отличались сбалансированностью позитивных и негативных оценок, что свидетельствовало об отказе от предыдущей историографической традиции, канонизировавшей «парадный блеск» героического эпоса. В начале 1990-х гг. отретушированные «бастионы» историографии советского тыла очень быстро пали под лавинообразным натиском либерализации общественного сознания, завершившейся распадом СССР и вступлением российского социума в эру поиска новых ответов на вопросы отечественной истории XX в.

В ***постсоветской историографии*** тема стимулирования промышленного персонала в годы войны освещалась в работах по истории принудительного труда [6], государственной мобилизационной политики [7], чрезвычайных органов власти [8], массовых настроений советского общества [9, 10]. При этом господство «тоталитарного» дискурса в научно-академическом и медийно-информационном пространстве продолжало утверждаться благодаря использованию при интерпретации советской истории понятий «сталинизм», «сталинский режим», «сталинский социализм» и других, отождествлявшихся с отечественной версией «тоталитаризма». В рамках данного подхода произошло «соединение» правившей в СССР партии с командно-административной системой, которая характеризовалась как механизм насильственной мобилизации общества.

Одновременно в связи с укреплением идеологического и методологического плюрализма в сфере исторического знания зарождалось «историко-психологическое» направление, ориентированное на изучение культурно-ментальных особенностей человека в годы Второй мировой войны (ключевые понятия – ментальность и массовое сознание). Становление и развитие новых трендов исторической мысли происходило в условиях доступа исследователей к ранее закрытым документальным фондам чрезвычайных властных и правоохранительных органов, спецслужб, оборон-

ного комплекса и т.д. Характер расширения и обновления источниковой базы зависел от того или иного вектора научного поиска, нацеленного на пересмотр предыдущих историографических позиций. При разработке проблем военного периода последователи «тоталитарной школы» опирались на рассекреченные директивные и делопроизводственные документы Государственного Комитета Обороны, Совета по эвакуации, Комитета по учету и распределению рабочей силы, НКВД, ГУЛАГа, военно-промышленных наркоматов, городских комитетов обороны, центрального и регионального партаппарата, исполкомов Советов. Сторонники «историко-психологического» направления задействовали в основном документальные материалы госучреждений, партийных, комсомольских и профсоюзных организаций с анонимными вопросами, высказываниями и суждениями граждан, а также периодику и воспоминания.

При изучении стимулов труда военного времени в рамках «тоталитарного» подхода (В.Н. Данилов, В.Н. Земсков, П.Н. Кнышевский, А.В. Шалак) акцент делался на анализе рычагов внеэкономического принуждения рабочих со стороны советского государства. Внимание уделялось выяснению роли НКВД и ГУЛАГа в сооружении индустриальных объектов, обеспечении оборонных предприятий и строек рабочей силой, выпуске отдельных видов боеприпасов. Реконструировались формы и методы мобилизации трудовых ресурсов, проводившейся на основе указов Президиума Верховного Совета СССР (далее ПВС СССР) и директив ГКО, которые способствовали применению уголовно-репрессивных мер в сфере производственных отношений, привлечению пенитенциарных контингентов к выпуску продукции для фронта. Отмечалось, что чрезвычайные органы власти использовали, прежде всего, административно-карательные практики, а способы разъяснения и поощрения имели второстепенное значение. В целом же сталинский режим проводил политику «кнута и пряника» с регулируемой системой выживаемости населения, базировавшейся на денежном и продовольственном вознаграждении за трудовую деятельность. Сторонники концепции тоталитаризма осуществили переоценку государственной стимулирующей политики первой половины 1940-х гг. на основе подробного изучения ее насильственно-принудительных элементов, что привело к кардинальной ревизии марксистско-ленинской картины исторического прошлого.

В русле «историко-психологического» подхода (Н.Д. Козлов, Ю.А. Поляков) на первый план вышла проблема поиска ментальных истоков народного подвига военной поры. К ним исследователи относили осознание гражданами СССР угрозы государственной катастрофы в случае военного поражения, легитимности господствующего социально-политического строя, необходимости защиты его экономических и социальных достижений, справедливость и уважение к людям труда, гибкое и органичное сочетание интернационализма и национальной идеи, революционной традиции и государственного патриотизма, ненависть и презрение к немецко-фашистским оккупантам. Главным фактором Победы на фронте и в тылу стала мобилизация морального духа и самосознания народа за счет возрождения властью общечеловеческих и национально-исторических ценностей, культурных традиций и моральных норм, отказа власти от деления социума на «своих» и «чужих», нравственного неприятия идеологии и практики захватчиков, отступления от жестких принципов сталинизма. По мнению авторов, несмотря на трагическое наследие сталинских репрессий, всеобщее стремление к разгрому врага обусловливало преобладание конструктивной коммуникации между государством и обществом, позитивно влиявшей на мотивацию тружеников периода «грозовых сороковых».

Таким образом, представители «историко-психологического» направления переосмыслили феномен массового подвижничества за счет реконструкции его побудительной основы «снизу», обусловившей пересмотр как марксистско-ленинского, так «тоталитарного» взгляда на историю Великой Отечественной войны. Ревизионистское отношение к полярным историографическим традициям позволило оптимизировать критику исторического опыта мотивационной политики советского государства в 1941–1945 гг. Этот вектор в значительной мере определил перспективы исследования данной темы в современной отечественной историографии.

ИСТОРИОГРАФИЯ КОНЦА 1990-х – 2010-х гг.

На современном этапе началось самостоятельное изучение проблем формирования и развития государственных стимулирующих стратегий в сфере трудовых отношений военного времени. Сущность нового периода заключается в отказе от попыток конструирования тех или иных мононарративов, в появлении в сфере гуманитарного знания множества «объясняющих рассказов», отличающихся полидискурсивностью. Результатом данных процессов стало окончательное торжество проблемного и методологического плюрализма в российской исторической науке. В условиях падения популярности либерального взгляда на прошлое широкое распространение получили народно-патриотический нарратив и ментальный дискурс, возникший вследствие влияния на отечественную интеллектуальную «почву» концептуальных идей научно-исторической школы «Анналов» (история ментальностей). Одновременно в рамках указанной тематики область научных изысканий наполнялась новейшими междисциплинарными наработками, заимствованными отечественными авторами из исследовательских практик западных коллег. Особую популярность среди специалистов по истории и психологии индустриального труда приобрела концепция о трех мотивационных факторах (вознаграждение, побуждение и принуждение) американских историков и социологов Ч. и К. Тилли. В русле господствовавших историографических «трендов»

исследователи использовали обширный круг документальных и нарративных источников, обладавших весьма разнородным информационным содержанием. В целом охарактеризованные тенденции способствовали формированию неоднозначных и противоречивых оценок исторического опыта стимулирования рабочих в годы Великой Отечественной войны.

В ***«миллениальной» историографии***[1] побудительные механизмы занятости в тыловых районах России рассматривались исследователями в контексте комплексного изучения истории чрезвычайных органов власти [11], народного менталитета [12], обыденного сознания [13], поведенческих мотивов людей [14], стимулирования [15] и факторов мотивации труда [16, 17]. С началом XXI в. тоталитарный подход утратил господствующее положение в отечественной исторической науке. В ней под влиянием идей научной школы «Анналов» усилилось развитие «историко-психологического» направления. Важной вехой в становлении междисциплинарных исследований в области социальной истории стала реализация на базе концепции Ч. и К. Тилли российско-голландского проекта «Эволюция мотивации труда в российской промышленности, 1861–2000 гг.» (1999–2002). Его осуществление позволило установить влияние трех факторов – вознаграждения, побуждения и принуждения – на отношение работников к производственной деятельности. В научный оборот вводились массивы архивных документов, обеспечивших выявление закономерностей и особенностей этих процессов на уровне макро- и микроистории советского тыла.

В рамках концепции Ч. и К. Тилли историки (А.М. Маркевич, А.К. Соколов, С.И. Тогоева) занимались изучением «поворота к принуждению», произошедшего в СССР накануне и в годы войны. С их точки зрения, этот процесс заключался в законодательном ужесточении карательных мер за нарушение дисциплины и порядка на предприятиях. Были проанализированы характер и масштабы применения указов ПВС СССР от 26 июня 1940 г. и 26 декабря 1941 г. Подчеркивалось, что уголовные репрессии дополнялись материальными и моральными стимулами: повышением зарплаты и приоритетным снабжением тружеников оборонной индустрии, попытками решения жилищной проблемы, карточной системой, соцсоревнованием, огородническим движением, организацией отдыха, правительственными наградами. Но из-за ограниченности ресурсов власть больше склонялась к тому, чтобы заставить людей работать под угрозой наказания. В результате интересы государства и работников зачастую не совпадали, что приводило к неэффективности насилия как средства, призванного стимулировать добросовестный труд. Одновременно в научно-исторической литературе присутствовали менее категоричные оценки (В.А. Сомов), согласно которым административно-правовые (включая репрессивные) методы воздействия на рабочих являлись частью более вариативной системы, в которой в равной степени сочетались разнообразные формы вознаграждения, побуждения и принуждения.

В русле «тоталитарной школы» историки (В.Н. Данилов) по-прежнему уделяли основное внимание теме принудительно-репрессивной мобилизации в условиях функционирования командно-административной экономики в первой половине 1940-х гг. Реконструировались практики всеобщей трудовой повинности гражданского населения и применения подневольного труда спецконтингентов. В целом государственная стратегия формирования мотивации к производственной деятельности, как и на предыдущем этапе, оценивалась в духе политики «кнута и пряника» с регулируемой системой выживания.

В контексте «историко-психологического» подхода исследователи (М.В. Адриенко, В.Ф. Зима, Н.Д. Козлов) разрабатывали проблему побудительных мотивов всенародного подвига в 1941–1945 гг.: среди них выделялись преимущественно крестьянский менталитет населения; осознание нависшей военной угрозы; убежденность в безальтернативности борьбы против захватчиков; восприятие большинством населения власти как силы, способной защитить страну от захвата и порабощения; национальные и общечеловеческие ценности; вера в идеи социального справедливости, равенства и созидания; готовность идти на материальные жертвы; социальный оптимизм; сочетание патриотизма и интернационализма; наличие социальных гарантий; социалистическая идеология и массовая пропаганда. К социокультурным демотиваторам относились проявления антисоветизма, рост религиозных настроений, психологические шоки и травмы, связанные с начальным периодом войны и преодоленные в короткий срок после достижения коренного перелома на советско-германском фронте. С точки зрения исследователей, в военные годы произошло временное сближение интересов власти и общества. Данный процесс способствовал налаживанию устойчивой коммуникации между ними в сфере социально-трудовых отношений, строившихся в основном на согласии между государством-работодателем и работниками. В целом эти оценки получили перспективное развитие при дальнейшем изучении указанной проблематики.

В ***«новейшей» историографии***[2] избранной темы началось комплексное исследование мотивационных установок гражданского населения в прифронтовых регионах России [18]. Эти вопросы разрабатывались также в контексте истории первого советского поколения [19], репрессивной политики «сталиниз-

[1] Термин «миллениальная историография» понимается как совокупность исследований по проблемам стимулирования рабочих военного времени, опубликованных в конце 1990-х – конце 2000-х гг. Начало самостоятельного изучения темы трудовых стимулов в российской исторической науке пришлось как раз на рубеж второго и третьего тысячелетий.

[2] Термин «новейшая историография» понимается как совокупность исследований по проблемам стимулирования рабочих военного времени, опубликованных в конце 2000-х – 2010-х гг. Начало этого этапа совпадает с выходом первой фундаментальной научной работы по теме трудовых стимулов и мотиваций в годы Великой Отечественной войны.

ма» [20], становления системы трудовой мотивации на советских предприятиях [21]. С конца 2000-х гг. изучение отношения к труду в военное время происходило за счет синтеза локально-исторического подхода и историко-психологических реконструкций на основе партийно-государственной документации, материалов периодической печати, радиоцензуры, наглядной пропаганды, речей И.В. Сталина, «писем во власть» и дневников. В меньшей степени эта проблематика разрабатывалась в русле тоталитарной школы с опорой на законодательство о трудовой дисциплине, на документы органов юстиции и НКВД, областных парторганизаций. В рамках концепции Ч. и К. Тилли продолжался анализ системы трудовой мотивации на уровне микроистории заводских коллективов. Упомянутая концепция применялась при интерпретации директив государственной власти, отраслевых ведомств, региональных партийных комитетов, распоряжений руководства предприятий, а также газетной периодики.

В русле «историко-психологического» подхода историки (В.А. Сомов) сделали акцент на характеристике внеэкономических факторов мотивации труда в 1941–1945 гг. Среди них были выделены советское трудовое законодательство, политический и информационно-идеологический контроль, распространение слухов и информации религиозного содержания, письма с фронта, эмоция-шок и внешняя угроза, коллективная ответственность и чувство долга, восприятие образа И.В. Сталина. В результате воздействия совокупности выявленных конкретно-исторических условий выделены три формы поведения работников в сфере общественного производства – активно конструктивное (искреннее желание трудиться), активно деструктивное (явный отказ или призыв к отказу от работы) и пассивное (неактивный труд). Главный вывод состоял в том, что власть сумела актуализировать в массовом сознании населения установки на необходимость интенсивного труда ради победы в войне, обусловленные не материальным вознаграждением или принуждением, а нравственными поведенческими императивами. Важную роль в становлении этих императивов сыграла система воспитания молодежи 1930-х гг., заложившая в будущих тружениках тыла коллективистскую психологию, ядром которой было представление о моральном долге.

В рамках «тоталитарного направления» (С.А. Папков) основной акцент делался на выявление роли репрессивной политики «сталинизма» в эволюции социально-трудовых отношений накануне и в годы войны. Показана поэтапная замена экономических стимулов системой административно-уголовных наказаний в ведущих отраслях военной экономики глубокого тыла. Механизмами расширения сферы принуждения стали указы ПВС СССР от 26 июня 1940, 26 декабря 1941 и 13 февраля 1942 г., направленные на мобилизацию и закрепощение рабочей силы на производстве. Несмотря на широкомасштабное применение этих нормативно-правовых актов, отрицательная оценка их результативности в плане укрепления производственной дисциплины и закрепления кадров в оборонной индустрии была вызвана сохранением хаотичной мобильности трудовых ресурсов. Вместе с тем, с позиции историков-«тоталитаристов», массовые принудительные меры компенсировали полную неэффективность системы материального вознаграждения производственного персонала.

Последователи концепции Ч. и К. Тилли (К.П. Прибыткова) сфокусировали внимание на комплексном анализе государственной политики в области стимулирования труда в советской промышленности в 1940–1980-е гг. Реконструкция этой политики осуществлялась ими на примере трех машиностроительных предприятий Алтайского края с учетом всероссийского исторического контекста. В частности, период Великой Отечественной войны рассмотрен в первую очередь в связи с усилением принудительных стимулов. Принуждение представлено уголовной ответственностью за самовольное оставление производства; централизованным распределением рабочей силы; штрафными санкциями за выпуск бракованной продукции; ежегодными централизованными пересмотрами норм выработки в сторону их ужесточения; судебным наказанием за прогул без уважительной причины. Кроме того, в индустрии действовал идеологически обоснованный принцип «оплаты по труду», реализованный с помощью дифференцированной системы натурального вознаграждения и распространения сдельной формы заработной платы. В целом система трудовой мотивации, действовавшая в военное время, характеризовалась как нефункциональная, поскольку в условиях высокой текучести кадров руководители подразделений покрывали нарушителей дисциплины и завышали показатели выработки с целью выплаты рабочим более высокой зарплаты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце 1980-х – 2010-х гг. отечественная историография прошла путь от героико-эпической интерпретации трудового подвига советского народа-победителя к формированию трех объяснительных моделей стимулирования работников в военные годы, соответствующих конфликтующим трендам общественного сознания в современной России. С точки зрения «тоталитарного» и «трехфакторного» подходов, референтных дискурсу «антисоветизма», данное явление изучалось как один из результатов политики советского государства. В контексте истории ментальностей, релевантной дискурсу «неосоветизма», отношение к труду в 1941–1945 гг. анализировалось в качестве продукта массового общественного сознания. Таким образом, анализ историографической ситуации подтверждает авторский тезис о смысловом разломе исторической памяти, присущем не только российскому социуму в целом, но и научно-историческому сообществу в частности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Советский тыл в годы Великой Отечественной войны: в 3 т. М., 1988–1990.

2. *Загвоздкин Г.Г.* Цена Победы. Социальная политика военных лет. Киров, 1990. 262 с.

3. *Савушкин Л.М.* Идеология советского тыла: проблемы и противоречия. 1941–1945 гг. (Опыт деятельности партийных организаций тыловых районов РСФСР). Воронеж, 1990. 191 с.

4. *Кантор Л.М.* Промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1991. 95 с.

5. *Хлевнюк О.В.* 26 июня 1940 г.: иллюзии и реальности администрирования // Коммунист. 1989. № 9. С. 87–96.

6. ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны: мат-лы «круглого стола» // Воен.-ист. журн. 1991. № 1. С. 14–24.

7. *Кнышевский П.Н.* Государственный Комитет Обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопр. истории. 1994. № 2. С. 53–65.

8. *Данилов В.Н.* Война и власть: чрезвычайные органы регионов России в годы Великой Отечественной войны. Саратов: Изд-во Поволж. фил. Рос. учеб. центра, 1996. 391 с.

9. *Поляков Ю.А.* Почему мы победили? О массовом сознании в годы войны // Свободная мысль. 1994. № 11. С. 62–76.

10. *Козлов Н.Д.* Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1995. 138 с.

11. *Данилов В.Н.* Советское государство в Великой Отечественной войне: феномен чрезвычайных органов власти 1941–1945 гг. Саратов, 2002. 400 с.

12. *Зима В.Ф.* Менталитет народов России в войне 1941–1945 гг. М., 2000. 277 с.

13. *Козлов Н.Д.* С волей к Победе. Пропаганда и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2002. 312 с.

14. *Адриенко М.В.* Население Ставропольского края в годы Великой Отечественной войны: оценка поведенческих мотивов: автореф. дис. … канд. ист. наук. Пятигорск, 2005. 27 с.

15. *Соколов А.К.* Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х – середина 1950-х гг.) // Экономическая история: ежегодник. 2003. М., 2004. С. 74–99.

16. *Тогоева С.И.* Факторы влияния на мотивацию труда (на материалах Тверского вагоностроительного завода в 1941–1951 гг.) // Экономическая история. Обозрение. М., 2002. Вып. 8. С. 39–56.

17. *Сомов В.А.* Трудовое законодательство и мотивация труда в годы Великой Отечественной войны // Историко-экономические исследования. 2007. Т. 8, № 2. С. 163–174.

18. *Сомов В.А.* Потому что была война…: Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны. Нижний Новгород, 2008. 234 с.

19. *Сомов В.А.* Первое советское поколение: испытание войной. М., 2015. 176 с.

20. *Папков С.А.* Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012. 440 с.

21. *Прибыткова К.П.* Мотивация труда в промышленности Алтайского края в 1940-е – 1980-е гг. Барнаул, 2019. 283 с.

REFERENCES

1. The Soviet rear during the Great Patriotic War: in 3 vols. Moscow, 1988–1990.

2. *Zagvozdkin G. G.* The Victory price. Social policy of the war years. Kirov, 1990, 262 p. (In Russ.)

3. *Savushkin L. M.* The Soviet rear ideology: problems and contradictions. 1941–1945. (Experience in the party organizations' activities in the RSFSR rear territories). Voronezh, 1990, 191 p. (In Russ.)

4. *Kantor L. M.* The USSR industry during the Great Patriotic War. Saint Petersburg, 1991, 95 p. (In Russ.)

5. *Khlevnyuk O. V.* June 26, 1940: illusions and realities of administration. *Kommunist,* 1989, no. 9, pp. 87–96. (In Russ.)

6. Gulag during the Great Patriotic War: the round table materials. *Voenno-istoricheskiy zhurnal,* 1991, no. 1, pp. 14–24. (In Russ.)

7. *Knyshevsky P. N.* State Defense Committee: labor mobilization methods. *Voprosy istorii*, 1994, no. 2, pp. 53–65. (In Russ.)

8. *Danilov V. N.* War and power: regional extraordinary organs in Russia during the Great Patriotic War. Saratov: Volga Publ. House., 1996, 391 p. (In Russ.)

9. *Polyakov Yu. A.* Why did we win? On the mass consciousness during the war. *Svobodnaya mysl'*, 1994, no. 11, pp. 62–76. (In Russ.)

10. *Kozlov N. D.* Public consciousness during the World War II. Saint Petersburg, 1995, 138 p. (In Russ.)

11. *Danilov V. N.* The Soviet state in the Great Patriotic War: the phenomenon of extraordinary authorities in 1941–1945. Saratov, 2002, 400 p. (In Russ.)

12. *Zima V. F.* The mentality of the peoples of Russia in the war of 1941– 1945. Moscow, 2000, 267 p. (In Russ.)

13. *Kozlov N. D.* With the will to Victory. Propaganda and everyday consciousness during the World War II. Saint Petersburg, 2002, 312 p. (In Russ.)

14. *Adrienko M. V.* The population of Stavropol Territory during the Great Patriotic War: an assessment of behavioral motives: diss. abstr. Pyatigorsk, 2005, 27 p. (In Russ.)

15. *Sokolov A. K. Forced labor in Soviet industry and its crisis (late 1930s - mid 1950s). Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik. 2003.* Moscow, 2004, pp. 74–99. (In Russ.)

16. *Togoeva S. I.* Factors influencing the labor motivation (based on materials of Tver Carriage Works in 1941–1951). *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie.* Moscow, 2002, iss. 8, pp. 39–56. (In Russ.)

17. *Somov V. A.* Labor legislation and labor motivation during the Great Patriotic War. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*, 2007, vol. 8, no. 2, pp. 163–174. (In Russ.)

18. *Somov V. A.* Because there was a war ...: Non-economic factors of labor motivation during the Great Patriotic War. Nizhniy Novgorod, 2008, 234 p. (In Russ.)

19. *Somov V. A.* The first Soviet generation: testing by war. Moscow, 2015, 176 p. (In Russ.)

20. *Papkov S. A.* Ordinary terror. The policy of Stalinism in Siberia. Moscow, 2012, 440 p. (In Russ.)

21. *Pribytkova K. P.* Labor motivation in Altai Territory industry in the 1940s – 1980s. Barnaul, 2019, 283 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.09.2020
Дата рецензирования 06.09.2020
Статья принята к публикации 21.09.2020

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДА: ИЗУЧЕНИЕ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ, УРОКИ ПРОШЛОГО»

21–22 сентября 2020 г. в дистанционном режиме состоялась Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Великая Отечественная война в исторической памяти народа: изучение, интерпретация, уроки прошлого». Данное событие посвящалось 75-летию Победы, которая до сих оказывает интегрирующее воздействие на общественное сознание россиян и жителей бывшего СССР.

Подготовка конференции осуществлялась шестью организациями-партнерами, в том числе Институтом истории СО РАН, Автономной некоммерческой организацией поддержки и развития гуманитарных исследований «Свободные науки», Гуманитарным институтом Новосибирского государственного университета, Новосибирским государственным педагогическим университетом, Новосибирским государственным университетом архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова, Сибирским институтом управления – филиалом РАНХиГС. Помощь в организации конференции оказали Правительство Новосибирской области, фонд «История Отечества», Новосибирская метрополия Русской православной церкви.

Целью организаторов конференции являлось создание современной онлайн-площадки по обсуждению дискуссионных проблем исторической памяти о Великой Отечественной войне. Актуальность этой площадки обусловлена непрекращающимися попытками ангажированного пересмотра итогов Второй мировой войны в пользу западных союзников СССР. При этом вклад Советского Союза в Победу над фашизмом либо сознательно умаляется, либо вовсе замалчивается под предлогом необходимости «преодоления опыта тоталитарного прошлого». Данные тренды уже давно стали неотъемлемой частью общественно-политической повестки, формируемой субъектами глобального информационного пространства в начале XXI в. «Декоммунизация» и борьба с советским мемориальным наследием в ряде стран СНГ и Восточной Европы, намеренное искажение исторических событий в некоторых современных фильмах о войне и другие негативные процессы нашего времени обусловливают востребованность объективного анализа и осмысления широкого круга вопросов, связанных с сохранением коллективной памяти о Победе как одном из краеугольных элементов российской идентичности в новом тысячелетии.

Понимание необходимости решения этой важной задачи объединило в рамках онлайн-форума более 80 исследователей из семи федеральных округов РФ и четырех стран ближнего зарубежья. Крупные регионы России представляли 67 чел. (79,8 %), иностранные государства – 17 чел. (20,2 %). Среди российских участников находились представители Северо-Западной (2) и Центральной (7) России, Республики Крым (1), Северного Кавказа (4), Поволжья (6), Урала (5), Сибири (40) и Дальнего Востока (2), ближнего зарубежья – Беларуси (4), Донецкой Народной Республики (1), Казахстана (4), Таджикистана (3), Туркменистана (2), Узбекистана (3). В целом состав акторов научно-практического мероприятия отражает его всероссийский характер, а также ориентированность на ведущие научные центры сопредельных стран (Минск, Нур-Султан, Алматы).

21 сентября в Институте истории СО РАН состоялось открытие и пленарное заседание конференции, проходившие в режиме онлайн. С приветственным словом к участникам форума обратились научный руководитель Института археологии и этнографии СО РАН, д-р ист. наук, академик А.П. Деревянко, министр науки и инновационной деятельности Новосибирской области А.В. Васильев, заместитель председателя Правительства Новосибирской области, министр регионального развития Новосибирской области И.Н. Яковлев. Выступавшие подчеркнули острую актуальность конференционной тематики, заявленной в соответствии с неумолимыми вызовами современной эпохи.

Заданный дискурс был активно подхвачен основными пленарными докладчиками конференции. В докладе д-ра ист. наук, профессора Томского государственного университета В.П. Зиновьева отмечались различные аспекты готовности СССР к войне: динамика создания и освоения новых видов вооружений, качественный уровень военных кадров Красной армии, незавершенность модернизации и мобилизационные возможности советской экономики. Выступление д-ра ист. наук, главного научного сотрудника Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова А.Т. Копаевой (Казахстан), посвященное исторической памяти в Казахстане, касалось анализа проблем национальной историографии и политики меморизации Великой Отечественной войны в конце XX – начале XXI в. В центре ее внимания оказалось противоречивое влияние советского наследия и казахского национализма на историографическую и общественно-политическую ситуацию, сложившуюся вокруг Великой Победы.

После завершения пленарного заседания участники конференции продолжили работу в пяти онлайн-секциях, работавших на пяти площадках: Института

истории СО РАН, Института филологии СО РАН, Института философии и права СО РАН, Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова (21 и 22 сентября). На секционных заседаниях профессиональная коммуникация между исследователями осуществлялась в контексте следующих проблемно-тематических блоков: меморизация войны и Победы; ее демографические, социально-экономические и культурные последствия; изучение и реконструкция боевых действий; освещение военной тематики на страницах учебников; подвиг милосердия врачей и священнослужителей в 1941–1945 гг.

В рамках темы меморизации войны и Победы обсуждались различные аспекты исторической памяти, связанные с развитием массового сознания в СССР и на постсоветском пространстве. Их рассмотрение происходило вокруг дискуссионных вопросов о тенденциях и специфике коллективного восприятия Великой Отечественной войны. Речь шла об особенностях интерпретации событий военного времени, о позитивных и негативных практиках использования памяти, соотношении в ее «поле» объективных знаний и исторических мифов, поколенческом «срезе» массовых представлений об одновременно героическом и трагическом прошлом. Внимание уделялось анализу таких каналов трансляции памяти в социум, как воспоминания детей и письма о войне, художественная литература и кинематограф, деятельность военных музеев и представителей творческой интеллигенции, историко-краеведческий туризм. Освещались разные грани меморизации военных событий на региональном, локальном и личностном уровнях.

В русле тематики, посвященной демографической, социально-экономической и культурной цене Победы, профессиональный диалог историков осуществлялся с учетом знаковых сюжетов «военной» историографии. Следует отметить, что эти сюжеты получили особое преломление в сфере массового сознания начала XXI в. В ходе научного обсуждения были затронуты проблемы релевантности исследований о стимулировании рабочих в годы войны, об «антисоветском» или «неосоветском» дискурсах общественных настроений современных россиян. В частности, затронутая тема государственного насилия и принуждения получила продолжение в контексте освещения историографических оценок профилактики трудового дезертирства и анализа уголовно-правовой политики советского государства в отношении коллаборационистов и других политических преступников в рассматриваемый период. Интерес участников конференции вызвали также вопросы влияния Второй мировой войны на народное хозяйство СССР, что нашло отражение в развитии оборонной промышленности, производственной деятельности эвакуантов, мобилизации потенциала колхозной деревни, роли военнослужащих Советской армии в восстановлении разрушенной экономики и инфраструктуры. Значимым, с точки зрения сохранения памяти о войне, является и анализ вклада ученых в Победу, научных оценок и дискуссий вокруг демографических потерь СССР в условиях репатриации, воспоминаний о включении эвакуированного населения в тыловой социум; кроме того, освещались практики борьбы с детской преступностью, деятельность отдельных средних школ в годы войны.

Не менее важное значение для профессионального общения исследователей, посвященного памяти о войне, имело проблемное поле изучения и реконструкции боевых действий. В этом фокусе оказались наиболее актуальные вопросы, вызывающие особую полемику в глобальном информационном пространстве. Детально показана история участия отдельных частей РККА и коренных народов в боях на советско-германском фронте, военного плена и участия советских военнопленных в движении Сопротивления, немецко-фашистской оккупации и гуманитарных преступлений оккупантов и коллаборационистов. Реконструированы опыт подготовки офицерских кадров по тыловому обеспечению действующей армии, служебно-боевой деятельности внутренних войск НКВД, эволюции партизанской разведки на оккупированной территории, привлечены воспоминания малолетних узников белорусских гетто.

Одним из приоритетных целевых направлений конференции являлась тема войны и Победы на страницах учебников, имеющая огромное значение для формирования памяти современной молодежи об историческом прошлом. При этом профессиональная коммуникация участников форума происходила в русле осмысления специфики отражения указанной проблематики в учебниках истории для школ и вузов России, Беларуси, республик Средней Азии. Так, в центре внимания оказались вопросы персонификации учебного «контента», репрезентации в школьных и вузовских пособиях истории казачества, партизанского движения, коллаборационизма периода Великой Отечественной войны. Отдельным блоком показаны педагогические основы коммеморативных образовательных событий, результаты экспериментальных исследований исторической памяти школьников, практические возможности школьных профильных смен, посвященных военным событиям.

Особый сюжет в тематике конференции представлен историей подвига милосердия медиков и священнослужителей в 1941–1945 гг. Акцент сделан на работе военных врачей на театре боевых действий и в эвакогоспиталях, кроме того, показано значение медицинских училищ, системы медицинского обслуживания рабочих в глубоком тылу, деятельности архиепископа и хирурга В.Ф. Войно-Ясенецкого (святителя Луки). Подробно освещен опыт музейной репрезентации функционирования военной медицины, адресованной детской (школьной) и взрослой аудитории.

В ходе заключительных дискуссий участники секций затронули наиболее значимые проблемы исторической памяти в России и странах ближнего зарубежья.

Особо следует отметить обсуждение возможностей и ограничений разных подходов к ее формированию в советский, постсоветский и современный период. Важное место в дискуссиях занимала тема противоречивого отражения хода и итогов Великой Отечественной войны в школьных учебниках.

Результаты форума отражены в сборнике материалов, в который вошло 70 статей, прошедших квалифицированный научный отбор[1].

По итогам состоявшейся конференции даны следующие рекомендации:

1. Расширить тематику конференции до глобальных масштабов (Вторая мировая война) с привлечением ученых из других стран для создания международных исследовательских проектов.

2. Сохранить архив СО РАН и поддержать его деятельность с целью обеспечения возможности длительных научных исследований в области истории науки, в том числе периода Великой Отечественной войны.

3. Получить поддержку со стороны научных и общественных фондов в работе по сбору и анализу устных и письменных свидетельств о представлениях разных поколений о Великой Отечественной войне.

4. Следующую конференцию посвятить 80-летию начала Великой Отечественной войны.

5. Целесообразно проведение в перспективе специальной конференции по изучению современного российского кинематографа и отражению в кинематографии исторических событий.

Оргкомитет конференции выражает благодарность за информационную поддержку всероссийскому научному журналу «Гуманитарные науки в Сибири» и электронному научному журналу Института истории СО РАН «Исторический курьер».

Р.Е. Романов,
канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
Новосибирск

[1] Великая Отечественная война в исторической памяти народа: изучение, интерпретация, уроки прошлого: сб. мат-лов Всерос. науч. конф. с междунар. участием/редкол.: А.А. Николаев (отв. ред.), М.А. Семенов; Ин-т истории СО РАН. Новосибирск: Изд-во «Параллель», 2020. 606 с.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20200406
УДК 94(571):910.4+336.2(091)

А.Х. ЭЛЕРТ

ЯСАЧНЫЕ ОКЛАДЫ В СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.: РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВТОРОЙ КАМЧАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ)

Институт истории СО РАН,
РФ, 630 090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

На протяжении XVII – первой половины XVIII в. ясачные оклады для коренных народов Сибири практически повсеместно определялись в соболях. В статье на материалах Второй Камчатской экспедиции (анкетные данные, полевой дневник и описания сибирских уездов Г.Ф. Миллера, труды С.П. Крашенинникова и Г.В. Стеллера) анализируются размеры этих окладов и их изменения применительно к ясачным – представителям различной этнической принадлежности в отдельных уездах, волостях и улусах. Установлено, что уже ко второй четверти XVIII в. во многих уездах платежи соболями из-за их истребления составляли уже незначительную часть собранного ясака и вместо них власти вынуждены были принимать менее ценную пушнину, домашний скот и другие товары, стоимость которых определялась в соболях, а также деньги. Причем в разных уездах эта стоимость значительно различалась.

Ключевые слова: Вторая Камчатская экспедиция, ясак в Сибири второй четверти XVIII в., соболиный оклад, региональные и этнические различия.

A.CH. ELERT

YASAK TRIBUTE IN SIBERIA IN THE SECOND QUARTER OF THE 18TH CENTURY: REGIONAL AND ETHNIC CHARACTERISTICS (BASED ON THE MATERIALS OF THE SECOND KAMCHATKA EXPEDITION)

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Indigenous peoples of Siberia subjugated by the Russian state were obliged to pay a tribute numbered in the sable pelts almost universally in the XVII - first half of the XVIII century. But at the early XVII century the sable population decreased crucially due to hunting, therefore the authorities were forced to accept as payment both less valuable furs and other goods. The article analyzes the amount of yasak payments and their characteristics depending on the ethnicity of the yasak people (those who pay tribute) in different administrative subdivisions (uyezd, volost, ulus) based on materials of the Second Kamchatka expedition of 1733–1743 (registries of local administration offices compiled according to G. Müller's questionnaires, his travelogue and descriptions of Siberian lands, monographs by S. P. Krasheninnikov and G. V. Steller). The author argues that the number, as well as the hierarchy of prices for sables and other furs, were not regulated by the central government, and were determined by the local authorities at their discretion. The highest payments were set for the poorest and most defenseless peoples (Khanty, Selkups, Kets, etc.). The peoples whose representatives had been serving the Russian state like the Cossacks, as well as the peoples who lived near the southern borders in

Александр Христианович Элерт – д-р ист. наук, главный научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: alexandrelert@yahoo.com, https://orcid.org/0000-0002-1908-8239

Alexandr Kh. Elert – Doctor of Historical Scientes, Chief Researcher, Institute of History SB RAS

© Элерт А.Х., 2020

Transbaikalia (Buryats, Tungus) paid less. The distinctions in the cost of fur of different types in various administrative subdivisions, or depending on particular ethnic groups or even clans, were rather significant. This study confirms that sable and other furs became a minor part of the collected yasak tribute due to the fur animals' extermination in the second quarter of the XVIII century in many areas. Instead of this, the authorities were forced to accept money in ever growing amounts. Moreover, in the westernmost territories, the local authorities completely replaced sable pelts with cash. The materials of the Second Kamchatka expedition allow the author to state that corrupt practices while collecting yasak were widespread in areas located far away from the provincial centers.

Key words: Second Kamchatka expedition, yasak tribute in Siberia, second quarter of the XVIII century, number of sable pelts, regional and ethnic characteristics

ВВЕДЕНИЕ

Ясачной политике государства в Сибири посвящено большое количество специальных исследований, эта проблема затрагивается в ряде монографий и статей по истории коренных народов данного региона, проблемам их вхождения в состав России, взаимоотношениям с русскими властями, родовому и племенному составу, расселению, традиционной культуре. Наиболее значимые в этом отношении труды раскрывают особенности ясачного обложения коренного населения Сибири в XVII в. (работы С.В. Бахрушина, Б.О. Долгих и др.). Ясачная политика в XVIII – XIX вв. также освещается в большом количестве исследований, однако в большинстве своем они посвящены практическому воплощению этой политики в том или ином сибирском регионе (работы Н.А. Миненко, Е.М. Залкинда и др.); труды Л.М. Дамешека представляются в этом отношении одним из немногих исключений. В изучении ясачной политики одним из важнейших является вопрос о тяжести ясака, изменениях в размерах ясачных окладов, их реальном материальном воплощении, региональных и этнических особенностях. Для раскрытия данных сюжетов уникальные возможности предоставляют материалы Второй Камчатской экспедиции 1733–1743 гг., поскольку они содержат однотипные сопоставимые сведения об особенностях взимания ясака и его размерах во всех сибирских уездах и для всех этнических групп аборигенов за короткий временной отрезок.

Укажем наиболее важные для темы статьи источники. 1). Ведомости всех уездных и провинциальных канцелярий, составленные по анкетам Г.Ф. Миллера и представляющие собой 7 громадных томов[1]. Один из пунктов этих анкет касался этнического состава коренного населения, его численности, расселения и ясачных платежей. Приведем в качестве примера соответствующий фрагмент анкеты, отправленной Миллером в Мангазейскую (Туруханскую) воеводскую канцелярию: «Какие иноземческие ясашные волости к городу Туруханску и Туруханского уезду к острогам и зимовьям принадлежат, и каких языков и в какие они роды разделены, и при каких урочищах каждой род, а особливо начальные их люди где наибольше кочуют, и сколько в котором роде ясашных людей, и по скольку с каждой волости или роду погодно собираетца ясаку, и чем они ясак платят, притом чтоб о последнем полном ясашном зборе приобщена была особливая ведомость с оценкою, и есть ли где иноземцы, которые поныне в ясак не приведены, и сколь они людны, и какие в смирении оных находятца трудности» [1, с. 164]. В составленной по этой анкете ведомости ответы на данный пункт занимают 26 страниц, причем даны подробные сведения о ясачных сборах за три года – 1736, 1737 и 1738[2]. 2). Полевой дневник Г.Ф. Миллера на немецком языке в 5 рукописных томах[3]. 3). Описания Кузнецкого, Томского, Енисейского, Мангазейского, Красноярского и Нерчинского уездов, составленные Г.Ф. Миллером во время экспедиции; опубликованы нами в переводе на русский язык [1, с. 172–209; 2, с. 17–74]. 4). Монографические труды Г.Ф. Миллера, С.П. Крашенинникова и Г.В. Стеллера [3; 4; 5].

СОБОЛИНЫЕ ЯСАЧНЫЕ ОКЛАДЫ, ИХ РАЗМЕРЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ ЭКВИВАЛЕНТОВ

Вопрос о том, насколько обременительными для коренных жителей Сибири были ясачные платежи, до сих пор является дискуссионным. Оценки обычно делаются применительно ко всей Сибири, хотя на самом деле практически в каждом уезде существовали свои нормы окладов и правила взимания ясака, которые нередко разительно отличались друг от друга. Мало того, в пределах одного и того же уезда ясачные оклады у разных этнических групп и родов могли различаться в разы в зависимости от возможностей плательщиков, особенностей подчинения отдельных народов русской власти, а также исходя из конкретной политической ситуации. Каких-либо жестких правил ясачного обложения, устанавливаемых центральными властями, до середины XVIII в. не существовало, и можно согласиться с Л.М. Дамешеком в том, что «на протяжении XVII – первой половины XVIII в. сбор подати с "ясачных иноземцев" никак не регламентировался и фактически был пущен на произвол местных властей» [6, с. 28].

Естественно было бы ожидать, что льготы при установлении ясачных окладов будут распространяться на те народы и роды, которые добровольно или без сопротивления покорились русской власти, а также на тех, кто был беден. Такие примеры действительно можно найти. В Томском уезде от ясачного плате-

[1] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 199. Портф. 481. Ч. 1–7.

[2] Там же. Ч. 5. Л. 131 об.–144.

[3] Там же. Портф. 507. Ч. 2; Портф. 521. Ч. 1–2; Портф. 522. Ч. 1–2.

жа были освобождены все чаты, эуштинцы и телеуты, которых в 1734 г. насчитывалось 410 чел., «способных к конной службе», из них только 73 действительно находились на службе [1, с. 80]. В Кузнецком уезде такое же положение занимали абинцы: «Их численность не превышает 30 семей, из которых 20 человек состоят на службе подобно русским казакам. А остальные вместо ежегодного ясака лишь иногда дают подводы, что отличает их от остальных татар с начала завоевания этих мест, поскольку они были первыми, кто добровольно подчинился русской власти» [2, с. 27–28]. В XVII в. в Якутском уезде размер ясака определялся преимущественно с учетом материальных возможностей: князцы и другие состоятельные якуты платили ясак в размере более 10 соболей; ясачные среднего достатка – от 5 до 10 соболей; беднейшие – по 5 соболей [7, с.159]. И все же это были редкие исключения. Наиболее высокие оклады установили в начале XVII в. для беднейшего ясачного населения – «остяков» (селькупов, хантов и кетов) Томского, Сургутского, Енисейского и Мангазейского уездов – по 10–12 соболей, к которым добавлялось по одному «поминочному» соболю.

Впрочем, мы не всегда можем быть уверены в том, что плательщиками ясака являлись все мужчины, которые могли заниматься промыслом. В XVII в. и даже в первой четверти XVIII в. нередко в оклад были положены только главы семей, зачастую весьма многочисленных, или даже только главы родов. Так, в 1718 г. у чулымских татар насчитывалось лишь 40 плательщиков ясака при мужском населении примерно в 500 чел. [8, с. 99]. После того как в число плательщиков включали всех взрослых мужчин, оклады, как правило, снижались. В 1653 г. к 14 ясачным зимовьям по Яне, Индигирке, Алазее, Колыме и Анадырю было приписано 215 ясачных, суммарный оклад с которых равнялся 2119 соболям. В 1700 г. плательщиков было уже 824, а оклад с них изменился незначительно (2310 соболей) [9, с. 380–381].

В научной литературе распространено мнение о том, что в XVII – первой половине XVIII в. ясачные платежи в Сибири осуществлялись почти исключительно в натуральной форме пушниной, преимущественно соболями, и ситуация кардинально изменилась лишь с 1763 г. после разрешения правительства Екатерины II принимать ясачную подать не только мехами, но и деньгами. Действительно, до середины XVIII в. ясачные оклады почти повсеместно определялись в соболях, однако ко второй четверти этого века соболь при уплате ясака в большинстве уездов был в определенной степени условной единицей, выполнявший ту же функцию, что и рубль. Трудности, с которыми сталкивается исследователь при определении реальных размеров ясачного платежа в том или ином регионе Сибири, часто связаны с неопределенностью соотношений соболь – рубль, соболь – лисица, соболь – белка и т.д., поскольку в разных уездах и даже волостях одного уезда эти соотношения могли существенно различаться.

Согласно ведомостям уездных канцелярий, эквивалент стоимости 1 соболя в белках равнялся в разных волостях Томского уезда 25, 30 и 40 шт., в Кузнецком уезде – 40, в Верхотурском, Тарском и Иркутском – 50, в Красноярском – 100 (буряты) и 50 (остальные ясачные), в Мангазейском и Енисейском – 100. 1 соболь в разных уездах по стоимости приравнивался к 5, 8, 10, 20 горностаям. Оценка стоимости бобров также сильно варьировала. Обычно одного бобра приравнивали к соболю, однако в некоторых случаях оценка производилась с учетом качества бобровых шкур: в Верхотурском уезде соболь оценивался в 50 коп., а бобр – в диапазоне от 65 до 95 коп. В Красноярском уезде бобр карий приравнивался к 2–3–4 соболям, рыжий– к 2–3 соболям, бобр-ярец (возрастом от года) – к 1–2 соболям, бобр-кошлок (бобренок, не достигший года) и бобровая черевезь (мех с брюшка) – к 1 соболю. Стоимость лисицы также обычно приравнивалась к 1 соболю, но в некоторых уездах существовали свои оценки в зависимости от качества меха: в Тарском уезде – от 50 коп. до 2 руб., в Красноярском уезде к 1 соболю приравнивались даже недолисы, белодушки оценивались в 1–2 соболя, а сиводушки в 2–4 соболя.

Оценки шкур крупных животных различались: стоимость шкуры рыси, росомахи, волка, медведя, благородного оленя (марала, изюбра) и лося повсеместно приравнивалась к 1 соболю (исключение составлял Енисейский уезд, где шкура лося приравнивалась к двум соболям). Лишь в Мангазейском и Березовском уездах в уплату принимали шкуры песцов, причем в Мангазейском уезде к 1 соболю приравнивались 10 песцов независимо от их качества, а в Березовском к стоимости соболя приравнивались 3 белых песца или 1 голубой. Енисейский уезд имел ту особенность, что здесь не принимали в уплату горностаев, но принимали зайцев, 100 шкурок которых (как и белки) приравнивались к 1 соболю.

Стоимость одних и тех же мехов одинакового качества могла устанавливаться различной даже в пределах уезда. Так, в Томском уезде ясачные волости чулымских татар были разделены на три категории: повсеместно соболь оценивался в 50 коп., но в одних волостях за соболя платили по 40 белок или 8 горностаев, в других – 30 белок или 6 горностаев, в третьих – 25 белок или 5 горностаев. По свидетельству Миллера, «данное различие употребительно со времени завоевания этих мест» [10, с. 83].

Уже в первой половине XVII в. во многих западносибирских уездах соболь был почти полностью истреблен, и ясачные были вынуждены уходить на его промысел в другие уезды. К примеру, остяки Кетского уезда в 1620–1630-е гг. отправлялись на охоту в Енисейский и Нарымский уезды, что вызывало конфликты с местными ясачными [8, с. 151]. В первой половине XVIII в. резко уменьшилось количество соболей в Восточной Сибири и на Северо-Востоке. Так, многие тунгусы центральных улусов Якутии для промысла соболей были вынуждены совершать длительные пу-

тешествия вплоть до бассейна Амура, в частности, на Зейские «покати» (притоки) и в горы Джакду, которые разделяли русские и китайские владения[4]. К концу первой половины XVII в. власти осознали невозможность взимать полные ясачные оклады во многих уездах и отдельных волостях не только соболями, но и вообще только пушниной. Перечень пушнины и других товаров, принимаемых в уплату ясака, очень велик: лисицы, бобры, горностаи, куницы, белки, шкуры выдр, росомах, рысей, волков, медведей, лосей, оленей; одежда и обувь (шубы, треухи и др.); лошади, крупный рогатый скот и верблюды в живом виде; моржовые клыки, серебро, куски камки и китайки[5], поступавшие из Китая, подбитые камусом лыжи, а также другие товары.

На первый взгляд, необычным кажется прием в уплату ясака луков – казалось бы, архаичного оружия для русских в то время. Однако этому есть объяснение: в XVII в. и даже в начале XVIII в. многие служилые не имели огнестрельного оружия, и им приходилось вооружаться копьями, саблями и луками. В некоторых документах можно встретить жалобы служилых на нехватку луков, которые в определенных ситуациях (дождливая погода, когда порох отсыревал; внезапная атака противника, когда не было времени для того, чтобы зарядить ружья) оказывались очень эффективным оружием. Так, П. Чириков, отряд которого во время похода в 1708 г. на Камчатку подвергся нападению коряков, написал в своей отписке в Якутск: «К такому воинскому делу надобно искусных и одежных куяшников, а без куяков[6] и без лушников в здешней стране однем огненным боем с ними, корякими, управливаться трудно…» [11, с. 247–248]. Хорошие сложносоставные дальнобойные луки оценивались очень дорого. В XVII – начале XVIII в. особенно ценились селькупские, тунгусские луки и луки монгольского образца с костяными или роговыми накладками. В Кузнецком уезде в XVII в. у «киргизских и самайских» ясачных при уплате ясака 1 лук по стоимости приравнивался к 5 соболям [9, с. 107].

В том же Кузнецком уезде до второй четверти XVIII в. ясачные большинства волостей и улусов, расположенных по рекам Кондома и Мраса, ясак платили железом, выплавленным в маленьких ручных печах. В «Описании Кузнецкого уезда…» Г.Ф. Миллер сообщает: «В Бешбояковой и Елейской волостях по Мрасе имеются различные улусы, которые почти исключительно от этого имеют себе пропитание, а по Кондоме все волости, исключая последнюю Карачерскую, занимаются этим ремеслом. Они издавна, с первого завоевания этих мест, уплачивали свой ясак выплавленным ими железом, что, однако, позднее переменилось, когда русские в Сибири сами начали использовать железную руду» [2, с. 31]. Во второй четверти XVIII в. выплавка железа сохранилась, но для уплаты ясака крицы выменивались на пушнину[7].

Выплавкой железа в XVII – XVIII вв. активно занимались и якуты, однако в источниках отсутствуют сведения о том, что уплата ими ясака железом была здесь широко распространена. Объясняется это тем, что среди якутов было немало искусных кузнецов, которые снабжали своими изделиями (охотничье и боевое оружие, предметы домашнего обихода) не только русских, но и многие народы Северо-Востока Сибири, что для якутов было гораздо более выгодным, нежели уплата ясака данными товарами. Миллер, к примеру, сообщает: «Юкагиры покупают у русских табак, большие кораллы[8], ножи, топоры, пальмы[9], котлы, огнива. Все это – якутской работы»[10].

В Мангазейском уезде особое положение занимали тавги (тавгийские самоеды – предки современных нганасан), которые в XVII в. платили ясак песцами, а в первой половине XVIII в. – только ровдугами (очищенными от шерсти и подкожной клетчатки и выделанными на замшу оленьими шкурами). Объясняется это, видимо, не столько тем, что в местах кочевий тавгов пушных зверей было мало, сколько большим спросом на «авамские» (по названию ясачного зимовья) ровдуги, считавшиеся лучшими в Сибири [9, с. 181; 3, с. 290].

Во второй четверти XVIII в. прием ясака только пушниной сохранился лишь в северных уездах, на средней Оби и на северо-востоке Сибири, причем лишь в Якутском уезде (включая Камчатку) доля соболей в ясачных сборах была весьма существенной. По данным Н.Ф. Емельянова, ясак, собранный в Томском уезде в 1734 г., состоял из следующих мехов и шкур: лисицы чернобурые – 9, лисицы черночеревые – 8, лисицы бурые – 3, лисицы крестовки – 2, лисицы сиводушки – 6, лисицы белодушки – 613, корсаки (степные лисицы) – 303, бобры чернокарие – 5, бобры рыжие – 5, лосиные шкуры – 176, росомахи – 7, волки – 16, рыси – 10, белки – 16 441, горностаи – 29 733. Соболей и недособолей было собрано всего 10, причем к этому времени томским ясачным было разрешено уплачивать ясак соболями без пупков (брюшек) и хвостов. [8, с. 154]. Большое количество принятых в уплату лосиных шкур (а их доля в ясаке в последующие десятилетия повышалась) объясняется их достаточно высокой оценкой, поскольку эти шкуры были очень востребованы, в том числе для изготовления армейской амуниции,

Постепенный переход на уплату ясака деньгами наиболее быстрыми темпами происходил в самых западных уездах Сибири, в которых местные власти первыми в 1730-х гг. решились на замену соболиных окладов денежными (Верхотурский, Тобольский, Тарский

[4] РГАДА. Ф. 199. Портф. 507. Ч. 2. Л. 79–79 об.

[5] Камка – шелковая ткань с разводами восточного происхождения; китайка – дешевая хлопчатобумажная набивная ткань различной расцветки.

[6] Куяк – пластинчато-нашивной доспех из железных или костяных пластин.

[7] РГАДА. Ф. 199. Портф. 521. Ч. 1. Л. 109–110.

[8] Кораллы (корольки) – бусины из стекляруса или кораллов.

[9] Пальма (откас) – массивный широкий и длинный нож с односторонним лезвием, насаженным на длинное древко; служил как колющее и рубящее охотничье и боевое оружие.

[10] РГАДА. Ф. 199. Портф. 509. Д. 3. Л. 71.

уезды), причем оклады эти были весьма умеренными – от 50 коп. до 3 руб., в среднем –около 1,5 руб. Во многих других уездах Западной и Восточной Сибири соболиные оклады сохранялись, однако в общих ясачных сборах уплата деньгами стала преобладающей.

В ведомостях Селенгинской и Нерчинской канцелярий, составленных в 1735 г., приводятся данные о сборе ясака в 1734 г. В Нерчинском уезде было 3 599 ясачных, собранный с них ясак состоял из 78 соболей, 207 рысей, 1141 лисиц, 68 росомах, 15 294 белок и 8 384 руб. 34 коп[11]. При этом в ведомости Нерчинской канцелярии утверждается, что представители почти всех ясачных родов, особенно тунгусских, ежегодно отправляются «для промыслу ясака» в отдаленные местности – в верховья рек Нерча, Куенга, Олекма, Тугир, Онон, Газимур, Чикой, Ингода, Уров, Борзя, Витим и др.[12] Если это утверждение соответствовало действительности, напрашивается вывод о том, что добытые меха ясачные предпочитали большей частью не сдавать в казну, а продавать частным торговцам и уплачивать ясак деньгами. Миллер, проанализировав данные о ясачных соболиных окладах и реальном сборе ясака в Нерчинском уезде, пришел к мнению: «Если все это подсчитать, чтобы узнать сумму годового нерчинского ясака, то она могла бы составить 7 521 (или 187 сороков и 32) соболей, которые должны были бы поступать ежегодно из Нерчинского уезда. Только золотые времена прежнего богатого соболиного промысла в Сибири прошли, и теперь нужно быть довольным, принимая от этих народов в качестве ясака вместо соболей всяческие меха: рысей, лисиц, белок» [1, с. 208–209]. В Селенгинском уезде насчитывалось 2 240 ясачных, с которых было собрано 3 064 руб. деньгами, 7 лисиц, 4 росомахи, 3 волка (и ни одного соболя!)[13]. Таким образом, в составе ясачного сбора деньги составили около 99,5 %.

От промысла пушных зверей для уплаты ясака начали отказываться ясачные и ряда других уездов. Это коснулось даже Якутского уезда, который в прежние времена славился соболиным промыслом и в котором власти по-прежнему заставляли платить ясак мехами. Свидетельства этому можно найти в полевом дневнике Миллера: «Якуты Борогонского улуса между Леной и Алданом в Култоке и в районе озера Муру кормятся большей частью сдачей внаем лошадей между Якутском и Верхоянском приказчикам и служилым, имеют также хорошее скотоводство. Но на промысел они не ходят, а соболей и лисиц, которыми они уплачивают ясак, приобретают за найм своих лошадей»; «Намский улус… Имеют мало скота и не ходят на соболиный промысел. Кормятся большей частью рыбной ловлей и работают, и приобретают этим свой ясак»; «сын боярский Федор Галкин был прикащиком Средневилюйского зимовья: ни тамошние тунгусы, ни якуты не ходят на соболиный промысел – покупают соболей в Якутске у русских или у других тунгусов и якутов»[14].

Во второй четверти XVIII в. в Нерчинском и Селенгинском уездах практически прекратились поступления в казну верблюдов, поскольку их рыночная стоимость резко возросла в связи с развитием караванной торговли после заключения Буринского (1727 г.) и Кяхтинского (1728 г.) договоров между Россией и Китаем. «Их очень выгодно продавать за границу монголам или китайцам, которые платят за верблюда от 60 до 70 рублей» (3, с. 131). Впрочем, во второй четверти XVIII в. в Забайкалье почти прекратилась и практика приема ясака лошадями и крупным рогатым скотом, которые в начале века оценивались в среднем по 2,5 соболя за голову [9, с. 333]. Вероятно, это связано с трудностями реализации на рынке указанных домашних животных в данном регионе

В редких случаях уездные власти могли дать разрешение на уплату ясака не пушниной или деньгами, а товарами, которые продавались из казны на рынке. Примером могут служить тунгусы, приписанные к Киренскому острогу Илимского уезда: на рубеже XVII и XVIII вв. они смогли добиться разрешения уплачивать ясак рыбой, поскольку на их территориях пушные звери были почти полностью истреблены. 5 пуд. стерлядей или тайменей приравнивались к 1 соболю; эта рыба, принятая в уплату ясака, продавалась затем по цене 25 коп. за пуд стерляди и по 21 коп. за пуд тайменей[15].

Существенные различия в размерах окладов нередко приводили к бегству ясачных в другие уезды, в частности, в Мангазейский. Побеги в Мангазейский уезд происходили еще в XVII в., как правило, из «остяцких» (селькупских и хантыйских) волостей в бассейне Оби. Например, в 1696 г. в этот уезд бежало 6 сургутских остяков, которым разрешили остаться и установили оклады, меньшие (по 3 соболя), чем у большинства остяков этого уезда; в Сургутском уезде оклад у беглых остяков составлял 10 соболей [9, с. 84, 148]. В первой половине XVIII в. основной поток беглецов (якуты, тунгусы, долганы) зафиксирован уже из Якутского уезда. Не всегда эти переходы заканчивались благополучно, поскольку местные ясачные не хотели делиться промысловыми угодьями с пришельцами. В полевом дневнике Миллер сообщает: «В 1707 г. многие тунгусы дезертировали от Верховилюя на Нижнюю Тунгуску, откуда некоторые в 1711 г. вернулись обратно, а остальные подверглись враждебному нападению туруханских казаков и тунгусов и были перебиты, а женщины и дети обращены в рабство»[16]. И все же большинству перебежчиков удавалось закрепиться на новом месте, поскольку уездные власти были заинтересованы в увеличении числа ясачных и устанавливали для них льготные оклады, а иногда даже соглашались на уплату воль-

[11] РГАДА. Ф. 199. Портф. 481. Ч. 7. Л. 127.
[12] Там же. Л. 91 об.–96.
[13] Там же. Л. 48.
[14] Там же. Портф. 507. Ч. 2. Л. 136, 169 об.
[15] Там же. Портф. 521. Ч. 1. Л. 285 об.
[16] Там же. Портф. 507. Ч. 2. Л. 97 об.

ного неокладного ясака. Примером могут служить якуты и долганы на Хатанге, перешедшие сюда в начале XVIII в. и в 1731 г. соответственно: «Хантайские и мангазейские самоеды и якуты на Хатанге платят по одной голове, то есть по одному соболю или вместо него по 1 лисице, 1 волку, 1 росомахе, 10 песцов, 20 горностаев, 100 белок. Долганы также положены в такой ясак, и они говорят, что в Якутском уезде ясак очень тяжелый и поэтому они убежали и им последовало бы еще гораздо больше людей, если бы они услышали, что ясак в Мангазейском уезде так легок»[17]. Для сравнения самым высоким был оклад новокрещеных остяков в Мангазейском уезде – 5 соболей для взрослых и до 4 для подростков, что служило причиной их жалоб как на размер ясака, так и на злоупотребления ясачных сборщиков. Енисейская провинциальная канцелярия в ответ на эти жалобы в 1728 г. передала волость Старо-Инбацкого зимовья в ведение Енисейского уезда и значительно снизила для ясачных этого зимовья оклады[18].

Практика твердой оценки ясачной пушнины в деньгах приводила к тому, что в казну поступали преимущественно лишь шкурки невысокого качества, а стоимость ценных мехов при уплате ясака занижалась. Г.Ф. Миллер писал по этому поводу: «Обычай, по которому эквивалент соболям принимается также и в деньгах, причиняет большой ущерб государственной казне, так как реальная стоимость соболей и большинства других мехов всегда гораздо выше той цены, по которой они обычно принимаются в казну. А в случае с соболями особенно употребительно то, что даже если их цена составляет 10 или более рублей, они, тем не менее, считаются не более, чем по 1 рублю. Отсюда происходит то, что большая и лучшая часть мехов попадает в частные руки и к купцам, а государственная казна должна довольствоваться твердо установленным плохим эквивалентом» [2, с. 69]. К этому можно добавить, что так называемые «парные соболи» (две абсолютно одинаковые по размеру, окрасу и другим параметрам шкурки высочайшего качества) могли стоить на рынке многие десятки рублей. Несмотря на строжайшие запреты, ясачные сборщики нередко заменяли взятые в уплату ясака соболи высокого качества на менее ценные.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРИ СБОРЕ ЯСАКА

Злоупотребления служилых при сборе ясака, как показывают источники, неуклонно возрастали с запада на восток Сибири. Этому, по нашему мнению, способствовали несколько причин. Главная из них – это удаленность уездов от губернских и провинциальных властей, осуществлявших контроль над уездными властями. Наиболее вопиющей была практика ясачного сбора на Камчатке, открытой во время похода отряда В.В. Атласова на полуостров в 1697–1699 гг. Для камчадалов (ительменов) ясачные оклады были установлены только в начале XVIII в., и они были одними из самых низких в Сибири: 1 шкурка соболя, лисицы или бобра. Тем не менее ясачный гнет на Камчатке был, пожалуй, в Сибири самым тяжелым. С.П. Крашенинников, говоря о доходах камчатских казаков в предшествующее время (до начала 1730-х гг.), отмечает, что на втором месте после грабежей во время карательных походов (обычно под надуманным предлогом) стояли злоупотребления при сборе ясака: «От ясашного збору, при котором каждому рядовому казаку по нескольку мяхкой рухляди доставалось на пай, ибо каждой камчадал кроме ясаку должен был дать им по четыре лисицы или соболя, одного зверя зборщику, другого подьячему, третьего толмачу, четвертого на рядовых казаков; а такие излишние поборы назывались у них чащинами, а в Якутске беляком[19]» [4, с. 507].

Практику сбора ясака с ительменов детально описал и Г.В. Стеллер, наблюдения которого дополняют сведения Крашенинникова. Описав сбор ясака и «чещины», Стеллер добавляет: «Однако этим дело не ограничивалось: представляемые лисицы и соболя браковались под предлогом негодности для принятия их в казну, а четыре соболя превращались в восемь или, при случае, в десять» [5, с. 137]. Еще одним способом ограбления ительменов при сборе ясака было насильственное «дарение» какой-либо мелочи (золотник табака, нож и т.п.), за которые устанавливалась произвольная цена в соболях или лисицах. У тех, кто был не в состоянии вовремя расплатиться, долг возрастал и вместо 2 соболей ительмен был должен уже 10, 12 и более соболей. Тогда у должника отнимали и превращали в рабов жен, сыновей и дочерей: «У каждого казака было по меньшей мере 15–20 рабов, а у некоторых даже от 50 до 60» [5, с. 138]. Сбор ясака был весьма выгоден: ведь для того чтобы попасть в отряд, сопровождавший сборщика в качестве телохранителей, нужно было купить назначение на эту должность у приказчика за 40 соболей [5, с. 137].

О масштабах злоупотреблений на Камчатке свидетельствует такой факт: казачий пятидесятник, приказчик А. Петриловский прибыл на Камчатку в июле 1715 г. и уже на следующий год был смещен с должности взбунтовавшимися казаками. За это короткое время Петриловский сумел нажить колоссальное состояние, конфискованное служилыми и переданное в казну. Оно состояло из 30 собольих и лисьих шуб, 5 672 соболей, а также около 1 500 лисиц красных, 250 сиводушек, 300 бобров, 250 выдр и другого имущества[20]. По оценке С.П. Крашенинникова, конфискованное у Петриловского по стоимости превосходило двухгодовой ясачный сбор со всей Камчатки [4, с. 490].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные материалы Второй Камчатской экспедиции позволяют сделать следующие выводы.

[17] РГАДА. Ф. 199. Портф. 507. Ч. 2. Л. 309.
[18] Там же. Портф. 521. Ч. 1. Л. 148.
[19] Чащина (чещина), беляк, поминки – дар государю.
[20] РГАДА. Ф. 199. Портф. 507. Ч. 2. Л. 145–145 об.

На протяжении XVII – первой половины XVIII в. размеры ясачных окладов не были регламентированы центральными властями и определялись по усмотрению уездных властей. В каждом уезде вводились свои эквиваленты соболям в других мехах, причем различия в оценках стоимости этих мехов были очень существенными – нередко в 2–4 раза. Изменения размеров окладов в сторону их уменьшения объясняются не заботой о благополучии плательщиков, а переходом от обложения ясаком глав семей или родов к поголовному учету всех взрослых мужчин, способных заниматься пушным промыслом. Ясачные сборы в целом по волостям, улусам, землицам и ясачным зимовьям изменялись, как правило, вследствие уменьшения или увеличения ясачного населения. Во второй четверти XVIII в., как и прежде, размеры ясачных окладов определялись в соболях, что являлось анахронизмом, поскольку почти во всех сибирских уездах соболи составляли незначительную часть ясачных сборов, да и доля других мехов в ясаке неуклонно уменьшалась и преобладающей становится уплата ясака деньгами. Злоупотребления служилых при сборе ясака существовали по всей Сибири, но наиболее ярко они проявлялись в удаленных от уездных и провинциальных центров местностях, особенно на Северо-Востоке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Элерт А.Х.* Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990. 246 с.

2. Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 2006. 310 с.

3. *Миллер Г.Ф.* Описание сибирских народов. М., 2009. 453 с.

4. *Крашенинников С.П.* Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949. 841 с.

5. *Стеллер Г.В.* Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1999. 287 с.

6. *Дамешек Л.М.* Ясачный режим в Сибири в XVII – начале XX века // Якутия – форпост освоения Северо-Востока Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки (XVII – XX века). Якутск, 2004. С. 28–35.

7. *Рубинштейн Т.Г.* Материалы ясачного сбора о внутренней структуре якутского общества в XVII в. // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. Новосибирск, 1991. С. 148–159.

8. *Емельянов Н.Ф.* Ясак и национальная политика царизма в феодальную эпоху по материалам Среднего Приобья // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979. С. 150–169.

9. *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. / М, 1960. Т. 55. 623 с. (Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Нов. сер.; Т. LV.)

10. *Элерт А.Х.* Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1988. С.59–101.

11. *Элерт А.Х.* Новые материалы по истории русско-корякских отношений в первой четверти XVIII в. // Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск, 1996. С. 247–265

REFERENCES

1. *Elert A. Ch*. Expedition materials of G. F. Müller as sources to study history of Siberia. Novosibirsk, 1990, 246 p. (In Russ.)

2. *Elert A. Ch*. Siberia of the XVIII century in the travelogue of G. F. Müller. Novosibirsk, 2006, 310 p. (In Russ.)

3. *Müller G. F*. Description of the Siberian peoples. Moscow, 2009. 453 p. (In Russ.)

4. *Krasheninnikov S. P*. Description of the Land of Kamchatka. Moscow, Leningrad, 1949, 841 p. (In Russ.)

5. Steller G. W. Description of the Land of Kamchatka. Petropavlovsk-Kamchatsky, 1999, 287 p. (In Russ.)

6. *Dameshek L. M*. Yasak tribute in Siberia in the XVII – early XX centuries. *Yakutiya – forpost osvoyeniya Severo-Vostoka Sibiri, Dal'nego Vostoka i Russkoy Ameriki* (XVII–XX veka). Yakutsk, 2004, pp. 28–35. (In Russ.)

7. *Rubinstein T. G*. Materials of yasak tribute's collection on the internal structure of Yakut society in the XVII century. *Istochniki po istorii obshchestvennogo soznaniya i literatury perioda feodalizma.* Novosibirsk, 1991, pp. 148–159. (In Russ.)

8. *Emelyanov N. F*. Yasak and the tsarist national policy in the feudal era based on the materials of the Middle Ob region. *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Sibiri.* Tomsk, 1979, pp. 150–169. (In Russ.)

9. *Dolgikh B. O*. The clan and tribal structure of the Siberian people in the XVII century. Moscow, 1960, 623 p. (Proceedings of N. N. Mikloukho-Maklay Institute of Ethnography. New series; vol. 55). (In Russ.)

10. *Elert A. Ch*. Historical and geographical description of the Tomsk district by G. F. Müller (1734). *Istochniki po istorii Sibiri dosovetskogo perioda.* Novosibirsk, 1988, pp. 59–101. (In Russ.)

11. *Elert A. Ch*. New materials on the history of Russian-Koryak relations in the first quarter of the XVIII century. *Russkoe obshchestvo i literatura pozdnego feodalizma.* Novosibirsk, 1996, pp. 247–265. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.09.2020
Дата рецензирования 06.09.2020
Статья принята к публикации 12.10.2020

DOI: 10.15372/HSS20200407
УДК 930+94(47)″1825.12.14″

Е.Н. ТУМАНИК

РОЛЬ МЕМУАРНОГО НАСЛЕДИЯ ДЕКАБРИСТОВ В НАУЧНОЙ КОНЦЕПЦИИ Г.П. ШАТРОВОЙ

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Статья посвящена научной концепции и вкладу в изучение движения декабристов видного исследователя середины XX в. Г.П. Шатровой. Особое внимание уделяется роли мемуарных источников в научном анализе ученого, значению мемуарного наследия в выработке ее концепции декабризма, влиянию эго-документов на разработку таких важнейших направлений декабристоведения, как декабристы в Сибири, эволюция декабризма в период после восстания, декабристская биографика, а также история Общества соединенных славян, просветительский характер которого Г.П. Шатрова доказала именно на базе мемуаристики. Показан метод использования Г.П. Шатровой мемуарного наследия декабристов как одного из приоритетных источников для характеристики декабристской идеологии и движения в целом, создания научной биографии.

Ключевые слова: декабристоведение, историография, Г.П. Шатрова, мемуаристика, движение декабристов, Общество соединенных славян, декабристы в Сибири

E.N. TUMANIK

THE ROLE OF THE DECEMBRISTS MEMOIR HERITAGE IN G.P. SHATROVA'S SCIENTIFIC CONCEPT

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation.

The article focuses on the historical concept and contribution to the Decembrist movement studies by G. P. Shatrova, a prominent researcher of the mid-XX century. Special attention is paid to the role of memoir sources in the scientific analysis carried out by the scholar, to the significance of memoir heritage in elaborating the Decembrism concept by Shatrova, and effect of ego-documents on the development of such important trends of the Decembrist studies as: the Decembrists in Siberia, the Decembrism's evolution during the period after the uprising, Decembrist biographies, as well as the history of United Slavs Society. Shatrova proved the enlightening character of this secret society exactly based on the memoirs. She laid down the main scientific approaches to the analysis of Decembrist memoirs as the most important basis to study Decembrists. Shatrova's works are imbued with references to memoirs, making the story of the Decembrist movement personalized, lively and compelling as presented by the author. The principle of working with sources and their selection by G.P. Shatrova lies in the fact that it is the memoir heritage that is taken as a basis, and the materials of office work and investigation play a subordinate role. When characterising the Siberian period of Decembrism, memoirs become nearly the main source for the scholar, and this approach to the source base brings its positive results. Shatrova successfully investigated the problem of the Decembrist uprising's defeat and its lessons on the basis of memoirs. Shatrova used the Decembrists' memoirs especially wide in her historical and biographical works. In her study on D. I. Zavalishin, Shatrova brilliantly solved the difficult task of criticizing the Decembrist's memoirs, which made it possible to involve them in the research. Shatrova clarified the important issue of the "Notes" authorship by I .I. Gorbachevsky. This article traces Shatrova's vision of memoirs, her interpretation and application of them to crate the ideas. It shows Shatrova's method of using the Decembrists' memoir heritage as the priority source to characterize the Decembrist ideology and movement as a whole, and to create a scientific biography.

Key words: Decembrist studies, historiography, G. P. Shatrova, memoirs, Decembrist movement, United Slavs Society, Decembrists in Siberia.

Екатерина Николаевна Туманик – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: kattum@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8055-4809

Ekaterina N. Tumanik – Candidate of Historical Sciences, Institute of History SB RAS.

© Туманик Е.Н., 2020

ВВЕДЕНИЕ

Галина Петровна Шатрова является одним из виднейших историков-декабристоведов середины – второй половины XX в. В центре ее внимания находилась сибирская история декабризма, но как крупный ученый, она всегда оценивала движение в целом, не разрывая его ни хронологически, ни территориально. Она создала цельную концепцию движения декабристов, отличную, как это ни парадоксально звучит для того времени, от классического марксистко-ленинского подхода, заложила в проблематике изучения декабризма основы биографического исследования с глубоким персонологическим подтекстом. Одной из первых среди ученых-декабристоведов Г.П. Шатрова поняла, что в изучении этой темы необходим историко-биографический план, а выйти на объективное рассмотрение общих сложнейших вопросов истории и эволюции декабризма можно только через тщательное, внимательное и подробное биографическое изыскание. С середины 1960-х гг. Г.П. Шатрова на долгое время становится одной из ведущих фигур в декабристоведении, наметив пути дальнейшей разработки темы в своей основной монографии «Декабристы и Сибирь» [1]. Галина Петровна активно сочетала в научном поиске проблемы общего характера, например, важнейший вопрос об эволюции декабризма, посвящая ему как отдельные публикации, так и биографические исследования. В таком подходе заключается один из главных традиционных принципов сибирского декабристоведения, заложенный еще М.К. Азадовским, когда, казалось бы, узкое биографическое исследование выходит на широчайшую проблематику и позволяет решать важные задачи, которые были бы не видны при использовании обобщенного подхода к теме.

Со второй половины 1960-х гг. научная биография становится одним из инструментов исследовательского анализа декабризма, в том числе в плане изучения сибирского периода. Еще в начале своей научной карьеры Г.П. Шатрова проявила интерес к биографическому жанру – в соавторстве с А.П. Бородавкиным ею была написана работа о Г.С. Батенькове [2]. Позже Г.П. Шатровой были созданы две блестящие биографические работы – об И.И. Горбачевском и Д.И. Завалишине – фигурах непростых, но выбранных удачно в эпоху господства концепции эволюции декабризма исключительно в сторону революционного демократизма. Г.П. Шатрова не была ни ее приверженцем, ни сторонником взгляда на движение декабристов как от начала до конца революционное движение [3, с. 7, 21]. Возможно, именно на основе только такого методологического и концептуального подхода и можно было создать полноценные, глубокие и объективные работы об этих декабристах. Важно, что основополагающая для Г.П. Шатровой, магистральная для ее научного творчества проблема эволюции декабризма слилась с биографическим жанром в ее монографиях о Завалишине и Горбачевском. Таким образом, на примере столь непростых фигур в движении декабристов и общественной жизни России середины XIX в. было убедительно показано, как через биографическое исследование можно успешно решать общие проблемы декабристоведения.

МЕМУАРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДЕКАБРИСТОВ В ПОСТРОЕНИИ ОБЩЕЙ КОНЦЕПЦИИ ДЕКАБРИЗМА

Г.П. Шатрова начала свой путь в науке с обобщающей проблематики по истории декабристов, к которой тяготела с самого начала своей научно-творческой деятельности, чему и были посвящены ее кандидатская диссертация и ряд публикаций рубежа 1950-х–1960-х гг. Тематика затрагивала основополагающие вопросы декабристоведения, такие как анализ опыта вооруженного восстания 14 декабря, крестьянский вопрос в мировоззрении декабристов, их программа преобразования Сибири [4, 5, 6, 7]. Уже тогда ею впервые был поставлен вопрос об эволюции декабризма – магистральный для научных исследований Галины Петровны, тот самый, который активно разрабатывался ею на протяжении всей жизни [8].

В монографии «Декабристы и Сибирь» (Томск, 1962 г.), написанной на базе диссертационной работы, представлен широкий спектр общественно-политических и социально-экономических взглядов декабристов в сибирский период [1]. Г.П. Шатрова придерживается позиции В.В. Пугачева и С.С. Ланды о существовании двух течений в декабризме – либерально-просветительского и революционного. В Сибири часть декабристов пришла к концепции мирного просветительства, в их числе были и религиозно настроенные декабристы, считавшие, что нравственное самоусовершенствование, распространение этических норм способствуют воспитанию чувств гражданственности и достоинства. Другая часть декабристов стояла на более радикальных позициях всесословного социального протеста, но и они решение проблемы видели чисто в просветительском духе; эту группу Г.П. Шатрова трактует как «революционных просветителей». В вышедшей в 1977 г. статье Галина Петровна на базе своих многолетних изысканий определила уже три направления в эволюции декабризма в период после восстания, в рамках которых развивалась деятельность представителей движения вплоть до пореформенного периода. Для одних это было направление, «близкое революционно-демократическому» (И.И. Горбачевский), для других оказались приемлемы «старые традиции мирного просветительства» (Д.И. Завалишин), для третьих – «дух либерализма» (А.И. Беляев). Показательно, что Галина Петровна не разрывает движение декабристов на потоки, подчеркивая, что оно все равно оставалось единым – это «было обусловлено общим процессом консолидации революционно-демократического и либерального лагерей» [9, с. 34–35]. Таким образом, она удачно вписывает свою концепцию в рамки господствовавшего тогда в советской историографии взгля-

да «на движение декабристов как единое, несмотря на наличие в нем течений» [3, с. 7].

Уже в монографии «Декабристы и Сибирь» Г.П. Шатрова широко и уверенно использовала декабристскую мемуаристику, увидев в ней, пожалуй, один из основных источников для характеристики декабристской идеологии и движения в целом. Критикуя концепцию В.Н. Соколова, автора монографии «Декабристы в Сибири», вышедшей в 1946 г., Г.П. Шатрова, особо отметила «предвзятый и некритический подход к мемуарному наследству декабристов», что и привело «автора к неверному, извращающему историческую действительность, изображению жизни и деятельности декабристов в Сибири» [1, с. 5]. В монографии Галины Петровны были заложены основные научные подходы к анализу мемуаров декабристов как важнейшей основы для построения концепции декабризма. Работа пронизана ссылками на мемуаристику, благодаря чему история движения в подаче автора выглядит персонифицированной, живой и убедительной. Избегая, собственно, критики источников, для нас важно выяснить и проследить, как Галина Петровна интерпретировала и использовала мемуары декабристов в построении своих идей.

При характеристике подготовки и хода восстания, следствия и суда Г.П. Шатрова, помимо общепринятого обращения к материалам процесса декабристов, активно привлекает эго-документы, прежде всего, воспоминания, что придает логическую завершенность ее концепции, расширяет и одушевляет ее. Речь идет в первую очередь о мемуарном наследии И.Д. Якушкина, братьев Бестужевых, А.П. Беляева, А.В. Поджио, А.Е Розена. Сопоставляя мемуаристику и следственные материалы, О.В. Эдельман особо подчеркнула, что такой подход расширяет возможности исследования, «создает некую стереоскопичность видения» [10, с. 23]. Важно, что воспоминания были осмыслением их авторами своего пути в тайном обществе, своей роли в движении декабристов, стали результатом, по мнению О.В. Эдельман, коллективного декабристского предания [11].

Касаясь вопроса о расстановке сил накануне восстания 14 декабря, в дополнение к судебно-следственным документам Г.П. Шатрова привлекает «Записки» И.Д. Якушкина, вопрос об агитации среди солдат освещает на базе воспоминаний братьев Бестужевых. Анализируя факты, она делает важный вывод, что «в самый канун восстания декабристы <…> начали отступать от тактики военной революции» [1, с. 20].

О переоценке и новом осмыслении ценностей тайного общества во время заключения и суда, психологических переживаниях, поведении как подследственных, так и следователей Г.П. Шатрова пишет, базируясь на мемуарном наследии А.П. Беляева, А.В. Розена и особенно А.В. Поджио, выделяя последнее, пожалуй, в качестве основного эго-источника. Важным для Галины Петровны стало убеждение Поджио в верности идеалам тайного общества, сформировавшееся практически в день исполнения приговора: «С этой поры мы обновились новыми силами… <…> Наши верования не ослабнут, а окрепнут, и мы останемся верными себе и той России, которая нас так же громко отвергла, как тихо и забыла!» [12, с. 99]. Этой цитатой Г.П. Шатрова подкрепляет свое утверждение, что «в день казни для многих декабристов кончился тот политический кризис, в котором они оказались после поражения восстания» [1, с. 26].

В характеристике сибирского периода декабризма в силу поднимаемых вопросов мемуаристика временами становится практически основным источником для автора, и, нельзя не признать, что такой, казалось бы, достаточно смелый подход к источниковой базе приносит свои результаты. Галина Петровна особо выделяет сюжет о встрече декабристов с Сибирью и сибиряками, придавая ему важное идейное значение, знаменующее «рождение надежды» на «политическое существование за пределами политической смерти», подкрепляя свой вывод обращением к воспоминаниям И.Д. Якушкина и В.И. Штейнгейля [1, с. 26]. Конечно же, именно на базе мемуаристики Г.П. Шатрова исследует важную проблему о причинах поражения восстания и его уроках. Пожалуй, именно для раскрытия этой темы декабристские воспоминания являются самым благодатным источником, ведь, как известно, побудительной причиной и целью написания многих из них были как раз попытки осмысления и характеристики пути тайных обществ. «Декабристы создали некую общую версию событий, в которой воспоминания сплавились со стремлением оправдать себя и товарищей, выяснить истину, противопоставить официальной пропаганде свое знание о сущности декабризма», – отмечает О.В. Эдельман [10, с. 23]. Базируясь на свидетельстве М.А. Бестужева, Галина Петровна подчеркивает, что «осознание уроков восстания происходило в казематах», когда рассказам о заключении, следствии, обвинениям, объяснениям, спорам и прениям не было конца», и делает важное замечание для определения важнейшего принципа всей декабристской мемуаристики: «Та характеристика, которая дана была в каземате, нашла свое отражение в воспоминаниях <…>, написанных на поселении или после амнистии» [1, с. 33]. Галина Петровна намечает общие черты процесса развития тайных обществ и выделяет причины поражения восстания, главная из которых – отсутствие опоры на народные массы (по воспоминаниям Д.И. Завалишина, А.В. Поджио и А.Е. Розена, где присутствует критика тактики военной революции) [1, с. 34–37]. При этом практически на базе тех же воспоминаний она подчеркивает опасение и боязнь привлечения народа к восстанию (Д.И. Завалишин, А.В. Поджио, «Записки» И.И. Горбачевского) [1, с. 38–39]. Из тактических ошибок декабристов Г.П. Шатрова выделяет человеческий фактор, связанный с нерешительностью руководителей вооруженных выступлений и отсутствием четких планов (А.Е. Розен, «Записки» И.И. Горбачевского), ложной тактикой ожидания («Записки» И.И. Горбачевского), а также отмечает упущенные возможности по взятию, например, Петропавловской

крепости с целью «превращения ее в опорный пункт восстания» (Д.И. Завалишин) и привлечения на свою сторону правительственных войск, захвата пушек (И.Д. Якушкин, Д.И. Завалишин) [1, с. 39].

Процесс эволюции движения в целом и мировоззрения отдельных декабристов после восстания она рассматривает в ракурсе либо приближения к народу и идее народной революции, либо отдаления от нее, как это было принято в рамках методологии того времени. Но на базе этого подхода Г.П. Шатрова намечает несколько типов эволюции декабризма в период после восстания, что было не характерно для начала 1960-х гг. Часть декабристов «искала спасения в религии», «и их общественно-политические взгляды» менялись «в сторону все большей умеренности». Здесь Г.П. Шатрова цитирует воспоминания А.П. Беляева, где говорится, что таких была «большая часть» [1, с. 50]. Другая часть декабристов «осталась верной освободительным идеям» и «пошла по линии преодоления дворянской ограниченности», в их числе Г.П. Шатрова называет И.Д. Якушкина, братьев Бестужевых, С.Г. Волконского и др. Далее Г.П. Шатрова доказывает, что движение декабристов не погибло, а продолжилось в новой форме: «И этим “общим делом” всех декабристов в Сибири <…> было просветительство» [1, с. 60]. Подчеркнем, что она говорит обо всех декабристах, не разделяя их по взглядам. На основании «Воспоминаний» Е.П. Оболенского Г.П. Шатрова выдвигает идею, что «в основу сибирской программы деятельности декабристов, но с учетом исторических особенностей Сибири и тех уроков, которые они извлекли из поражения восстания», легла просветительская программа Союза благоденствия, на основании чего применительно к декабристам даже использует понятие «дворянские просветители» [1, с. 82, 126].

ДЕКАБРИСТСКАЯ МЕМУАРИСТИКА И БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Наиболее полную разработку и точное изложение своей концепции декабризма Г.П. Шатрова представила в биографических работах о Д.И. Завалишине и И.И. Горбачевском, ставших в определенном смысле венцом ее научного творчества. По мнению коллег, в этих работах Галина Петровна «выступает как сложившийся мастер жанра исторической биографии, удачно сочетая внимание к биографическим деталям с постановкой широких проблем идейной истории декабризма» [13, с. 69]. В своих исследованиях она создает два во многом не совпадающих образа: Горбачевского, приверженца идеи революционного просветительства, мировоззрение которого претерпело эволюцию в направлении, близком революционно-демократическому [14, с. 195; 9, с. 31–35]; и Завалишина – декабриста с крайне сложным изменчивым мировоззрением и характером, стоявшего на позициях мирного просветительства с элементами идей раннехристианского равенства и «консерватизма морально-социологической концепции», а порой сближавшегося с либерализмом [15, с. 170–171]. И здесь, рассматривая эволюцию декабризма в сибирский период, Г.П. Шатрова, чтобы понять ее истоки, обратилась через биографический путь к исследованию начального этапа декабризма – периоду до восстания.

В биографических изысканиях Г.П. Шатрова, конечно же, особенно широко использовала декабристскую мемуаристику – благо, Д.И. Завалишин оставил содержательные воспоминания, в декабристском наследии есть и мемуары, приписываемые перу И.И. Горбачевского. И здесь возникает интригующая сложность: мемуары Завалишина как источник требуют максимальной критики и перепроверки, вдумчивого анализа и постоянной экспертизы на предмет достоверности. Содержательно и литературно воспоминания необычайно привлекательны для читателя, они убеждают и «обволакивают», но историк не должен доверять им в полной мере, иначе очень легко пойти на поводу у мемуариста и потерять объективность в оценке событий и явлений.

В работе о Д.И. Завалишине Г.П. Шатрова взялась за непростые задачи критики этого крайне сложного источника и привлечения его к исследованию, и блестяще справилась с ними. Галина Петровна впервые в историографии подробно реконструировала историю Ордена восстановления, сблизив его с Союзом благоденствия, а на европейском уровне – с Орденом иллюминатов и Тугендбундом, придя к выводу, что «Орден восстановления являлся мирной просветительской организацией, хотя и конспиративной». При этом ее обращение к мемуарному наследию самого основателя этого тайного общества было крайне осторожным и совершенно не доверительным (например, она особо подчеркивает, что в «Записках декабриста» Д.И. Завалишин исказил содержание своих писем к Александру I, поэтому при их разборе доверяет больше материалам следствия) [15, с. 11, 68–69, 179, 181].

Интересно, что, решая вопрос о радикализации Ордена восстановления ближе к восстанию 14 декабря (а в рамках концепции декабризма, принятой советской исторической школой, он должен был быть решен только положительно), Галина Петровна рассматривает проблему в ракурсе существования организации параллельно с Северным обществом, крайне запутанных перспективах сближения с ним, а в качестве эпиграфа к соответствующей главе помещает многозначительную цитату из «Записок декабриста» Д.И. Завалишина: «Я пока с вами, но не ваш» [15, с. 44]. Вывод она делает следующий, как бы приглашая к рассуждению о том, насколько он однозначен: «Следственный комитет квалифицировал Орден восстановления как революционную организацию <…> “как средство к ниспровержению в России самодержавия”» [15, с. 61]. Говоря о мировоззрении Д.И. Завалишина, она все-таки пишет, что «в середине 20-х годов» он поднялся до идеалов дворянского революционера», но спустя десять лет уже отверг «революционные средства борьбы, как противоречащие христианской вере», не верил и «в революционные силы

народа» и вполне вписался «в одно из направлений просветительства 30-х годов» [15, с. 169].

«ЗАПИСКИ» И.И. ГОРБАЧЕВСКОГО КАК ИСТОЧНИК К ИСТОРИИ ОБЩЕСТВА СОЕДИНЕННЫХ СЛАВЯН

Но если фигура Д.И. Завалишина с его Орденом восстановления стоит в движении декабристов несколько особняком, то при исследовании биографии И.И. Горбачевского у Галины Петровны была возможность выстроить свою версию истории и идеологии Общества соединенных славян, представить его роль в движении декабристов. В связи с этим правомерно выяснить, насколько идеи авторов мемуаров, в частности «Записок» И.И. Горбачевского, были использованы в исторической концепции ученого, насколько полно в ней отразились и насколько на нее повлияли. Необходимо также проследить, насколько соответствуют история и идеология «славян», отраженные в «Записках» И.И. Горбачевского, видению и трактовкам самой Г.П. Шатровой.

Книга о члене общества Соединенных славян И.И. Горбачевском вышла в 1973 г. Интерес к фигуре этого декабриста Г.П. Шатрова объясняет активной эволюцией его мировоззрения именно в сибирский период вплоть до 1860-х гг., а также не менее активной общественной деятельностью этого декабриста, в то время как ранее его взгляды отличались незрелостью вплоть до отказа «от программы и тактики тайного общества» во время следствия: «Пройдя школу демократизма – казематы и ссылку, Горбачевский по радикализму и демократизму во взглядах и деятельности в 60-х годах приближается к выступившему в те годы на политическом поприще новому революционному поколению» [14, с. 4, 58]. Актуальность исследованию придавало и то обстоятельство, что Галине Петровне как биографу И.И. Горбачевского предстояло осветить важнейший вопрос в декабристском источниковедении – об авторстве приписываемых ему «Записок».

«Записки» И.И. Горбачевского были созданы в сибирский период, по выражению Г.П. Шатровой, не только как «свой взгляд» «на ошибки движения» [14, с. 51], но и как собственная версия событий и хода развития тайного общества. В «Записках» изложена оригинальная концепция истории становления и развития Общества соединенных славян, которую Галина Петровна подвергает критическому разбору, поднимая при этом вопрос о том, чьему перу принадлежат «Записки». Она не считает Горбачевского единственным автором «Записок», относя их создание к периоду заключения в Петровском Заводе, когда, наконец, все «славяне» собрались вместе и наконец-то «сформулировали» «основные положения» своей «историко-политической концепции» [14, с. 75]. Как отмечает Н.П. Матханова, «в казематском сообществе произошли превращение индивидуальной памяти в социальную, идентифицирующую группу, выработка “коллективной истории” – той общей версии прошлого, условной схемы, общей идеи, которая состояла из образов событий» [16, с. 160]. «Записки Горбачевского» можно считать одним из частных образцов этой «коллективной истории», в данном случае ставшей даже коллективным творчеством.

В монографии «Декабристы и Сибирь» Г.П. Шатрова, основываясь на мнении М.В. Нечкиной, называет автором воспоминаний П.И. Борисова. В монографии о Горбачевском она приходит к мнению, что «Записки» составлены «на основе коллективных воспоминаний и литературно обработаны одним автором», а И.И. Горбачевский принял активное участие «в этой коллективной работе». Главным аргументом против авторства Горбачевского Г.П. Шатрова считает то, что «его взгляды по проблемам декабризма расходились с большей частью “славян” и наиболее полно были высказаны в 50-х–60-х годах, когда он находился на поселении» [14, с. 75]. Реконструируя эти взгляды и сравнивая с «Записками», Галина Петровна находит здесь мало соответствий. Тем не менее, это не помешало ей опираться на данные мемуары как на важный источник для создания биографии декабриста.

Во введении к монографии об И.И. Горбачевском она сразу же заявила о «несостоятельности» «утверждения, что якобы “славяне” были сторонниками народной революции», тем самым предваряя свое концептуальное видение истории движения декабристов [14, с. 9]. Наконец, в историографии начала 1970-х гг., по мнению Г.П. Шатровой, назрела необходимость «на основе новых документальных данных» преодолеть некоторые стереотипы в истории «славян». Важно, что здесь автор выступает против господствовавшей в то время концепции М.В. Нечкиной, подробно исследовавшей этот вопрос. Г.П. Шатрова считает неверным тезис, неправомерно развитый в том числе и на базе «Записок», что «Общество соединенных славян ушло вперед по сравнению с Южным обществом как в демократизме, так и в тактических установках, и что восстание Черниговского полка было делом рук соединенных славян» [14, с. 6]. Напомним, что М.В. Нечкина характеризует «славян» радикальным образом и решительно выступает против трактовки их как просветителей: «Республиканский идеал, отношение к народу как к активной силе борьбы, цель демократического всеславянского объединения, протест против крепостного права, решение “обнажить меч против своего государя” и надежда только на свое оружие, символически изображенное при помощи солдатского штыка – опровергают попытку неправильной трактовки Славянского общества как организации, якобы не выходившей “из рамок чистого просветительства” <…> и вышедшей на “большую историческую дорогу революции” только после отказа от своих целей и соединения с Южным обществом. Эта концепция глубоко неправильна. Мировоззрение славян и до этой встречи имело все признаки революционной идеологии антифеодального характера, и в силу этого славяне с полным основанием принадлежали к основному руслу революционной борьбы своего времени» [17, с. 166–167].

М.В. Нечкина, глубоко проработавшая источниковую базу по «славянам», совершенно справедливо отметила, что образ этого общества, пусть и с пробелами, достаточно подробно и полно отражают материалы следствия, а некоторые дела (братьев Борисовых, Я.М. Андреевича, А.В. Усовского) отличаются «большой смелостью и резкостью показаний» [17, с. 133]. Это совершенно резонный вывод. Но проблема заключается в том, что участники общества рассказывали о нем уже с позиции своей деятельности в Южном обществе, и события, реалии второй половины 1825 – начала 1826 г. почти полностью заслонили от членов общества период его становления, формирования идеологии; эти тонкие вещи не нашли адекватного отражения в показаниях – с главной опорой лишь на материалы следствия «славянское» общество может представляться и радикальным, и революционным. Г.П. Шатрова анализирует идеологию и программу Общества соединенных славян, подчеркивая, что по сравнению со следственными показаниями его участников, в «Записках» И.И. Горбачевского деятельность общества представлена «много шире» [14, с. 25]. Она опирается на ту часть записок, где говорится именно о программе и целях «славян» о том, как было задумано общество, причем тогда еще не имелась в виду перспектива слияния его с другим декабристским союзом. В «Записках» подчеркивается отдаленность «решительного переворота», выделяются программа-минимум и программа-максимум, которые «отдалены большим промежутком времени и значительно разнятся между собой не только программными положениями, но организационными и тактическими установками» [Там же, с. 23]. Галина Петровна, реконструируя на базе «Записок» идейную компоненту программы-минимум, делает важный вывод, что она «была составлена в просветительном плане» с выдвинутым «на первый план» положением «о самоусовершенствовании членов Общества и морально-просветительной подготовке народа к свободе» [Там же, с. 26].

Сопоставляя материалы следствия и записок, Г.П. Шатрова приходит к мнению, что на перспективном этапе развития Общества соединенных славян и в первом, и во втором источнике предполагался «вооруженный путь борьбы» [14, с. 29]. Рискнем заметить, что это утверждение было данью марксистско-ленинской методологии, которой руководствовался автор, хотя, надо признать, что оно не выглядит натянутым, ведь в конечном итоге произошло именно вооруженное восстание. «Записки» фиксируют очень интересный факт, характеризующий идеологию Общества соединенных славян. Их авторы отмечают противоречие, заключающееся в том, что, «не взирая» «на сии постепенные и кроткие меры», «Славянский союз носил на себе отпечаток какой-то воинственности»: клятва на оружии – «от одних своих друзей, от одного оружия славяне ожидали исполнения своих желаний», «мысль, что свобода покупается не слезами, не золотом, но кровью», наконец, идея о том, что, начав борьбу («обнаживши меч против своего государя»), надо ее продолжать во что бы то ни стало [18, с. 178–179]. Сегодня на базе этого фрагмента, который, возможно, не стоит понимать буквально, мы можем сделать вывод о серьезности и символичности клятв, самоотверженности и преданности выбранному пути, с которого уже нельзя свернуть, готовности отдать жизнь за идеалы; также мы можем охарактеризовать морально-нравственный кодекс и этику борцов за свободу. В исторических исследованиях советской школы было вполне корректно и допустимо на той же базе в рамках строго научного подхода иначе интерпретировать текст и сделать вывод о готовности «славян» к вооруженному пути борьбы.

Но даже это не помешало Г.П. Шатровой классифицировать общество как сохраняющее в целом лишь просветительский характер («постепенные и кроткие меры»). Опираясь на «Записки», она подчеркивает, что вооруженный путь – путь некоего неопределенного будущего и результат слабой разработки тактических основ деятельности «славян». Галина Петровна делает обоснованный вывод, что «славяне» «не только не являлись носителями идей народной революции, но до включения в Южное общество не успели и не смогли разработать собственную тактику» [14, с. 29]. В «Записках» И.И. Горбачевского действительно сформулирована широкая просветительская программа «славян» (кстати, близкая изложенной в уставе Союза благоденствия), убежденных в том, что «народ не иначе может стать свободным, как сделавшись нравственным, просвещенным и промышленным» [18, с. 178].

Ясно, что Г.П. Шатрова больше доверяла именно «Запискам», где в противовес достаточно четко сформулированной просветительской программе тактическая линия выражена очень слабо или не выражена совсем, но, конечно же, идея народной революции как таковая отсутствует полностью. В «Записках» говорится только о «перевороте», который должен будет свершиться лишь после всеобщего просвещения и приготовления народа «к новому образу гражданского существования», более того, этот «переворот», по смыслу мирный и постепенный (реформаторский) противопоставляется «военной революции», следствия которой «опасны»: «Хотя военные революции быстрее достигают цели, но <…> они бывают не колыбелью, а гробом свободы, именем которой совершаются» [Там же, с. 178]. Таким образом, прочная опора на источник дала Галине Петровне возможность так стойко держаться своей гипотезы об исключительно просветительском характере «славян», хотя М.В. Нечкина своеобразно трактовала этот фрагмент, находя в нем скрытый смысл и «элементы» идеологии «революционно-демократической разночинской революционности» у «славян», их желание действовать «во имя народа и для народа и вместе с тем через народ, видя в народе активную и сознательную силу переворота» (в отличие от дворянских революционеров, которые «действуют во имя народа и для народа, но не через народ») [17, с. 164–165]. Но, конечно же, в данном случае источник совершенно прозрачен и буквален и не требует дополнительных глубинных прочтений.

События конца 1825 – начала 1826 г. Г.П. Шатрова передает, в основном опираясь на следственные показания – источник, составленный по «свежим» следам, более живой и достоверный, – этот подход выглядит вполне правомерным. Ее ви́дение полностью опровергает исследовательский стереотип о революционности «славян» и готовности к восстанию. Галина Петровна отмечает, что «славянские управы промедлили с оказанием помощи Черниговскому полку»: «Более того, в самый ответственный момент часть бывших славян вместе с руководителем управы И.И. Горбачевским заколебалась и не проявила энтузиазма и решительности» [14, с. 50]. Конечно же, в подаче Г.П. Шатровой это не выглядит предательством по отношению к общему делу восстания: здесь действует и все объясняет простая логика – проблема в том, что Общество соединенных славян не было революционным, потому и не выступило в поддержку восстания Черниговского полка. И с автором трудно не согласиться. Концепция Г.П. Шатровой гораздо более соответствует «Запискам» И.И. Горбачевского, чем концепция М.В. Нечкиной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследуя мемуарное наследие декабристов, Н.П. Матханова обратила внимание на то, что их «активное мемуарное творчество является еще одним доказательством развитого у них исторического самосознания» [16, с. 150]. Итак, секрет успеха использования воспоминаний в раскрытии темы об эволюции декабризма заключается в характеристике декабристской мемуаристики как уникального источникового комплекса, обладающего высокой степенью точности, информативностью, составленного компетентными авторами, подходящими с полной ответственностью к своим текстам. В этом феномен декабристской мемуаристики – опираясь по большей части только на нее, вполне можно составить картину исторических событий. Это почувствовала и воплотила в своих исследованиях Г.П. Шатрова. Делопроизводственная документация не выдерживает конкуренции с эго-документами при воссоздании истории декабризма, она может служить, конечно, дополнением, и порой очень существенным, но основным комплексом для историка-декабристоведа практически всегда останется комплекс документов личного происхождения. Парадоксально, но история декабризма, написанная без массового привлечения эго-документов лишь по официальным источникам, пусть подробно и обстоятельно, как это сделано, например А.И. Дмитриевым-Мамоновым, существенно проигрывает истории Г.П. Шатровой, выглядит сухой и неубедительной, даже порой недостаточно точной, хотя и основывается исключительно на точных данных [19]. Возможно, единственный путь для воссоздания истории декабристов, в том числе и в Сибири, – это метод работы с источниками и их подбор по принципам Г.П. Шатровой, когда за основу берется именно мемуарное наследие, а материалы делопроизводства и следствия играют подчиненную роль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шатрова Г.П.* Декабристы и Сибирь. Томск, 1962. 176 с.

2. *Бородавкин А.П., Шатрова Г.П.* Декабрист Г.С. Батеньков. Томск, 1960. 89 с.

3. *Коваль С.Ф.* Об эволюции взглядов декабристов в Сибири (к постановке проблемы) // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1981. Вып. 2. С. 6–22.

4. *Шатрова Г.П.* Извлечение декабристами уроков из поражения восстания 14 декабря 1825 г. // Доклады 7-й науч. конф., посвящ. 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1957. Вып. 1. С. 50–51.

5. *Шатрова Г.П.* К вопросу о взглядах декабристов на Сибирь и программа подъема ее производительных сил и культурного уровня // Уч. зап. Том. ун-та. 1958. № 34. С. 52–70.

6. *Шатрова Г.П.* Крестьянский вопрос в мировоззрении декабристов в сибирский период их жизни и деятельности // Тр. Том. ун-та. 1961. Т. 150. С. 84–94.

7. *Шатрова Г.П.* Декабристы и Сибирь : автореф. … канд. ист. наук. Томск, 1958. 15 с.

8. *Шатрова Г.П.* Эволюция взглядов декабристов в сибирский период их жизни // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока: Тр. конф. по истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 199–206.

9. *Шатрова Г.П.* Эволюция декабризма // Декабристы и Сибирь. Новосибирск, 1977. С. 25–35.

10. *Эдельман О.В.* История следствия над декабристами и его роль в формировании образа тайных обществ : автореф. … канд. ист. наук. М., 2008. 26 с.

11. *Эдельман О.В.* Воспоминания декабристов о следствии как исторический источник // Отечественная история. 1995. № 6. С. 34–43.

12. *Поджио А.В.* Записки, письма. Иркутск, 1989. 592 с.

13. *Шейнфельд М.Б., Горюшкин Л.М., Покровский Н.Н. и др.* Памяти Галины Петровны Шатровой // Изв. СО АН СССР. 1986. № 3. Сер. История, филология и философия. Вып. 1. С. 69.

14. *Шатрова Г.П.* Декабрист И.И. Горбачевский. Красноярск, 1973. 200 с.

15. *Шатрова Г.П.* Декабрист Д.И. Завалишин. Проблемы формирования дворянской революционности и эволюция декабризма. Красноярск, 1984. 200 с.

16. *Матханова Н.П.* Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск, 2010. 551 с.

17. *Нечкина М.В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. 2. 508 с.

18. *Горбачевский И.И.* Записки // Мемуары декабристов. М., 1988. С. 165–312.

19. *Дмитриев-Мамонов А.И.* Декабристы в Западной Сибири. Исторический очерк по официальным документам. СПб., 1905. 260 с.

REFERENCES

1. *Shatrova G. P.* The Decembrists and Siberia. Tomsk, 1962, 176 p. (In Russ.)

2. *Borodavkin A. P., Shatrova G. P.* The Decembrist G. S. Batenkov. Tomsk, 1960, 89 p. (In Russ.)

3. *Koval' S. F.* On the evolution of the Decembrists' views in Siberia (to the problem formulation). *Sibir' i dekabristy.* Irkutsk, 1981, vol. 2, pp. 6–22. (In Russ.)

4. *Shatrova G. P.* The Decembrists lessons of defeat of the uprising on December 14, 1825. *Doklady 7-y nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 40-letiyu Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii.* Tomsk, 1957, iss. 1, pp. 50–51. (In Russ.)

5. *Shatrova G. P.* On the issue of the Decembrists' views on Siberia and the program of raising its productive forces and cultural

level. *Uchenye zapiski Tomskogo universiteta*, 1958, no. 34, pp. 52–70. (In Russ.)

6. *Shatrova G. P.* The peasant theme in the world outlook of the Decembrists in the Siberian period of their life and activity. *Trudy Tomskogo universiteta*, 1961, vol. 150, pp. 84–94. (In Russ.).

7. *Shatrova G. P.* The Decembrists and Siberia: diss. abstr. Tomsk, 1958, 15 p. (In Russ.)

8. *Shatrova G. P.* Evolution of the Decembrists' views during the Siberian period of their life. *Voprosy istorii Sibiri i Dal'nego Vostoka: trudy konferentsii po istorii Sibiri i Dal'nego Vostoka.* Novosibirsk, 1961, pp. 199–206. (In Russ.)

9. *Shatrova G. P.* The Decembrism evolution. *Dekabristy i Sibir'*. Novosibirsk, 1977, pp. 25–35. (In Russ.)

10. *Ede'lman O. V.* The inquiry history of the Decembrists and its role in forming the image of secret societies: diss. abstr. Moscow, 2008, 26 p. (In Russ.)

11. *Edel'man O. V.* Memories of the Decembrists about the inquiry as a historical source. *Otechestvennaya istoriya,* 1995, no. 6, pp. 34–43. (In Russ.)

12. *Podzhio A. V.* Memorials, letters. Irkutsk, 1989, 592 p. (In Russ.)

13. *Sheinfeld M. B., Goryushkin L. M., Pokrovsky N. N.* In memory of Galina Petrovna Shatrova. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR,* 1986, no. 3, vol. 1, p. 69. (In Russ.)

14. *Shatrova G. P.* Decembrist I. I. Gorbachevsky. Krasnoyarsk, 1973, 200 p. (In Russ.)

15. *Shatrova G. P.* Decembrist D. I. Zavalishin. Problems of forming the noble revolutionism and the Decembrism evolution. Krasnoyarsk, 1984, 200 p. (In Russ.)

16. *Matkhanova N. P.* Siberian memoiristics of the XIX century. Novosibirsk, 2010, 551 p. (In Russ.)

17. *Nechkina M. V.* The Decembrist movement. Vol. 2. Moscow, 1955, 508 p. (In Russ.)

18. *Gorbachevsky I. I.* Memorials. *Memuary dekabristov.* Moscow, 1988, pp. 165–312. (In Russ.)

19. *Dmitriev-Mamonov A. I.* Decembrists in West Siberia. A historical essay according to official documents. Saint Petersburg, 1905, 260 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.09.2020
Дата рецензирования 12.09.2020
Статья принята к публикации 12.10.2020

DOI: 10.15372/HSS20200408
УДК 94(47+57)″1917/1919″

О.М. СЕМЕРИКОВА

КОНЦЕПТ «СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ТРУДОВАЯ КОММУНА» В ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ РАННЕСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА (1917–1919 гг.)

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

В статье на основе идеологических текстов 1917–1919 гг. рассматривается развитие концепта «сельскохозяйственная коммуна». Для выявления истоков его формирования также уделяется внимание трудам представителей утопического социализма и основоположников коммунистической доктрины. Анализ источников показал, что целью большевистского проекта было создание крупных высокопродуктивных коммунистических хозяйств на добровольной основе, обеспечивающих решение продовольственного вопроса, являющихся форпостом партии в деревне и примером для окружающего крестьянства. На это было выделены значительные ресурсы. Но уже в 1919 г. большевикам пришлось учитывать появление естественных границ в реализации первоначально разработанного конструкта, что привело к дискуссиям о его целесообразности и, как следствие, корректировке в соответствии с задачами дальнейшей социализации деревни и сохранения запроса «снизу» на самоорганизацию сельскохозяйственных коммун.

Ключевые слова: сельскохозяйственная трудовая коммуна, раннесоветское общество, утопический социализм, идеология большевиков, коммунистический проект.

O.M. SEMERIKOVA

THE CONCEPT OF «AGRICULTURAL COMMUNE» IN THE IDEOLOGICAL TEXTS OF THE EARLY SOVIET SOCIETY (1917–1919)

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira Ave., 620002 Ekaterinburg, Russian Federation

The “commune” concept is one of the main definitions of the ideological doctrine of the victorious party. It became the basis to create special theoretical constructs in the various spheres of the society. In the agricultural sector, this is the “agricultural commune”. The article objective is to consider the stages of forming, developing and correcting this concept in ideological texts of 1917–1919. The research methodological base is the theory of social construction, which makes it possible to consider the theoretical justification, program settings and the socialist idea’s embodiment in the early Soviet Russia as an integral process. When studying the topic, it has been revealed that the “agricultural commune” concept was formulated and began to be introduced in the village in the early 1918 as a result of using the theory and experience of Utopian socialists and Russian socialists. The created collectives were considered as the practical base to disseminate socialist ideas in the countryside, acquaint peasants with large collective production, and form a “new” man of labor. Before 1918, V.I. Lenin reacted negatively to the possibility of realizing the commune’s idea in practice at the initial stage of the proletarian dictatorship era, but by the spring of 1918 had changed his mind for tactical reasons. The same year, in the party and government circles a discussion started on the appropriateness of the financial and administrative support by the state based on the current dynamics of their activity. Several options were proposed for the concept existence within the general line of the Party. As a result, by the late 1919, the agricultural communes partially lost the status of privileged collectives. Meanwhile, the authorities’ interest in continuing this experiment preserved the inclusion of the studied construct with a special position in the general ideological field and allowed developing the initiative “from below” until the early 1930s.

Key words: agricultural labor commune, early Soviet society, Utopian socialism, Bolshevik ideology, communist project.

Ольга Михайловна Семерикова – канд. ист.наук, доцент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, e-mail: olgasemerikova8@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-6963-953X.

Olga M. Semerikova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

© Семерикова О.М., 2020

ВВЕДЕНИЕ

В результате революционных потрясений 1917 г. в России и прихода к власти большевиков на повестку дня выдвинулся вопрос о выработке и внедрении новых принципов развития государственной экономики в соответствии с победившей идеологической доктриной. В условиях начала Гражданской войны особенно острая ситуация сложилась в аграрном секторе, который должен был в полной мере обеспечивать решение всех задач новой власти по сохранению ею своих политических позиций и обеспечению продовольствием промышленного сектора и городов.

Аграрная программа большевиков в апреле 1917 г. основывалась на принципе национализации земли, конфискации всех помещичьих имений и создания на их базе высокопродуктивных хозяйств. Но в соответствии со сложившейся обстановкой осенью 1917 г. большевики были вынуждены согласиться с введением принципа социализации земли и обратить пристальное внимание (в том числе из-за настоятельных рекомендаций по этому вопросу со стороны левых эсеров) на сельскохозяйственные коммуны, которые создавались по инициативе снизу и по своим идеологических основаниям соответствовали представлениям об идеальной форме производства и быта на высшей стадии развития человеческого общества согласно социалистическим и коммунистическим воззрениям. В результате с начала 1918 г. на основе предшествующих теоретических разработок и экспериментов XIX в. по созданию коммун стали разрабатываться законодательные основы и структура управленческого аппарата на всех уровнях. Власть включилась в этот процесс в качестве субъекта, определяющего ситуацию, поставив цель – ввести в общее правовое русло все коллективы и использовать их потенциал как крупных производительных единиц. Поскольку реальность оказалась намного сложнее, на всем протяжении существования коммун власть и интеллектуальная элита пытались скорректировать свою позицию и «правила игры» в соответствии с принципом превалирования государственных целей и интересов над коммунарскими. Беспрецедентный опыт распространения сельскохозяйственных коммун в Советской России 1917 – начала 1930-х гг. и одновременно недостаточная изученность этого вопроса в современной историографии актуализирует обращение к избранной теме.

Целью статьи является выявление динамики развития концепта «сельскохозяйственная трудовая коммуна» в идеологических текстах начального периода эпохи раннесоветского общества. Методологической основой исследования стала теория социального проектирования [1; 2; 3]. Она позволяет рассмотреть теоретическое обоснование, программные установки и воплощение социалистической идеи в постреволюционной России 1917 – начала 1930-х гг. как целостный процесс, включавший элементы социального проекта, которые были тесно связаны между собой и оказывали непосредственное влияние друг на друга. Это субъект; объект; идея будущего (цель); программа (задачи); механизмы и инструменты конструирования; результат (прогнозируемый и реальный) [4, с. 25]. Проектный подход позволяет также обратиться к субъективному фактору исторических процессов и показать его прямую связь с конечным результатом преобразований, который, как оказывается, выглядит непредсказуемым, особенно если в основе лежат утопические идеи построения светлого будущего и участвуют значительные массы людей.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ

Начало разработки отечественного теоретического представления о «коммуне» напрямую связано с уже имеющимися исследованиями и реальными опытами воплощения этих идей в жизнь сторонников западноевропейского левого движения XIX в. В произведениях представителей утопического социализма (Анри Сен-Симона, Шарля Фурье, Виктора Консидерана, Роберта Оуэна и др.), а также первых сторонников коммунистической доктрины (например, Этьена Кабе) были описаны, по мнению создателей, идеальные организационные формы производственных процессов и быта.

Под ними виделись особые многочисленные сообщества трудящихся, где будет установлено социальное равенство, свобода, справедливость (не ограниченные религиозными рамками и правилами традиционного общества), будут отсутствовать полностью или частично (на начальном этапе) частная собственность и принципы товарно-рыночной экономики в их классическом варианте. Также предполагалось, что в будущем повсеместное распространение новых коллективных форм производств возобладает и приведет к естественной трансформации или полной ликвидации буржуазного государства. Например, Р. Оуэн так представлял идеальную единицу будущего нового мира: «должны возникнуть научно обоснованные объединения мужчин, женщин и детей… численностью от 400 до 2000 человек; эти общины будут организованы как единая семья… Такое объединенное семейство составит ячейку совершенно новой организации человеческого общества, при которой все люди приобретут новое сознание, новые чувства, новый дух и усвоят совершенно иное поведение, по сравнению с человеком прежнего мира»[1]. В других работах Р. Оуэн углубил и дополнил основные принципы существования нового общества на основе коммуны[2] (цит. по: [6, с. 13]).

---

[1]См., например: *Оуэн Р.* Из книги о новом нравственном мире [5, с. 40–41, 34–35].

[2] Например, Р. Оуэн писал: «На участке, примерно в 480 дес. земли, помещается до 1500 человек, которые сообща работают в сельском хозяйстве и промышленных предприятиях, расположенных на участке. Каждый выполняет ту работу, которая наиболее соответствует его способностям. Изготовленные продукты поступают в распоряжение общины. Весь быт коллективизируется: устраиваются общественные столовые, кухни и т.д. Воспитание детей также

Названия подобных коллективов были разными. Например, Ш. Фурье обозначил их как фаланги-ассоциации, в центре которых находился «фаланстер» – специально устроенное здание для совместного труда, отдыха и быта. Фаланги Ш. Фурье, в отличие от других подобных экспериментов, предусматривали частичное сохранение права частной собственности и специфику труда (труд как «вынужденная необходимость» для рабочих и как «развлечение» для богатых, имущих членов) [7, с. 155, 157].

Идеи авторов активно реализовывались уже в 1820–1840-е гг. в Великобритании, Франции и США. Среди них выделялись коммунистические производительные общины Р. Оуэна, опыт которых почти сразу был описан и опубликован [8, с. 193 194]. В результате они заинтересовали теоретика коммунистического движения Ф. Энгельса, так как «информация об американских коммунах давала… дополнительный материал о практической осуществимости принципа общественной собственности и справедливого распределения» [9].

При этом К. Маркс и Ф. Энгельс в целом критически воспринимали теоретические разработки представителей утопического социализма и раннего коммунизма, прежде всего, их тезис о мирном естественном реформировании общественных отношений [10, с. 6][3]. В противовес ими была выдвинута идея о пролетарской революции, в результате которой «исчезнут классовые различия и все производство сосредоточится в руках *ассоциации индивидов*, … в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [11, с. 47, 61].

Относительно аграрного производства К. Маркс не акцентировал внимание на конкретных формах организации производителей, тем не менее, сравнив мелкую крестьянскую собственность с крупной капиталистической, он указал на бесперспективность первой в силу тех естественных ограничений, в рамках которых она существует[4].

Значительную роль в формировании концепции производственной коммуны, которая впоследствии была доработана и поддержана советским правительством с 1918 г., сыграло и творчество Н. Г. Чернышевского. Образ идеального будущего, объемно и красочно показанный в четвертом сне Веры Павловны романа «Что делать?», выглядел как мир свободных, живущих в любви и согласии с собой и окружающими, людей, объединенных в особые коммунальные сообщества. Каждое из них проживало в одном громаднейшем доме, «который великолепнее дворцов», и осуществляло совместную «вольную» трудовую деятельность «в охоту» [13, с. 287–293].

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА «СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ КОММУНА» В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917–1919)

В соответствии с идеями К. Маркса еще в конце XIX в. В. И. Ульянов (Ленин) начал разрабатывать теоретическую основу возможной социалистической революции в России и общее представление о производственных отношениях после нее. Вслед за Марксом он сделал важный вывод относительно перспектив развития сельского хозяйства («*Капитализм несовместим с рациональной постановкой земледелия*»[5]), ставший теоретическим обоснованием большевистской аграрной политики. В «Апрельских тезисах» в 1917 г. В. И. Ленин дал общее представление об идеальных формах производства и механизмах, которые сформируют путь к их созданию[6]. Но ни в этом программном документе, ни в Декрете о земле 26 октября 1917 г. не указывались наилучшие из них для аграрного производства.

Последнее было вызвано осторожными оценками лидера большевиков в отношении использования высших практик (к коим относилась коммуна – форма производственного и общественного сотрудничества с главным лозунгом «Каждый по способностям, каждому по потребностям») на начальной стадии движения к коммунистическому обществу. По мнению В. И. Ленина, на переходном этапе («диктатура пролетариата») невозможно реализовать все основные принципы коммунитарной жизни (равенство, справедливость, формирование «нового» человека, отсутствие товарно-денежных отношений и др.), так как «буржуазное право» остается в качестве регулятора во всех распределительных системах. В результате неравенство на этой стадии сохраняется и это «еще не коммунизм»[7], как следствие, любая коммуна этого периода будет нежизнеспособна.

Тем не менее в «Основном законе о социализации земли» во многом благодаря лоббированию левых эсеров коммуна была включена в число тех аграрных производств, которые будут активно поддерживаться государством (ст. 35)[8]. В апреле 1918 г. В. И. Ленин тактически был вынужден признать эту высшую форму организации хозяйства как основу строительства социализма в деревне, отметив, что: «каждая фабрика, каждая деревня является производительно-потребительской коммуной». При этом он призывал не увлекаться мечтаниями, оторванными от реальной жизни, а критически подходить к существующим коллективам[9].

носит общественный характер. С малых лет они поступают в ясли, детские сады, школы, где получают навыки и привычки совместной жизни и труда».

[3] Э. Кабе утверждал, что «преобразование старого общества в новую общину возможно без потрясения, без ограбления богатых».

[4] *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 3, кн. III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Ч. 2 (главы XXIX–LII) / Изд. под ред. Фридриха Энгельса. Гл. 47: Генезис капиталистической земельной ренты [12, с. 372, 378].

[5] *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России [14, с. 323].

[6] *Ленин В. И.* О задачах пролетариата в данной революции [15].

[7] *Ленин В. И.* Государство и революция [16, с. 94, 95].

[8] Основной закон о социализации земли 27 января (9 февраля) 1918 г. [17, с. 416].

[9] *Ленин В. И.* Очередные задачи Советской власти [18, с. 191–192].

В условиях начавшегося формирования законодательного и институционального поля коммунарского строительства в деревне с лета – осени 1918 г. и усиленной агитации к переходу на коллективное хозяйство по уставу сельскохозяйственной коммуны (был задействован как административный, так и финансовый ресурсы) разворачивается партийная и общественная дискуссия относительно выбора главной «идеальной» формы аграрного производства. Наиболее остро обсуждение проходило на станицах главных изданий партии и государства («Правда» и «Известия») и на I Всероссийском съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун в декабре 1918 г.

Еще до открытия съезда в «Известиях» были опубликованы статьи представителей наиболее левой и прагматичной части партии. Авторами выступили член Президиума ВСНХ Ю. Ларин и редактор «Известий Наркомпрода» Н. А. Орлов. В них прозвучали негативные оценки по деятельности сельскохозяйственных коммун (закрытость, низкий идеологический уровень), что не позволяло, по мнению авторов, выделить эти коллективы среди иных через декларирование их высокого статуса для государства [19, с. 67, 68].

Относительно ситуации, сложившейся на I Всероссийском съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун, член коллегии Народного комиссариата земледелия (далее – Наркомзем) РСФСР В. Н. Мещеряков, обратив внимание не столько на выбор формы производства, сколько на важные проблемы во взаимодействии коммун и властных структур разного уровня, решение которых в перспективе оказалось судьбоносным для определения будущего этих коллективов, отмечал в январе 1919 г. следующее: «не борьба “за коммуны” и “против советских хозяйств” (или наоборот) проявилась на съезде, а борьба местных уездных интересов с защитниками общегосударственной точки зрения»; «коммуны делали попытки уклониться от необходимой доли государственного вмешательства и от регулирования их жизни; уезды настаивали, чтоб лакомые куски (вроде, например, советских хозяйств) ни в коем случае не отдавались в ведение губернии»[10].

Резолюция съезда показала, что в результате внутренней борьбы в Наркомземе в конце 1918 г. одержала тактическую победу партия «коммунаров»[11]. Суждение об «идеальности» коммуны («преимущество должно быть отдано коммунальной форме сельского строительства») и советских хозяйств «как переходной форме, вызванной требованием момента», основывалось на практическом выводе о том, «душа крестьянина Советской России лежит в коммуне»[12].

Сразу после съезда дискуссия продолжилась. Так, Н. И. Бухарин представил свое ви́дение перехода к социализму в деревне, назвав высшей («идеальной») формой «национализированную «хлебную фабрику» (особый тип совхоза. – *О.С.*). Коммуну он обозначил как «некоторую переходную меру», которая «имеет большой смысл», потому что «как она ни плоха, все же изгоняет целый ряд частнохозяйственных элементов». В целом бухаринская модель перехода к социализму в деревне образца 1918 г. включала по два варианта совхозов и коммун, общественную обработку земли и индивидуальное хозяйство. Из числа уже созданных коммун он приветствовал в большей степени те коллективы, которые были сформированы «из мелких наделов» крестьян. Еще один тип сельскохозяйственных коммун, возникших «из дробления крупных имений», он не поддержал, тем не менее, обратив внимание на сложности большевиков в деревне, выступил за возможность существования и этих коллективов[13].

Важным документом, выделившим и закрепившим сельскохозяйственную коммуну как главную негосударственную форму производства (сразу после совхозов), стало Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию (принято ВЦИК 14 фев. 1919 г.). В главе 7 впервые было дано определение этому феномену[14] и декларирована его включенность в большевистский аграрный проект. Был установлен переход самодеятельного процесса формирования и существования сельскохозяйственных коммун под контроль государства. Сельскохозяйственные коммуны с этого времени обязаны были принять примерный устав, разработанный Наркоматом земледелия НКЗ (ст. 60), пройти обязательную регистрацию, предоставлять отчеты о своей хозяйственной деятельности (ст. 84) и прочее. Также они могли быть распущены «подлежащими органами Советской власти в случае несоответствия их организации с основными положениями Конституции РСФСР» (ст. 88)[15].

Вторая половина 1919 г. стала переломным моментом в определении партийной и государственной позиции по перспективам концепта «сельскохозяйственная коммуна». Важную роль в этом сыграла ситуация с численной динамикой коллективов и наличием к тому времени фактологического материала по их развитию. Они демонстрировали присутствие объ-

---

[10] Из статьи члена коллегии Наркомзема РСФСР В. Н. Мещерякова в газету «Правда» 19 января 1919 г. [20, с. 119–120].

[11] Постановление I Всероссийского съезда земельных отделов, комитетов бедноты и коммун «О коллективизации сельского хозяйства» 19 декабря 1918 г. [21, с. 416].

[12] Материалы I Всероссийского съезда земельных отделов, комитетов бедноты и коммун, утреннее заседание 13 декабря 1918 г. [20, с. 92].

[13] *Бухарин Н. И.* Сельскохозяйственные коммуны или хлебные фабрики // «Правда». 1918. 20 дек. [20, с. 112–113].

[14] Сельскохозяйственные производительные коммуны – суть добровольные союзы трудящихся, часть общенародной организации Товарищеского земледелия, организуемого с целью ведения хозяйства на коммунистических началах в области производства и распределения (ст. 60).

[15] Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию (принято ВЦИК 14 фев. 1919 г.) // СУ РСФСР. 1919. №4. Ст.43 // КонсультантПлюс: сайт [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3118#03974249958389614 (дата обращения: 25.01.2020).

ективных и субъективных препятствий в реализации идеи о новом мире равенства и справедливости в рамках сельских коммун на первом этапе строительства социализма (о чем изначально предупреждал В. И. Ленин). Несмотря на постоянное появление новых коммун (вплоть до начала 1930-х гг.), параллельно с этим наблюдался и обратный процесс: преобладающее число ранее созданных коммун к концу 1919–1920 г. распалось или прекратило свое существование на основании решения органов власти.

Тем не менее анализ идеологических текстов показал, что отказываться от конструкта не стали, эксперимент был продолжен с ориентацией на индивидуальный подход. В брошюре Ленина «Великий почин (о героизме рабочих в тылу, по поводу «коммунистических субботников»)» (июль 1919 г.) уже присутствует переосмысление существующего статуса коммун по отношению к другим видам коллективных хозяйств (артелям и ТОЗам), а также стремление перейти от количества к качеству в коммунарском строительстве: «Всякое предприятие, заводимое коммунистами или при их участии, сплошь и рядом сразу уже объявляется “коммуной”. …Было бы очень полезно слово “коммуна” изгнать из ходячего употребления, …или признавать это наименование лишь за действительными коммунами, которые доказали на практике (и единодушным признанием всего окрестного населения подтвердили) способность, уменье поставить дело коммунистически»[16].

Изменение позиции правительства в отношении трудовых коммун было отражено в новом Положении о записи трудовых сельскохозяйственных производственных коллективов, коммун, артелей и товариществ по общественной обработке земли, утвержденном НКЗ под руководством С. Середы 30 августа 1919 г. Во-первых, этот законодательный акт отменил особую Инструкцию к постановлению устава сельскохозяйственных коммун, что означало появление единообразных правил (с небольшими исключениями) в процедуре регистрации всех коллективных хозяйств. Во-вторых, особая роль коммун была обозначена только переводом их в категорию «высшая форма сельскохозяйственного коллектива». Но и они обязаны были согласно данному Положению в срок до 1 ноября 1920 г. пройти перерегистрацию согласно новым правилам[17]. В результате это существенно сократило число коммун, так как большая часть из них в своей трудовой и бытовой жизни не соответствовала уставу.

В «Азбуке коммунизме», опубликованной в октябре 1919 г., ее авторы (Н. Бухарин и Е. Преображенский) также продемонстрировали отход от активной популяризации коммунитарных практик, доступным и простым языком рассказав об этой форме коллективного производства наряду с артелями и ТОЗами и выделив как положительные, так и отрицательные стороны их жизнедеятельности. К последним была отнесена небольшая численность состава уже существующих: «вследствие этого коммуна не может доказать и своим участникам, и всему окружающему населению всех выгод именно крупного хозяйства» [23, с. 241–242].

Несмотря на корректировку позиции власти, сельскохозяйственная коммуна не перестала быть для нее форпостом светлого будущего в деревне, через который все шире должны были проникать элементы советской городской культуры и быта, ее коллективная производственная деятельность и повседневные бытовые практики по-прежнему должны были выступать примером для местных крестьян. Как следствие, в «Азбуке коммунизма» было декларировано начало следующего этапа социализации деревни через процедуру укрупнения уже существующих коллективных хозяйств («путем приема десятков новых членов из прилегающих крестьянских обществ или слиянием коммуны или коммун с соседним советским хозяйством») в чем виделась перспектива их развития [23, с. 241–242].

На деле оказалось, что они к этому не готовы, так как требовался иной организационный, профессиональный, технический уровень. При отсутствии этих условий следовали неизбежные разложение и распад. Для предотвращения данных процессов коммуны разными способами пытались сопротивляться вмешательству государства в свою внутреннюю жизнь, прежде всего через сохранение автономности и закрытости для новых членов, что с каждым годом становилось все менее возможным из-за позиции государства по полному контролю за их деятельностью. С другой стороны, полного запрета на существование небольших по численности коллективов так и не было введено, поскольку запрос снизу на это не прекращался. В 1919 г. соотношение коллективных хозяйств по РСФСР выглядело перспективным: коммун – 32 %, артелей – 58, товариществ – 10.[18] Как следствие, большевистский проект социализации деревни на всем протяжении 1920-х гг. – начала 1930-х гг. видоизменялся, в том числе в соответствии с возможностями и потребностями населения.

В декабре этого же года В. И. Ленин выступил с речью на I Съезде земледельческих коммун и сельскохозяйственных артелей (опубликовано в «Правде» 5 и 6 декабря 1919 г.), в которой подвел черту под периодом всемерной поддержки коммун со стороны государства (в том числе через создание так называемого «миллиардного фонда») и минимального вмешательства в их внутренние процессы. Главную их миссию Ленин определил следующим образом: «не обособляться, не отстраняться от окрестного крестьянского населения, а обязательно оказывать ему помощь», а также быть «удачным практическим примером». Также он призвал коммуны к поиску внутренних резервов

[16] *Ленин В. И.* «Великий почин (о героизме рабочих в тылу, по поводу «коммунистических субботников») [22, с. 26].

[17] Положение о записи трудовых сельскохозяйственных производственных коллективов, коммун, артелей и товариществ по общественной обработке земли. Пермь: 1-я Государственная типография, 1920. С. 4, 7.

[18] Доклад С.С. Крутошинского (заведующего отделом коллективного земледелия Сельскосоюза) [24; с. 87].

для развития в условиях сокращения, а с начала 1920 г. и полного отказа государства от их массового финансирования. При этом Ленин в своем докладе выдвинул один из вариантов решения этой задачи – проведение «субботников» (а именно «бесплатную работу … сверх того, что требуется от каждого рабочего, посвященную в течение нескольких часов какой-нибудь общественной потребности»).

Интересен и общий вывод В. И. Ленина в декабре 1919 г. относительно построения социализма в деревне и роли коллективных хозяйств в этом процессе: «Лишь когда практически, на опыте, близком для крестьян, будет доказано, что переход к товарищескому, артельному земледелию необходим и возможен, лишь тогда мы вправе будем сказать, что в такой громадной крестьянской стране, как Россия, по пути социалистического земледелия сделан серьезный шаг»[19]. Тем самым, видимо, сознательно исключив даже упоминание о сельскохозяйственных коммунах, В. И. Ленин начинает новую страницу истории как самого концепта, так и его реальных образов, что требует дальнейшего специального изучения.

ВЫВОДЫ

Рассмотрев процесс формирования и развития концепта «сельскохозяйственная коммуна» в советском государстве в 1917 – 1919 гг., мы пришли к заключению, что необходимо уже на этом этапе зафиксировать присутствие существенных изменений в его содержании и идеологическом значении для власти. Данный конструкт, в общих чертах обозначающий высшую форму коллективного производства в аграрной сфере, был создан на основе теории и практики зарубежных и отечественных социалистов-утопистов и народников, а также программных положений левых социалистов-революционеров и марксистско-ленинско-большевистской коммунистической доктрины.

Основные принципы внутренней жизни коммуны (равенство, справедливость в распределении обязанностей и прибавочного продукта, свобода в реализации потребностей, обобществление труда и капитала, совместное проживание, формирование образовательной среды для детей и взрослых и др.) были разработаны еще в трудах социалистов-утопистов первой половины XIX в. Наиболее идеологически близкой русским социалистам, в том числе большевикам, оказалась концепция Р. Оуэна, включающая полный отказ от частной собственности, традиционной религии и Бога, идею воспитания «нового» человека. Возможность добиться положительного результата в воплощении теоретических разработок по коммуне в Советской России базировалась на тезисе о свершившейся пролетарской революции, ликвидировавшей все прежние ограничители и препятствия эпохи капитализма. В. И Ленин изначально не поддержал тезис о готовности общества после октября 1917 г. широко включиться в строительство коммун, но по тактическим соображениям и в соответствии со сложившейся обстановкой в деревне принял решение с весны 1918 г. о разработке и реализации проекта «сельскохозяйственная трудовая коммуна». В рамках политических и научных дискуссий вплоть до конца 1919 г. обсуждался вопрос о целесообразности исключительного статуса коммунистического объединения «не только для работы, но и для распределения и совместной товарищеской жизни» [23, с. 242–243], так как в массе своей это были небольшие по численности коллективы, которые быстро распадались и не становились примером успешного коллективного производства для окружающих крестьян.

К концу 1919 г. в идеологическом и правовом поле сельскохозяйственная трудовая коммуна частично потеряла свой исключительный статус среди других коллективных хозяйств. При этом власти на данном этапе сохранили этот конструкт как важную составляющую своей партийной доктрины, продолжая поддерживать самодеятельность народных масс в создании данных коллективов, но уже в рамках расширенного внимания к их внутренней жизни и ее соответствию уставным документам.

[19] *Ленин В. И.* Речь на I Съезде земледельческих коммун и сельскохозяйственных артелей 4 декабря 1919 г. [22, с. 373].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Поппер К.* Открытое общество и его враги: в 2 т. М.: Открытое о-во «Феникс», 1992. 448 с. 525 с.

2. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 334 с.

3. *Горбачев О. В.* Теории конструирования социальной реальности в XX веке и советский проект // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практики: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 29–49.

4. Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг.: в 2 ч. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. Ч. 1: Страна Советов: пространство, власть, экономика / под общ. ред. Л. Н. Мазур. 468 с.

5. *Оуэн Р.* Избранные произведения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 2. 352 с.

6. *Линтварев В. С.* Был ли Р. Оуэн кооператором. Л.: Кооперация, 1926. 38 с.

7. *Борщевский Л. В.* К вопросу об отношении Фурье к собственности при строе гармонии // История социалистических учений: сб. ст. памяти Б. Ф. Поршнева. М: Наука, 1976. С. 154–161

8. *Захарова М. Н.* Роберт Оуэн и оуэнисты в Соединенных Штатах Америки // История социалистических учений: сб. ст. памяти Б. Ф. Поршнева. М.: Наука, 1976. С. 184–212

9. *Кислова А. А.* Религиозные коммуны в США (первая половина XIX в.) // Религии мира: История и современность: Ежегодник. М.: Наука, 1982. С. 206–226.

10. *Волгин В. П.* Этьен Кабе // Кабе Этьен. Путешествие в Икарию: философский и социальный роман: в 2 кн. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Кн. 1. С. 3–65

11. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии. М.: Политиздат, 1974. 63 с.

12. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1962. Т. 25, ч. II. 551 с.

13. *Чернышевский Н. Г.* Что делать? М.: Учпедгиз, 1957. 367 с.

14. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М.: Политиздат, 1971. Т. 3. 792 с.

15. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М.: Политиздат, 1969. Т. 31. 671 с.

16. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М.: Политиздат, 1969. Т. 33. 433 с.

17. Декреты Советской власти. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. 626 с.

18. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М.: Политиздат, 1974. Т. 36. 741 с.

19. *Гришаев В. В*. История сельскохозяйственных коммун: итоги изучения, проблемы. Красноярск: Краснояр. ун-т, 1986. 135 с.

20. Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1917–1922: Документы и материалы. М.: Наука, 1990. 400 с.

21. Аграрная политика советской власти (1917–1918 гг.). Документы и материалы. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 552 с.

22. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М.: Политиздат, 1970. Т. 39. 623 с.

23. *Бухарин Н., Преображенский Е.* Азбука коммунизма: популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков. Пб.: Гос. изд-во, 1920. 321 с.

24. Труды Первого Всесоюзного совещании сельскохозяйственных коллективов (коммун, артелей и ТОЗов), 26 февр.–6 марта 1925 г. М.: [б.и.], 1925. 402 с.

REFERENCES

1. *Popper K*. The Open Society and its enemies: in 2 vols. Moscow, Phenix, 1992, vol. 1, 448 p.; vol. 2, 525 p. (In Russ.)

2. *Berger P., Lukman T*. The Social construction of reality. A treatise on sociology of knowledge. Moscow, Medium, 1995, 334 p. (in Russ.)

3. *Gorbachev O. V*. Theories of constructing the social reality in the XX century and the Soviet project. *1917 god v Rossii: sotsialisticheskaya ideya, revolyutsionnaya mifologiya i praktiki.* Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2016, pp. 29–49. (In Russ.)

4. *Mazur L.N.* (ed.) The early Soviet society as a social project, 1917-1930s. Vol. 1. The Soviets' country: space, power, economy. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2018, 468 p. (In Russ.)

5. *Owen R*. Selected works. Vol. 2. Moscow, Leningrad. USSR Acad. of Sciences, 1950, 352 p. (In Russ.)

6. *Lintvarev V. S*. Was R. Owen a cooperator? Leningrad, Kooperatsiya, 1926, 38 p. (In Russ.)

7. *Borshchevsky L. V*. On the issue of Fourier's relation to property under the harmony system. *Istoriya sotsialisticheskikh ucheniy: sb. st. pamyati B. F. Porshneva*. Moscow, Nauka, 1976, pp. 154–161. (In Russ.)

8. *Zakharova M. N*. Robert Owen and the Owenists in the United States of America. *Istoriya sotsialisticheskikh ucheniy: sb. st. pamyati B. F. Porshneva*. Moscow, Nauka, 1976, pp. 184–212. (In Russ.)

9. *Kislova A. A*. Religious communes in the USA (first half of the XIX century), *Religii mira: istoriya i sovremennost': ezhegodnik.* Moscow, Nauka, 1982, pp. 206–226. (In Russ.)

10. *Volgin V. P*. Etienne Cabet. *Kabe E. Puteshestvie v Ikariyu: filosofskiy i sotsial'nyy roman*. Moscow, Leningrad, USSR Acad. of Sciences, 1948, vol. 1, pp. 3–65. (In Russ.)

11. *Marx K., Engels F*. Manifesto of the Communist Party. Moscow, Politizdat, 1974, 63 p. (In Russ.)

12. *Marx K., Engels F.* Works. Vol. 25, pt. 2. Moscow, Politizdat, 1962, 551 p. (In Russ.)

13. *Chernyshevsky N. G*. What to do? Moscow, Uchpedgis, 1957, 367 p. (In Russ.)

14. *Lenin V. I*. Complete works. Vol. 3. 5th ed. Moscow, Politizdat, 1971, 792 p. (In Russ.)

15. *Lenin V. I*. Complete works. Vol. 31. 5th ed. Moscow, Politizdat, 1969, 671 p. (In Russ.)

16. *Lenin V. I.* Complete works. Vol. 33. 5th ed. Moscow, Politizdat, 1969, 433 p. (In Russ.)

17. Decrees of the Soviet power. Vol. 1. Moscow, Politizdat, 1957, 626 p. (In Russ.)

18. *Lenin V. I.* Complete works. Vol. 36. 5th ed. Moscow, Politizdat, 1974, 741 p. (In Russ.)

19. *Grishaev V. V*. The History of agricultural communes: study results, problems. Krasnoyarsk: Krasnoyar. un-t, 1986, 135 p. (In Russ.)

20. *Danilov V. P. (ed.)* Cooperative collective farm construction in the USSR. 1917–1922: documents and materials. Moscow, Nauka, 1990, 400 p. (In Russ.)

21. *Varzho I. I. (comp.)* Agrarian policy of Soviet government (1917–1918): documents and materials. Moscow, USSR Acad. of Sciences, 1954, 552 p. (In Russ.)

22. *Lenin V. I*. Complete works. Vol. 36. 5th ed. Moscow, Politizdat, 1970, 623 p. (In Russ.)

23. *Bukharin N. I., Preobrazhensky E.* The ABC of Communism: a popular explanation of the program of the Russian Communist Party of Bolsheviks. Petrograd, Gosizdat, 1920, 332 p. (In Russ.)

24. Proceedings of the First All-Union conference of agricultural collectives (communes, artels and associations for the public processing of land), February 26 – March 6, 1925. Moscow, 1925, 402 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 26.04.2020
Дата рецензирования 11.05.2020
Статья принята к публикации 15.09.2020

DOI: 10.15372/HSS20200409
УДК 94 (571.1/.5)″1926/1927″ + 329.15

Т.И. МОРОЗОВА

ПРОВЕРКА ДЕРЕВЕНСКИХ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СИБИРИ (ЯНВАРЬ 1926 – МАРТ 1927 г.)

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Статья посвящена так называемой проверке деревенских партийных организаций, осуществлявшейся в Сибири с января 1926 по март 1927 г. На основе стенограмм заседаний партийных форумов, статистических сборников, источников, выявленных в двух центральных и одном региональном архивах, а также материалов периодической печати определены основные цели, задачи, механизмы и итоги этой кампании. Показано, что она проводилась в соответствии с директивами ЦК и ЦКК ВКП(б), но вместе с тем имела свою специфику. Сделан вывод, что проверка деревенских парторганизаций в Сибири, в отличие от партийных чисток прошлых лет, в значительной степени нацеленных на борьбу с внутрипартийной оппозицией, была направлена, прежде всего, на нормализацию работы ячеек и, как следствие, на укрепление позиций правящей партии в деревне.

Ключевые слова: коммунистическая партия, РКП(б), ВКП(б), сибирская партийная организация, деревенские ячейки, проверка, чистка, Сибирь.

T.I. MOROZOVA

CHECKING RURAL PARTY ORGANIZATIONS IN SIBERIA (JANUARY 1926 – MARCH 1927)

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia

The article is devoted to the so-called inspection of rural party organizations carried out in Siberia in January 1926 - March 1927. The research source base is shorthand reports of party forums, statistical digests, documents found in two central and one regional archives, as well as materials of the regional periodical press. The main goals, objectives, mechanisms and results of the campaign are identified based on these sources. The paper shows that it was carried out according to the directives of the Central Committee and the Central Control Committee of All-Union Communist Party (Bolsheviks), but at the same time it had its own specific features. Thus, the inspection of rural party organizations took place in two stages in Siberia: from January to May 1926, and from November 1926 to March 1927. In just ten months of the campaign, 180 of the 2103 rural cells in Siberia were checked, which amounted 8.6 %. 345 of 2,250 tested members and candidates of the AUCP(b) were expelled from the party, at least 60 left it voluntarily or were recognized as mechanically dropped out. But in the Siberian party organization scales, this decline was insignificant and did not affect the dynamics of its number. The campaign's main task wasn't to exclude politically weak and decayed Communists from the AUCP(b), but above all to assess the overall performance of the cells and issue specific recommendations to eliminate the identified shortcomings. The author concludes that the inspection of rural party organizations in Siberia, contrasting the party purges of previous years aimed to combat the internal party opposition, had primarily the task to normalize the cells' activity. By itself, checking 8.6 % of all rural cells in Siberia could not significantly improve the state of the Siberian party organization, but revealing the most common problems was an essential condition to form an adequate idea of the positions of the ruling party in the countryside for the regional leadership, and, consequently, a prerequisite for its further strengthening.

Key words: Communist party, RCP(b), AUCP(b), Siberian party organization, rural cells, check, purge, Siberia.

Татьяна Игоревна Морозова – канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: mti137@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8601-1290.

Tatiana I. Morozova – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of History SB RAS.

© Морозова Т.И., 2020

ВВЕДЕНИЕ

Приоритетной задачей большевистской партии после взятия власти в России стало укрепление собственных позиций сначала в российском, а затем в советском обществе. Это обусловило заинтересованность высшего партийного руководства в увеличении численности РСДРП(б)–РКП(б)–ВКП(б) и одновременно в повышении политической благонадежности ее членов. Последнее достигалось как за счет повседневной идеолого-пропагандисткой работы, так и посредством чрезвычайных мер: перерегистраций, проверок или чисток партийных рядов.

В разное время Центральный комитет РКП(б)–ВКП(б) распространял эти кампании либо на всю партию, либо на отдельные ее организации или даже категории коммунистов. Например, в мае – июне 1920 г. были проведены проверка и перерегистрация членов РКП(б) польской национальности, а в 1924–1925 гг. – чистка так называемых непроизводственных ячеек.

Провозглашенный в 1924 г. поворот «лицом к деревне» заметно обострил проблему повышения авторитета правящей партии среди крестьян. С этой целью состоявшаяся 27–29 апреля 1925 г. XIV конференция РКП(б) приняла решение о проведении частичной проверки деревенских партийных организаций. В ряде губерний кампания стартовала в конце ноября 1925 г., растянувшись, в конечном счете, почти на полтора года.

Выборочный характер проверки сказался на состоянии историографии темы. Ни изданный в 1938 г. «Краткий курс» истории ВКП(б), ни вышедшая тридцать лет спустя многотомная «История КПСС» не содержат даже косвенных сведений о данной кампании. Самое раннее ее упоминание в советской литературе, судя по всему, относится к 1962 г., однако речь идет не об историческом исследовании, а о кратком примечании к переизданной в то время стенограмме XV съезда ВКП(б). Комментируя выступление Е.М. Ярославского по отчетному докладу Центральной контрольной комиссии (ЦКК) ВКП(б), редактор пояснил, что за время кампании, проводившейся с ноября 1925 по апрель 1927 г., было проверено 1216 ячеек, состоявших из 19 287 членов и кандидатов в члены ВКП(б) [1, с. 1655]. В начале 1980-х гг., не ставя под сомнение достоверность этой информации, томский исследователь Ю.В. Куперт констатировал, что данная проверка сыграла «значительную роль в укреплении партийных организаций» [2, с. 74].

Иные оценки были даны в эмигрантской историографии. Известный советолог А.Г. Авторханов в своей книге «Технология власти», впервые вышедшей в Нью-Йорке в 1959 г. и затем неоднократно переиздававшейся в разных странах, назвал проверку деревенских партийных организаций чисткой, поставив ее в один ряд с другими аналогичными кампаниями, осуществлявшимися при И.В. Сталине. По мнению А.Г. Авторханова, все чистки, проведенные в этот период, были направлены «одновременно и против оппозиционных верхов партии, и против потенциальной оппозиции в низовой партийной массе», способствуя, в конечном счете, созданию «новой партии Сталина» [3, с. 258–259].

Возможность более глубоко изучить поставленную А.Г. Авторхановым проблему отечественные исследователи получили только после распада СССР. Отказ от марксистско-ленинской методологии, доступ к ранее засекреченным источникам, постепенное накопление эмпирической базы и ее осмысление с новых методологических позиций позволили историкам не только углубить знания о перерегистрациях, проверках и чистках партийных рядов (см., напр.: [4, с. 106–120; 5, с. 120–126; 6, с. 245–294]), но и рассмотреть эти кампании в несвойственных советской историографии ракурсах: в качестве метода внутрипартийной борьбы [7] или инструмента социальной мобильности [8; 9].

Однако данная проверка деревенских партийных организаций до сих пор остается не исследованной. Кто, когда и почему инициировал ее проведение? Каковы были масштабы и результаты этой кампании? Правомерно ли вслед за А.Г. Авторхановым считать ее партийной чисткой, нацеленной прежде всего на борьбу с потенциальной оппозицией? Отсутствие ответов на поставленные вопросы отчасти обусловлено неполнотой и фрагментарностью источниковой базы. Представляется, тем не менее, что ликвидировать обозначенный пробел можно путем последовательного изучения причин, механизмов, итогов и выяснения значения проверки деревенских партийных организаций в отдельных губерниях, краях и областях. Первым пазлом этой большой и сложной мозаики является настоящая статья, посвященная проведению данной кампании в Сибири.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ПРОВЕРКИ

По сведениям на 1 января 1925 г., в РКП(б) состояли 401 481 член и 339 636 кандидатов в члены партии, т.е. всего 741 117 чел.[1] Организационно они были объединены в 26 892 коммунистические ячейки, в том числе: 13 879 – деревенских, 4788 – рабочих, 4043 – советских, профсоюзных и других учреждений, 1933 – транспортных, 1280 – военных, 564 – гражданских учебных заведений и 405 – прочих[2]. Таким образом, около половины (51,6 %) всех ячеек находилось в деревне. Однако, согласно официальной статистике, в них числились только 92 160 членов и 62 571 кандидат в члены партии, или 20,9 % всего состава РКП(б). Это означало, что в одной деревенской ячейке состояли в среднем 11 чел.

К 1 июля 1925 г. количество таких ячеек увеличилось до 15 106, а доля состоявших в них членов и кандидатов по отношению к партии в целом достигла 22,6 %[3]. Несмотря на положительную динамику, Цен-

[1] РКП(б) в цифрах: [стат. сб.]. М., 1925. Вып. 3. С. 1.
[2] Там же. С. 4–6.
[3] Там же. М., 1926. Вып. 4. С. 22.

тральный комитет РКП(б) был недоволен позициями правящей партии в деревне. В декабре 1925 г. на XIV съезде РКП(б) Генеральный секретарь ЦК И.В. Сталин заявил, что в партии к тому времени состояло всего лишь 0,37 % сельского населения СССР, а численность РКП(б) в деревне росла «страшно медленно» [10, с. 53].

Наряду с низкими темпами приема крестьян в партию укреплению ее позиций на селе препятствовал также неудовлетворительный качественный состав ячеек. 19 февраля 1925 г. первый секретарь Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б) А.И. Микоян, являвшийся одновременно членом ЦК партии, писал И.В. Сталину и остальным членам Политбюро: «Нет сомнения, что некоторый слой коммунистов в деревне разложился и стал не только бесполезным для партии, но прямо вредным элементом, ибо отдельные лица, разложившиеся в коммунистической организации, подрывают весь авторитет партии в деревне, восстанавливая всю деревню против партии»[4]. Приведя ряд примеров недовольства крестьян поведением членов РКП(б), А.И. Микоян просил Политбюро рассмотреть вопрос о необходимости чистки деревенских партийных организаций, сыграв таким образом роль ее главного инициатора[5].

Предложение А.И. Микояна нашло отклик среди высшего партийного руководства. На состоявшейся 27–29 апреля 1925 г. XIV Всесоюзной партийной конференции в докладе о партийном строительстве секретарь ЦК В.М. Молотов обозначил необходимость ведения работы одновременно в двух направлениях: с одной стороны, обеспечить вступление в РКП(б) «лучшей части деревни», а с другой – провести проверку «засоренных нежелательными и чуждыми элементами организаций» [11, с. 20]. По итогам его доклада была принята резолюция, предписывавшая в том числе следующее: «… признать необходимым проведение частичной проверки тех волостных (а также уездных) партийных организаций, где в составе организаций сказывается наличие разложившихся и оторвавшихся от партии элементов, дискредитирующих партию в глазах крестьянства. Эта проверка деревенских парторганизаций должна происходить с привлечением к ней беспартийных крестьян и с посылкой на место действительно ответственных партийных работников» [11, с. 282].

В развитие данного решения 22 июня 1925 г. ЦК и ЦКК РКП(б) приняли совместное постановление «О порядке проведения проверки деревенских парторганизаций». В соответствии с этим документом губкомам было поручено по согласованию с губернскими контрольными комиссиями наметить для проверки не более $^1/_3$ всех деревенских ячеек губернии. Сплошная проверка волостных или уездных организаций допускалась только с санкции ЦК и ЦКК. Кроме того, в постановлении оговаривались основные принципы проведения кампании, регламентировались состав и компетенция проверочных комиссий. Так, устанавливалось, что выборочная проверка деревенских ячеек должна была осуществляться комиссиями, состоявшими из 3 чел.: члена губернской контрольной комиссии, на которого возлагались обязанности председателя, члена губкома партии и ответственного работника уездного уровня. В случае, если губком принимал решение о необходимости сплошной проверки деревенских ячеек того или иного уезда, состав комиссии подлежал утверждению решением ЦК и ЦКК [12]. 26 июня данное постановление в виде циркулярного письма было разослано всем ЦК нацкомпартий, обкомам ЦК, краевым, областным, губернским, окружным комитетам и контрольным комиссиям РКП(б)[6].

ПОДГОТОВКА К ПРОВЕДЕНИЮ ПРОВЕРКИ В СИБИРИ

В июле – августе наиболее ответственные партийные работники, как правило, находились в отпусках, поэтому ввиду серьезности вопроса в большинстве партийных организаций обсуждение циркуляра было отложено до осени 1925 г. В Сибири вопрос о проведении частичной проверки деревенских ячеек был включен в повестку пленума Сибирской краевой контрольной комиссии РКП(б) только 18 октября[7]. По итогам заседания пленум поручил президиуму СибКК разработать инструкцию по проверке деревенских ячеек и возбудить перед ЦКК вопрос об отпуске средств на данную кампанию, а также утвердил общий план ее проведения в Сибири[8].

Вскоре после окончания пленума утвержденный документ был разослан всем непосредственно подотчетным СибКК контрольным комиссиям. Согласно этому плану, парторганизациям было предписано «проверять лишь те ячейки, среди членов которых замечается хулиганство, уголовные преступления (т[о] е[сть] растраты, укрытие посевной площади, самогоноварение, массовое пьянство и т.д.), а также где замечается отрыв от крестьянской массы, неумение руководить и работать среди беспартийных крестьян»[9]. Задача предварительного выявления таких ячеек была возложена на окружные контрольные комиссии, которые не позднее 1 декабря 1925 г. должны были предоставить соответствующие списки в СибКК. При этом в плане специально оговаривалось, что предстоящая проверка не должна сводиться только к чистке личного состава деревенских парторганизаций. Гораздо важнее, по мнению краевой контрольной комиссии, было выяснить, как та или иная ячейка проводит по-

---

[4] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-374. Оп. 27. Д. 531. Л. 192; Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 22. Д. 129. Л. 3.

[5] Там же.

[6] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-2. Оп. 2. Д. 10. Л. 42–42 об.

[7] Там же. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 49. Л. 2.

[8] Там же. Л. 15–16.

[9] Там же. Л. 18.

литику партии в деревне, пользуется ли она авторитетом среди беспартийных крестьян и какие имеет недостатки в работе. Начать кампанию планировалось сразу же после завершения второй Сибирской краевой партийной конференции, намеченной на конец ноября – начало декабря 1925 г., а завершить – не позднее 15 мая 1926 г.

План проверки деревенских ячеек в Сибири в целом опирался на циркуляр ЦК и ЦКК РКП(б) от 26 июня 1925 г., хотя отдельные пункты были адаптированы к местным условиям. Например, возглавлять проверочные комиссии в Сибири должен был не председатель губернской контрольной комиссии, как было прописано в циркуляре, а один из членов СибКК. Она же инструктировала проверочные комиссии, утверждала их состав и принятые по итогам проделанной работы постановления, а также обладала исключительным правом разрешать спорные вопросы в случае их возникновения[10].

В конце ноября 1925 г., т.е. примерно через месяц после утверждения плана проверки Сибирской контрольной комиссией, основополагающие принципы проведения этой кампании были изложены в инструкции, подготовленной и опубликованной Центральным комитетом РКП(б) [13]. В соответствии с этим документом проверочные комиссии наделялись следующими функциями: организация открытых собраний ячеек с привлечением беспартийных крестьян для разъяснения целей и задач проверки, предварительное изучении условий работы и общего состояния ячеек, проведение индивидуальных «товарищеских бесед» с каждым членом и кандидатом в члены РКП(б). Подробную информацию о проверяемом, от фамилии и номера партбилета до обвинений (если такие выдвигались в его адрес), комиссии должны были заносить в официальный протокол. Там же надлежало фиксировать принятое по результатам «беседы» решение: исключить из РКП(б), вынести выговор или считать проверенным.

Описанный в инструкции механизм индивидуальной проверки членов и кандидатов в члены партии в целом почти не отличался от порядка проведения, например, генеральной чистки РКП(б). Однако далее в документе был сделан ряд оговорок, предполагавших максимально осторожное отношение к проверяемым. В частности, предлагалось не уделять «исключительного внимания политической малограмотности того или другого члена партии», не считать хозобрастанием «поднятие своего хозяйства личным трудом и без эксплуатации наемных рабочих», а при проверке крестьянок учитывать «семейно-бытовые условия, не дающие возможности им часто выполнять партобязанности». Исключение из партии рекомендовалось использовать только как крайнюю меру в случае, если коммунист «окончательно разложился», «поддерживает корыстную или идейную связь с кулацкими элементами», «совершил растрату государственных или общественных денег», «своими действиями подрывает авторитет партии и власти». Тем самым инструкция предлагала некую условную классификацию качеств и поступков на допустимые и недопустимые, руководствуясь которой, комиссии должны были избежать поголовного исключения крестьян из РКП(б). Главным итогом проверки, в соответствии с инструкцией, должно было стать не столько очищение парторганизаций от нежелательного элемента, сколько подготовка комиссиями письменных заключений, содержащих оценку текущего состояния деревенских ячеек и практические предложения по улучшению их работы [13].

Вскоре после публикации инструкции проверка деревенских ячеек началась в девяти губернских организациях РКП(б): Астраханской, Вятской, Вологодской, Вотской, Нижегородской, Оренбургской, Пензенской, Приморской и Ульяновской. Оперативность, с которой партийное руководство перечисленных губерний приступило к проведению кампании, была обусловлена, прежде всего, небольшим количеством ячеек, запланированных к проверке, что позволяло начать ее без специальной санкции ЦК и ЦКК РКП(б)[11].

В Сибири процесс подготовки к проведению кампании несколько затянулся. Одной из причин такой задержки стала специфика сибирской партийной организации, к концу 1925 г. состоявшей примерно из 62,6 тыс. членов и кандидатов в члены РКП(б). Все они были объединены в 2960 коммунистических ячеек, в том числе 2103 – деревенских, 449 – рабочих, 355 – различных учреждений, 22 – военных, 21 – гражданских учебных заведений и 10 прочих. Таким образом, в Сибири доля деревенских ячеек по отношению к общему числу ячеек всех типов составляла 71,0 %, что было почти в 1,5 раза больше, чем по РКП(б) в целом. Средняя численность деревенских ячеек в Сибири также отличалась от всесоюзных показателей: на 1 января 1926 г. в 2103 ячейках насчитывалось 26 197 членов и кандидатов в члены ВКП(б), т.е. около 12,5 чел. на одну ячейку[12]. Соответственно для Сибири проверка деревенских партийных организаций объективно имела гораздо более важное значение, чем для большинства губерний Центральной России.

Осознававшая данный факт Сибирская краевая контрольная комиссия РКП(б) наметила к проверке 365 деревенских ячеек, в которых состояло около 4,3 тыс. членов и кандидатов в члены партии[13]. Это было почти в 3 раза больше, чем в девяти вышеназванных губернских организациях вместе взятых, но одновременно не превышало даже шестой части всех деревенских ячеек Сибири. Следовательно, формально партийному руководству Сибири для начала проверки не требовалось специальной санкции ЦК и ЦКК. Однако необходимость в дополнительных финансовых

[10] ГАНО. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 49. Л. 18–20.

[11] ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 27. Д. 531. Л. 178–179.

[12] Сибпарторганизация в цифрах (статистический сборник). Новосибирск, 1927. С. 4, 6.

[13] ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1748. Л. 200.

ресурсах для проведения кампании побудила СибКК обратиться в вышестоящую инстанцию. Рассмотрев поступивший запрос, ЦКК внесла в него существенные коррективы, утвердив к проверке только 120 ячеек[14]. Президиум СибКК посчитал данное количество недостаточным и, несмотря на решение ЦКК, запланировал проверить 161 ячейку «из наиболее больных»[15].

ПЕРВЫЙ ЭТАП ПРОВЕРКИ

Непосредственным сигналом к началу проверки деревенских ячеек в Сибири стало решение состоявшейся в Новониколаевске 27 ноября – 2 декабря 1925 г. второй Сибирской краевой партийной конференции. Так, в резолюции по докладу Сибирской краевой контрольной комиссии РКП(б) была поставлена задача «провести частичную проверку сельячеек и отдельных районов [там], где сказывается наличие разложившихся и оторвавшихся от партии элементов»[16]. Через несколько дней после окончания партконференции, 9 декабря 1925 г., бюро Сибирского краевого комитета РКП(б), являвшееся высшим партийным органом в Сибири, постановило «считать возможным начать проверку сельпарторганизаций немедленно»[17].

Сделать это было решено в два этапа. На первом планировалось проверить 95 ячеек восьми партийных организаций Сибири: по 20 – в Омском округе и Иркутской губернии, 15 – в Каменском округе, по 10 – в Бийском и Рубцовском округах, а также в Бурят-Монгольской Республике, по 5 – в Хакасском округе и Ойротской автономной области. По предварительным подсчетам в этих ячейках состояли в общей сложности около 1,3 тыс. членов и кандидатов в члены партии[18].

Для осуществления кампании в соответствующих парторганизациях были созданы восемь проверочных комиссий под председательством членов или уполномоченных СибКК, трое из которых одновременно возглавляли губернские и областные контрольные комиссии, а пятеро были специально откомандированы из Новониколаевска на места. Общее руководство проверкой деревенских ячеек в Сибири осуществляла партколлегия СибКК.

К середине мая 1926 г. Сибирская краевая контрольная комиссия ВКП(б) получила сведения о результатах проверки по всем вышеназванным партийным организациям, кроме Иркутской. По плану на них приходилось 75 ячеек, тогда как реально оказались проверены только 62: 11 – в Бурят-Монгольской Республике, по 10 – в Каменском, Омском и Рубцовском округах, девять – в Бийском округе, восемь – в Ойротской области и четыре – в Хакасском округе[19]. Сопоставление приведенных цифр с плановыми показателями свидетельствует о том, что во всех округах, за исключением Рубцовского, работа была проведена не в полном объеме. В то же время в Бурят-Монголии и Ойротии, партийные организации которых в значительной мере состояли из национальных меньшинств, по решению местных комиссий было проверено на четыре ячейки больше, чем намечалось изначально.

В общей сложности по семи партийным организациям проверке подверглись 846 членов и кандидатов в члены ВКП(б), т.е. почти в 1,5 раза меньше, чем было запланировано. Из них 125 чел., или 14,8 %, по итогам кампании были исключены из партии: 116 окончательно и 9 чел. – на срок, установленный проверочными комиссиями. Причем 66 из них уже имели партвзыскания. Основными причинами исключений, по данным СибКК, стали пьянство (68 чел.) и нарушения партийной дисциплины (30 чел.), на третьем месте (13 чел.) оказались уголовные преступления, включая спекуляцию. Пять человек были исключены за хозяйственное обрастание, четверо – за нарушение коммунистической этики, двое – за склоку и по одному – за преступление по должности, принадлежность к чуждому элементу и за связь с ним.

Еще 149 членов и кандидатов в члены ВКП(б) по итогам проверки получили выговоры за различные проступки: 82 – за пьянство, 50 – за нарушение партийной дисциплины, 10 – за нарушение коммунистической этики, трое – за халатное отношение к служебным обязанностям, двое – за религиозные обряды, по одному за хозобрастание и связь с чуждым элементом[20]. Приведенная статистка свидетельствует о том, что проверочные комиссии четко следовали полученным инструкциям, почти не применяя партийные взыскания за политическую неграмотность и поведение, противоречившее коммунистическому образу жизни, но все еще широко распространенное в крестьянской среде.

Вместе с тем в ряде ячеек в ходе проверки обнаружились члены и кандидаты в члены партии, изъявившие желание добровольно выйти из ее рядов или признанные механически выбывшими из-за того, что продолжительное время не платили членские взносы. Как правило, это были малограмотные крестьяне, большую часть времени занятые сельскохозяйственным трудом, не знавшие Программы и Устава ВКП(б) и тяготившиеся партийными обязанностями. На первом этапе проверочные комиссии не вели специального учета покинувших партию таким путем, однако данные факты нашли отражение в отчетах и докладах об их деятельности.

Информация о результатах частичной проверки деревенских ячеек в Сибири была обобщена в пространном докладе, с которым секретарь партколлегии СибКК М.И. Ковалев 29 мая 1926 г. выступил на заседании бюро Сибкрайкома ВКП(б)[21]. Сообщив об итогах индивидуальной проверки членов и кандидатов в члены ВКП(б), М.И. Ковалев заявил о том, что

---

[14] ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 27. Д. 531. Л. 179.
[15] ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1748. Л. 200.
[16] Там же. Оп. 7. Д. 20. Л. 2.
[17] Там же. Оп. 4. Д. 6. Л. 7.
[18] Там же. Л. 201.
[19] Там же. Оп. 1. Д. 1748. Л. 212.
[20] Там же. Л. 228–229.
[21] Там же. Оп. 4. Д. 8. Л. 151–152 об.

в большинстве проверенных ячеек фактически отсутствовала партийная работа, но при этом имели место различные болезненные явления и круговая порука. Кроме того, в докладе были отмечены негативные стороны в деятельности некоторых проверочных комиссий. Например, говорилось, что в ряде случаев протоколы заседаний комиссий либо были некорректно заполнены, либо вовсе отсутствовали, а в Хакасском округе проверка оказалась фактически сведена к выяснению уровня политической грамотности коммунистов. Нежелательным явлением было признано также недостаточное освещение кампании в краевой и местной периодической печати[22]. Так, в краевой газете «Советская Сибирь» первая публикация, специально посвященная проверке деревенских ячеек, вышла только 31 марта 1926 г., т.е. спустя почти пять месяцев с начала кампании[23]. Тем не менее М.И. Ковалев заключил, что в целом проведенная проверка имела положительные результаты, и обратил особое внимание на тот факт, что комиссии на местах давали ячейкам практические указания о том, как в дальнейшем построить их работу[24].

Еще один доклад о предварительных итогах частичной проверки деревенских ячеек ВКП(б) был заслушан 3 июня 1926 г. на очередном пленуме Сибирской краевой контрольной комиссии ВКП(б). Озвученные в ходе заседания тезисы и выводы в основном совпадали с положениями доклада М.И. Ковалева, заслушанного несколькими днями ранее. Наиболее существенное отличие заключалось в том, что к началу июня СибКК получила недостающие сведения из Иркутской губернии, благодаря чему было подсчитано, что за январь – май 1926 г. в Сибири проверку прошли 83 ячейки общей численностью 1109 чел.[25]

По итогам доклада пленум СибКК принял резолюцию, в которой констатировал своевременность и положительные результаты кампании. Так, в документе утверждалось, что в ходе проверки «ячейки значительно очистились от явно разложившегося и чуждого элемента (пьяниц, растратчиков, хулиганов)», благодаря чему были созданы благоприятные условия для принятия в партию новых членов, улучшения дальнейшей работы деревенских парторганизаций и поднятия их авторитета среди беспартийных крестьян. На этом основании пленум СибКК принял решение продолжить кампанию, поручив своему президиуму определить сроки второго этапа проверки и подготовить список новых ячеек, подлежавших ей[26].

ВТОРОЙ ЭТАП ПРОВЕРКИ

Изначально принятое партийным руководством Сибири решение провести кампанию в два этапа, сделав между ними определенный перерыв, было обусловлено несколькими обстоятельствами. Во-первых, это позволяло проанализировать, обобщить и учесть практический опыт. Во-вторых, по данным СибКК, от 70 до 80 % членов деревенских ячеек являлись крестьянами, непосредственно занятыми в сельском хозяйстве, что существенно затрудняло проведение кампании в летне-осенний период. В-третьих, ответственные работники в летние месяцы, как правило, находились в отпусках, из-за чего сложнее было укомплектовать проверочные комиссии и обеспечить их интенсивную работу.

Поэтому к подготовке и проведению второго этапа кампании партийное руководство Сибири вновь приступило только осенью. 16 ноября 1926 г. бюро Сибкрайкома ВКП(б) постановило утвердить письмо об организации проверки деревенских ячеек, адресованное окружным контрольным комиссиям и окружкомам ВКП(б), а также поручило организационно-распределительному отделу Сибкрайкома совместно с СибКК разработать новый план проведения кампании.

В конце декабря 1926 г. в журнале «Известия Сибкрайкома ВКП(б)» была опубликована статья М.И. Ковалева, из которой следовало, что с ноября 1926 по март 1927 г. Сибирская краевая контрольная комиссия запланировала проверить еще 80 сельских ячеек в 11 округах Сибири. Кроме того, в тексте утверждалось, что СибКК приняла решение поручить проверочным комиссиям «уделять больше внимания практическим указаниям по проведению в жизнь директив партии» и «по возможности участвовать в практической работе ячеек, показывая на деле, как надо ставить работу». Особо акцентируя на этом внимание, М.И. Ковалев от имени СибКК стремился донести как до проверочных комиссий, так и до сельских ячеек, что главная задача кампании заключалась не в вычищении крестьян из ВКП(б), а в том, чтобы «наладить плодотворную здоровую работу» в деревенских парторганизациях [14].

Одной из первых к проведению проверки приступила минусинская окружная партийная организаций. За период с 9 декабря 1926 по 21 января 1927 г. в Минусинском округе были обследованы пять ячеек общей численностью 43 члена и кандидата в члены ВКП(б). В том числе проверке подверглись 13 чел. в Березовской, 11 – в Шушенской, 7 – в Белоярской и по 6 чел. – в Средне-Шушенской и Шунерской ячейках[27]. В ходе кампании было установлено, что с 1920 по 1926 г. численность почти всех названных ячеек, несмотря на колебания, в основном сокращалась. Констатировав наличие беспартийного актива, проверочная комиссия объяснила выявленную тенденцию отсутствием целенаправленной работы по его вовлечению в РКП(б)–ВКП(б).

Комиссия также пришла к выводу о том, что ни сами ячейки, ни райкомы партии, которым они были подотчетны, не уделяли «достаточного внимания борь-

---

[22] ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 8. Л. 152.

[23] Как проверять сельячейки ВКП // Советская Сибирь. 1926. 31 марта.

[24] ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 8. Л. 152.

[25] Там же. Оп. 1. Д. 1748. Л. 244.

[26] Там же. Л. 248–250.

[27] Там же. Д. 1304. Л. 1.

бе с болезненными явлениями»[28]. В результате из 43 членов и кандидатов в члены ВКП(б) успешно прошли проверку только 17 чел., трое были признаны механически выбывшими, а дела еще двоих переданы на рассмотрение в окружную контрольную комиссию. Остальные подверглись различного рода взысканиям: 12 чел. получили простые или строгие выговоры, семеро были исключены из ВКП(б) и двое «поставлены на вид»[29].

В соответствии с установкой, данной СибКК, почти половину заключения проверочной комиссии (7 из 16 пунктов) составили практические предложения по улучшению состояния деревенских ячеек. Последним было рекомендовано организовать работу по вовлечению в ВКП(б) наиболее активных крестьян и «наладить партпросвещение», организовав в ячейках совместное чтение газет и коллективный разбор решений съездов и конференций ВКП(б). От райкомов партии комиссия потребовала больше внимания уделять инструктированию ячеек с учетом их особенностей, а также организовать «предупредительно-воспитательную работу» с целью «изживания болезненных явлений»[30].

В целом учет опыта, полученного проверочными комиссиями в январе – мае 1926 г., благоприятно сказался на втором этапе кампании. С ноября 1926 по март 1927 г. вместо 80 запланированных было проверено 97 деревенских ячеек, в которых к началу проверки состояли 677 членов и 464 кандидата в члены ВКП(б). Из них, т.е. из 1141 чел., 466 оказались подвергнуты различным взысканиям: 220 – исключены из ВКП(б), 158 – получили выговоры, 88 – «поставлены на вид». Еще 59 чел. в ходе проверки вышли из партии добровольно или были признаны механически выбывшими. То есть успешно проверку прошли только 616 чел., или 54,5 % от всего состава обследованных ячеек.

Наиболее распространенными проступками, как и на первом этапе проверки деревенских парторганизаций, оказались пьянство (174 чел.), нарушения партийной дисциплины (149 чел.) и коммунистической этики (29 чел.). Таким образом, только по этим трем мотивам к партийной ответственности были привлечены в общей сложности 352 чел., т.е. 75,5 % от всех получивших партвзыскания. Отдельно в статистике на этот раз были зафиксированы члены и кандидаты в члены ВКП(б), занимавшиеся самогоноварением (32 чел.). Поскольку среди подвергшихся проверке служащими являлись не более 20 %, количество «болезненных явлений», связанных с занятием той или иной должности, закономерно было невелико: только 14 чел. подверглись взысканиям за растраты, 12 – за халатное отношение к служебным обязанностям и 9 – за участие в склоках. Единицы были признаны чуждым элементом, уличены в исполнении религиозных обрядов, хозяйственном обрастании [15, с. 22–23].

ИТОГИ ПРОВЕРКИ

Суммарно за всю кампанию в Сибири были обследованы 180 ячеек, т.е. примерно 8,6 % всех деревенских ячеек края, учтенных на начало 1926 г. Этот факт позволяет сделать, по меньшей мере, два промежуточных вывода. Первый заключается в том, что к концу проверки комиссиям удалось не только выполнить, но даже превзойти утвержденный СибКК план. Второй и не менее важный вывод сводится к тому, что в Сибири, традиционно считавшейся крестьянским регионом, кампания, тем не менее, была проведена в том же масштабе, что и по ВКП(б) в целом, поскольку 1216 ячеек, о проверке которых говорилось в советской историографии, составляли примерно 8,8 % всех деревенских ячеек партии.

Из 2250 членов и кандидатов в члены ВКП(б), числившихся в подвергшихся проверке в 180 ячейках, 345 чел. были исключены из партии и, как минимум, 60 покинули ее добровольно или механически. То есть в результате кампании общая численность проверенных деревенских организаций сократилась до 1845 чел., а средняя – до 10,3 чел. на одну ячейку. Однако в масштабах сибирской партийной организации назвать эту убыль значительной нельзя: только за 1926 г. из рядов ВКП(б) в Сибири по разным причинам выбыли 3088 чел.[31] – примерно в 7,5 раз больше, чем в результате проверки деревенских ячеек. Общая численность сибпарторганизации при этом продолжала расти, достигнув к 1 января 1927 г. 71,8 тыс. чел.[32] Обратная тенденция была зафиксировала только с января по март 1927 г., когда суммарное количество членов и кандидатов в члены партии в Сибири сократилось до 71,2 тыс.[33] Но, согласно официальной статистике, главной причиной такого спада стала не проверка деревенских ячеек, а проведенная в январе 1927 г. Всесоюзная партийная перепись[34].

Анализ количественных результатов кампании еще раз подтверждает, что ее важнейшей задачей являлось не исключение из партии политически слабых и разложившихся коммунистов, а прежде всего общая оценка деятельности ячеек и выработка конкретных рекомендаций по устранению выявленных недостатков. В очередной статье, опубликованной в «Известях Сибкрайкома ВКП(б)» в мае 1927 г., М.И. Ковалев оценил проверку деревенских ячеек в Сибири как полезную работу, давшую «большой толчок к тому, как надо бороться <…>, изживать болезненные явления и налаживать общую работу ячейки» [15, с. 25].

К аналогичным выводам пришел состоявшийся 5–8 июня 1927 г. второй пленум Сибирской краевой контрольной комиссией ВКП(б). С докладом «О результатах проверки деревенских ячеек ВКП(б)» на нем вновь выступил М.И. Ковалев. Он констатировал, что в ряде ячеек директивы партии не только не выполня-

[28] ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1304. Л. 46.
[29] Там же. Л. 7 об.
[30] Там же. Л. 46 об.
[31] Подсчитано по: Сибпарторганизация в цифрах. С. 21–22.
[32] ВКП(б) в цифрах. М.; Л., 1927. Вып. 7. С. 4.
[33] Там же. С. 33.
[34] Сибпарторганизация в цифрах. 1927. С. 6.

лись, но даже не рассматривались. В качестве наиболее курьезного примера докладчик привел случай, произошедший в одной из ячеек Омского округа, где официальными письмами, полученными от вышестоящих партийных инстанций, включая СибКК, «покрывались крынки с молоком»[35]. Среди наиболее распространенных недостатков работы деревенских парторганизаций в докладе были отмечены также отсутствие авторитета ячеек среди беспартийного крестьянства, низкий уровень общей и политической грамотности членов и кандидатов в члены ВКП(б), наличие различных болезненных явлений, включая самогоноварение и пьянство. Тем не менее, главный вывод Сибирской краевой контрольной комиссии, озвученный М.И. Ковалевым, сводился к тому, что, несмотря на наличие многочисленных проблем, назвать проверенные ячейки окончательно разложившимися и не способными в дальнейшем «руководить общественной и культурной жизнью» в деревне нельзя[36].

По результатам заслушанного доклада пленум Сибирской краевой контрольной комиссии постановил считать работу по проверке деревенских ячеек в Сибири оконченной. Окружным контрольным комиссиям, окружкомам и райкомам ВКП(б) было поручено изучить материалы проверки и использовать их «в своей практической работе в области постановки работы на селе», а также взять под контроль проведение в жизнь рекомендаций и предложений, данных ячейкам проверочными комиссиями[37]. 24 июня 1927 г. все перечисленные решения СибКК были утверждены секретариатом Сибкрайкома ВКП(б)[38], что ознаменовало официальное завершение уже не только второго этапа, но и всей кампании в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведение проверки деревенских ячеек в Сибири осуществлялось в русле общесоюзной кампании. Ее основные цели, принципы и механизмы определялись совместным постановлением ЦК и ЦКК ВКП(б) от 22 июня 1925 г., а количественные результаты соответствовали масштабам проверки по ВКП(б) в целом. В то же время кампания имела свою региональную специфику. Во-первых, она началась позже, чем в ряде других регионов, и проводилась в два самостоятельных этапа. Во-вторых, ключевую роль в ее проведении сыграла краевая контрольная комиссия, что напрямую не предусматривалось ни вышеупомянутым постановлением, ни опубликованной в ноябре 1925 г. инструкцией ЦК. Именно СибКК составляла планы проведения кампании в Сибири, назначала своих членов председателями проверочных комиссий, утверждала сначала их состав, а затем отчеты о проделанной работе. Во многом благодаря такой адаптации директив высшего партийного руководства к местным условиям проверочным комиссиям удалось выполнить поставленные перед ними задачи.

Проверка деревенских ячеек в Сибири проводилась выборочно, как того требовали ЦК и ЦКК, а исключение крестьян из ВКП(б) применялось только в крайнем случае, благодаря чему кампания не оказала существенного влияния на численность сибирской парторганизации. В отличие от партийных чисток, проводившихся в предыдущие годы и часто нацеленных на борьбу с внутрипартийной оппозицией, данная проверка и формально, и фактически была направлена, прежде всего, на нормализацию работы деревенских ячеек. Сама по себе проверка 8,6 % всех деревенских ячеек Сибири не могла существенно улучшить состояние сибирской парторганизации, однако выявление наиболее распространенных проблем было неотъемлемым условием для формирования у краевого руководства адекватного представления о позициях правящей партии в деревне и, следовательно, одной из предпосылок для ее дальнейшего укрепления.

[35] ГАНО. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 466. Л. 71.
[36] Там же. Л. 72.
[37] Там же. Л. 79.
[38] Там же. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 16. Л. 124.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. XV съезд ВКП(б): стеногр. отчет. М., 1962. Ч. 2. 1722 с.

2. *Куперт Ю.В.* Руководство коммунистической партии общественно-политической жизнью западносибирской деревни в условиях социалистической реконструкции. Томск, 1981. 412 с.

3. *Авторханов А.* Технология власти. М., 1991. 638 с.

4. *Павлюченков С.А.* «Орден меченосцев». Партия и власть после революции (1917–1929). М., 2008. 463 с.

5. *Гузаров В.Н.* Чистка РКП(б) в Томской губернии: 1920–1923 гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 379. С. 120–126.

6. *Анфертьев И.А.* Политическая биография правящей РКП(б)–ВКП(б) в 1920–1930-е годы: критический анализ. М., 2018. 323 с.

7. *Морозова Т.И., Шишкин В.И.* «Политику внутри партии… я считаю началом растрачивания ленинского наследства». Переписка Е.М. Ярославского и Е.А. Преображенского о чистке непроизводственных ячеек РКП(б) 1924 г. // Исторический архив. М., 2016. № 5. С. 97–106.

8. *Шишкин В.И.*, *Пивоваров Н.Ю.* Генеральная чистка РКП(б) 1921 года как инструмент социального регулирования в Советской России // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. 2015. Сер.: История, филология. Т. 14, вып. 8: История. С. 118–150.

9. *Сафронова Ю.А.* Всероссийская перерегистрация членов РКП(б) в Сибири (осень 1920 – весна 1921 г.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. М., 2016. С. 149–157.

10. XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). М.; Л., 1926. 1026 с.

11. Четырнадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков): стеногр. отчет. М.;Л., 1925. 335 с.

12. О порядке проведения проверки деревенских парторганизаций // Изв. ЦК РКП(б). М., 1925. № 24. С. 1–2.

13. Инструкция «О порядке проведения проверки деревенских партийных организаций» // Изв. ЦК РКП(б). М., 1925. № 45–46. С. 3–4.

14. О проверке деревенских ячеек // Изв. ЦК ВКП(б). М., 1926. № 11–12. С. 32–33.

15. *Ковалев М.И.* О проверке деревенских ячеек (по материалам СибКК) // Изв. Сибкрайкома ВКП(б). Новосибирск, 1927. № 5. С. 22–23.

REFERENCES

1. XV Congress of the AUCP(b): a verbatim report. Moscow, 1962, pt. 2, 1722 p. (In Russ.)

2. *Kupert Yu. V.* Leadership of the social and political life by the Communist Party at the West Siberian countryside under conditions of socialist reconstruction. Tomsk, 1981, 412 p. (In Russ.)

3. *Avtorkhanov A.* The technology of power. Moscow, 1991, 638 p. (In Russ.)

4. *Pavlyuchenkov S. A.* "Order of the Swordsmen". The party and government after the revolution (1917–1929). Moscow, 2008, 463 p. (In Russ.)

5. *Guzarov V. N.* Purge of the RCP(b) in Tomsk Province: 1920–1923. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta,* 2014, no. 379, pp. 120–126. (In Russ.)

6. *Anfertiev I. A.* Political biography of the ruling RCP(b)–VKP(b) in the 1920s – 1930s: a critical analysis. Moscow, 2018, 323 p. (In Russ.)

7. *Morozova T. I., Shishkin V. I.* "I consider the policy within the Party as the beginning of wasting Lenin's heritage". E. M. Yaroslavsky and E. A. Preobrazhensky correspondence about cleaning of RCP(b) non-productive cells of 1924. *Istoricheskiy arkhiv*, 2016, no. 5, pp. 97–106. (In Russ.)

8. *Shishkin V. I., Pivovarov N. Yu.* General cleansing of RCP(b) in 1921 as an instrument of social regulation in Soviet Russia. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya,* 2015, vol. 14, no. 8, pp. 118–150. (In Russ.)

9. *Safronova Yu. A.* All-Russian re-registration of members of RCP(b) in Siberia (autumn 1920 – spring 1921). *Aktual'nyye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh*. Moscow, 2016, pp. 149–157. (In Russ.)

10. XIV Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Moscow, Leningrad, 1926, 1026 p. (In Russ.)

11. The Fourteenth Conference of the Russian Communist Party (Bolsheviks): a verbatim report. Moscow, Leningrad, 1925, 335 p. (In Russ.)

12. About the procedure to carry on inspection of rural party organizations. *Izvestiya TsK RKP(b)*, 1925, no 24, pp. 1–2. (In Russ.)

13. Instructions "On the procedure to carry on inspection of rural party organizations". *Izvestiya TsK RKP(b)*, 1925, no 45/46, pp. 3–4. (In Russ.)

14. About checking rural party cells. *Izvestiya TsK VKP(b),* 1926, no. 11/12, pp. 32–33. (In Russ.)

15. *Kovalev M. I.* About inspection of rural party cells (based on materials from the Siberian Control Commission). *Izvestiya Sibkraykoma VKP(b)*, 1927, no. 5, pp. 22–23. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 31.08.2020
Дата рецензирования 07.09.2020
Статья принята к публикации 21.09.2020

DOI: 10.15372/HSS20200410
УДК 93/94:070.1:659.1

М.А. КЛИНОВА, А.В. ТРОФИМОВ

СОВЕТСКИЙ РЕКЛАМНЫЙ ДИСКУРС ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1950-х гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЛАКАТОВ И ПЕЧАТНЫХ СМИ)*

Уральский государственный экономический университет,
РФ, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной воли, д. 62/45

В статье предпринят анализ рекламы потребительских товаров первой половины 1950-х гг., направленный на реконструкцию презентуемых стандартов материального потребления, показана региональная специфика рекламного дискурса. В качестве источниковой базы использовались плакаты, девять периодических изданий (журналы, центральные, областные, городские газеты). Активизация рекламного дискурса в первой половине 1950-х гг., проявившаяся в расширении ассортимента рекламируемых товаров и активном обращении к маркетинговой риторике, была синхронна проводимым в стране ценовым снижениям. Реклама реализовывала информативную функцию, стимулировала покупательную активность потребителя, а также выполняла пропагандистскую задачу – декларировала идею о том, что трудности послевоенного восстановления остались позади.

Ключевые слова: потребительская реклама, рекламный плакат, периодические издания, СМИ, материальное потребление, визуальная реклама.

M. A. KLINOVA, A.V. TROFIMOV

SOVIET ADVERTISING DISCOURSE OF THE FIRST HALF OF THE 1950S (BASED ON POSTERS AND PRINT MEDIA)

Ural State University of Economics,
62/45, 8 Marta/Narodnoi voli str., Ekaterinburg, 620144, Russian Federation

The paper analyzes the advertising consumer goods in the first half of the 1950s aimed to reconstruct the presented standards of material consumption and identify regional specifics of the advertising discourse. Posters and nine periodicals published in various regions of the RSFSR (magazines, central, regional, and municipal newspapers) are research sources. To achieve the study objective, the authors used qualitative analysis methods that allow to identify the features of text and visual presentation of advertising stories. It reveals that activation of the advertising discourse in the early 1950s, manifested in the expansion of the range of advertised products and active appeal to marketing rhetoric, was synchronous with the price reductions carried out in the country. Advertising implemented an informative function (introducing new products to citizens), stimulated consumer purchasing activity (through positive visualization of material consumption images, appealing to marketing rhetoric), as well as performed a propaganda task declaring the idea that the difficulties of the post-war recovery were left behind. Advertising in the first half of the 1950s formed a fairly high standard of material consumption focused on the urban society representatives. The increasing volume and changing emphasis in Soviet consumer advertising in the early 1950s (synchronous with the ongoing decline in retail prices) indicates significant economic results of the recovery period, and the adjustment of social regulation mechanisms and the weakening of the "mobilization" regime in the country. In the first half of the 1950s there was demarginalization of consumption sectors, indicated by the course to form the Soviet consumers, without limiting their inquiries to the narrow range of things necessary for life, but seeking to satisfy a wide variety of needs.

Key words: consumer advertising, advertising poster, periodicals, mass media, material consumption, visual advertising.

---

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00216А «Визуальные стандарты образа жизни советского городского населения после мировых войн: компаративный анализ» (руководитель А.В. Трофимов)

Марина Александровна Клинова – канд. ист. наук, доцент, Уральский государственный экономический университет, e-mail: klinowa.m@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0725-4161

Marina A. Klinova – Candidate of Historical Sciences, docent, Ural State University of Economics.

Андрей Владимирович Трофимов – д-р. ист. наук, профессор, профессор кафедры, Уральский государственный экономический университет, e-mail: 2519612@rambler.ru, https://orcid.org/ 0000-0002-3419-6051

Andrey V. Trofimov – Doctor of Historical Science, Professor Department, Ural State University of Economics.

© Клинова, М.А. Трофимов А.В., 2020

ВВЕДЕНИЕ

Одним из маркеров, позволяющих выявить и измерить происходившие в первой половине 1950-х гг. изменения в уровне и качестве жизни населения, является советский рекламный дискурс. В отечественной историографии изучался феномен советской рекламы (ее видовая принадлежность, визуальная специфика, стилистика, эстетика, идеологическая ангажированность и пр.) 1920–1930-х гг. [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10] и второй половины 1950-х–1970-х гг. [11; 12; 13]. Исследователи обращались к анализу форм, особенностей текстовой и визуальной презентации рекламного плаката [1; 2; 14; 15], стилистической специфики газетного рекламного дискурса [16; 17; 18; 19; 20]. При этом советский рекламный дискурс первой половины 1950-х гг. рассматривался лишь в контексте текстовой специфики социальной и торговой рекламы второй половины 1940–1950-х гг. [21; 22].

В данной статье предпринят анализ рекламы потребительских товаров, представленной на плакатах, в отечественных газетах и журналах первой половины 1950-х гг., с целью реконструкции презентуемых стандартов материального потребления, выявления региональной специфики рекламного дискурса. В качестве источниковой базы использовались отечественные плакаты первой половины 1950-х гг., на которых рекламировались потребительские товары. Из периодических изданий изучались журналы «Огонек», «Крокодил», центральная газета «Труд»; областные газеты РСФСР: «Советская Сибирь» (г. Новосибирск), «Восточно-Сибирская правда» (г. Иркутск), «Уральский рабочий» (г. Свердловск), «Советский Сахалин» (г. Южно-Сахалинск), «Красный Север» (г. Вологда); городские газеты: «Тагильский рабочий» (г. Нижний Тагил, Свердловская обл.). Исследование базируется на методах качественного анализа, позволяющих выявить особенности текстовой и визуальной презентации рекламных сюжетов.

РЕКЛАМА В ПРЕССЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1950-х гг.

Проводимые в начале 1950-х гг. снижения цен презентовались в политическом дискурсе и материалах СМИ как мероприятия, направленные на улучшение жизни и материального благосостояния населения [23]. Изображение изобилующих товарами витрин становится своеобразным символом первой половины 1950-х гг., фиксируется в печатных СМИ данного периода. В первом выпуске «Огонька» 1950 г. помещен сюжет, на котором изображен покупатель, зашедший вместе с Новым годом в магазин, изобилующий разнообразными товарами, которые предлагают многочисленные продавцы: «До потолка товар по полкам разложен всюду с чувством с толком, и суетятся продавцы. У них приветливые лица – домой отсюда не спеши, поскольку здесь, как говориться, есть что угодно для души!» [24, с. 1].

Образы продовольственного изобилия играли кульминационную роль в сюжетах, посвященных ценовым снижениям 1950–1954 гг. На страницах газет в контексте фоторепортажей помещались фотографии прилавков магазинов, заполненных товарами[1]. В сюжетах «Крокодила» визуальная презентация товарного изобилия – следствия снижения цен, приобретает гипертрофированную форму: сумки покупателей не закрываются от избытка накупленных товаров, авоськи набиты коробками, батонами, пакетами и бутылками и пр., дети и счастливые родители несут товары в руках и подмышками, а по эскалаторам метро едут огромные рыбы, колбасы и бутылки с молоком [25, с. 2; 26, с. 3] (рис. 1). В опубликованном в «Крокодиле» стихотворении В. Дыховичного и М. Слободского «1 марта в магазине “Гастроном”» (1951 г.) представлен покупательский ажиотаж первых дней ценовых снижений: «Очень тесно у прилавка: первый день сниженья цен. … Каждый тянется к витрине: – Как понизили творог? – Что видать на осетрине! – Сколько скинули с миног? … Кто-то тут же на записке, для удобства встав к окну, множит сало на сосиски и муку на ветчину» [27, с. 2]. Другой сюжет издания повествует о предпраздничном дне в магазине: «А что творится в магазинах! Товаров много, но покупателей ещё больше. Покупают к празднику всё: от куклы до радиолы. Толчея у прилавков адская, продавцы сбиваются с ног» [28, с. 10].

Функцию стимуляции практик материального потребления горожан выполнял и рекламный дискурс СМИ 1950-х гг. На страницах газет и журналов значительно увеличилось количество объявлений рекламного характера. Читателям сообщалось о выставках-продажах одежды и обуви[2], открытии новых магазинов, проведении предпраздничной базарной торговли: «Все на предмайский праздничный базар!»[3]. В текстах объявлений сообщалось: «Все необходимые для вас товары вы можете приобрести на рынках города»[4]; «Имеется в продаже обширный ассортимент товаров» и т.п.[5] (рис. 2).

Ассортимент рекламируемых товаров и услуг был достаточно разнообразен. Рекламировались такие продовольственные товары, как пельмени, мороженое, шампанское, икра, шоколад, мясные и рыбные изделия и т.п. На страницах газет публиковались подробные описания рекламируемых продуктов, презентуемых в первую очередь в качестве продуктов полезных

---

[1] В продовольственном магазине № 16 Пролетарского райпищеторга (Москва). Фото. Николаева К. // Труд. 1953. 1 апр. С. 2; Бакалейный отдел продуктового магазина № 5. Магазин открыт в 1950 г. торговым отделом рабочего снабжения Высокогорского железного рудника г. Нижний Тагил. // Тагильский рабочий. 1950. 13 июня. С. 4.

[2] Выставки-продажи // Уральский рабочий. 1953. 1 апр. С. 2.

[3] Тагильский рабочий. 1950. 15 апр. С. 4.

[4] Советская Сибирь. 1954. 25 апр. С.4; 1955. 1 марта. С. 4; 23 марта. С. 4.

[5] Там же. С. 4.

Рис. 1. Восточно-Сибирская правда. 1953. 1 нояб. С. 4.
Fig. 1. Vostochno-Sibirskaya pravda, 1953. November 1, p. 4.

Рис. 2. Семенова Н. Предпраздничное оформление // Крокодил. 1953. № 10. С. 2.
Fig. 2. Semenova N. Pre-Holiday design. Krokodil. 1953, no. 10, p. 2.

и питательных[6]. В рекламе мороженого сообщалось: «Мороженое имеет большую пищевую ценность благодаря входящим в его состав: молочного жира, белков, углеводов и минеральных солей. В мороженом имеются витамины А, В, С и Д»[7]. В рекламных объявлениях продовольственных товаров часто фигурировали полу-

[6] Восточно-Сибирская правда. 1952. 1 окт.

[7] Там же. С. 4.

фабрикаты, призванные экономить время трудящихся, затрачиваемое на приготовление пищи. Реклама пельменей информировала потребителей: «В несколько минут можно приготовить вкусный, питательный завтрак, обед и ужин»[8].

Реклама первой половины 1950-х гг. апеллировала не только к «полезности» и «питательности» презентуемого продукта, но и к позитивным вкусовым и эмоциональным составляющим потребления, что определялось категориями *вкусно, приятно* и т.п. В объявлении, призывающем: «Покупайте детскую питательную муку!», сообщалась следующая информация о данном продукте: «Детская питательная мука вырабатывается из отборных продуктов – пшеничной муки высшего сорта, яиц, молока, сливочного масла, сахарной пудры. Детская мука более питательна, чем манная крупа. В 100 граммах муки содержится свыше 400 калорий. … Детская питательная мука является хорошим продуктом диетического питания. … Блюда, приготовленные из детской муки, вкусны и приятны»[9]. В рекламе новых продовольственных товаров, еще не знакомых потребителям, конкретизировались их свойства относительно уже известных образцов, детализировались способы их употребления: «Пшеничные и кукурузные хлопья – вкусный и питательный продукт. Ароматные воздушные хлопья напоминают вафли. Они хороши с молоком, сметаной, сливками, простоквашей, кофе, чаем, киселем. Хлопья также заменяют гренки к бульонам и супам. Калорийность хлопьев в полтора раза превышает калорийность хлеба»[10].

Рекламные объявления, призывающие граждан отметить праздник в ресторане, чаще всего сопровождались изображениями, визуализирующими практики потребления. В графических сюжетах показаны сидящие за изобильно сервированными столами горожане, танцующие пары, либо просто праздничный ассортимент деликатесных продуктов, непременной частью которого являлось шампанское. В рекламных объявлениях магазинов наряду с товарами изображались улыбающиеся продавцы, приглашающие покупателей к витринам, заполненным продуктами. На страницах газет публиковались объявления, рекламирующие практику заказов блюд к праздничному столу и обедов на дом: «Кухня отпуска обедов на дом ... принимает предварительные заказы на изготовление: мясных и рыбных пельменей, фаршированной и заливной рыба, свиных окороков, мясных и рыбных полуфабрикатов, тортов»[11].

Среди непродовольственных товаров в газетных рекламных сюжетах фигурировали мебель, посуда, краски и лаки для мебели и помещений[12], парфюмерия, сумки[13], скобяные изделия[14], музыкальные инструменты[15], одежда, обувь[16], часы и пр. Так, газета «Советская Сибирь» в 1950 г. информировала читателей: «магазин … имеет в продаже швейные машины ручные и ножные “Экстра”. Большой выбор часов»[17]. В 1954 г. на страницах этой же газеты было опубликовано объявление: «в Центральный универмаг поступил в продажу линкруст (стеновой) разных рисунков для оклейки квартир и кабинетов»[18]. Рекламировались в газетах и более дорогостоящие товары. В 1950-м г. «Восточно-Сибирская правда» сообщала: «“Глававтотракторосбыт” имеет в продаже для населения автомобили марки “Москвич” и “Победа”».[19] «Советская Сибирь» рекламировала «творческие работы сибирских художников, предназначенные для индивидуальных покупателей»[20], в издании «Советский Сахалин» трудящимся предлагалось приобрести «работы художников, представленные на итоговой выставке»[21].

На страницах газет появляется реклама новых для советского массового потребителя непродовольственных товаров. В газете «Восточно-Сибирская правда» (1955 г.) была помещена реклама электрических пылесосов и полотеров: «Значительно облегчают труд, просты в обращении, экономичны»[22]. Конкретизировались практики использования пылесоса: «С помощью пылесоса можно легко и быстро очистить от пыли комнату, ковры, мебель, одежду, меха. Универсальный пылесос, кроме того, позволяет увлажнить воздух, покрывать лаком и краской мебель, стены, потолки, опрыскивать растения»[23]. Рекламный текст дополняли графические изображения пылесоса и полотера, а также улыбающейся женщины в фартуке, пылесосящей тахту. Газета «Советская Сибирь» (1952 г.) информировала читателей о том, что «поступили в продажу домашние автоматические электрохолодильники ЗиС-Москва»[24]. В объявлении, сопровождавшемся фотографиями закрытого холодильника и холодильника, наполненного продуктами, приводилось его описание: «Электрохолодильник предназначается для сохранения путем искусственного охлаждения скоропортящихся пищевых продуктов и приготовления пищевого льда»[25].

В первой половине 1950-х гг. на страницах газет появляются рекламные сюжеты, призывающие граждан приобрести подарки к празднику. В одном из объ-

[8] Восточно-Сибирская правда. 1952. 15 авг. С. 4.
[9] Советская Сибирь. 1954. 10 февр. С. 4.
[10] Восточно-Сибирская правда. 1954. 1 апр. С. 4.
[11] Советский Сахалин. 1956. 28 дек. С. 4.
[12] Советская Сибирь. 1950. 15 марта. С. 4; 1 апр. С. 4.
[13] Там же. 1955. 18 марта. С. 4.
[14] Там же. 1955. 18 февр. С. 4.
[15] Там же. 1950. 1 апр. С. 4.
[16] Труд. 1953. 2 апр. С. 4.
[17] Советская Сибирь. 1950. 1 февр. С. 4.
[18] Там же. 1954. 20 июля. С.4.
[19] Восточно-Сибирская правда. 1950. 16 мая. С. 4.
[20] Советская Сибирь. 1954. 1 мая. С. 4.
[21] Советский Сахалин. 1956. 14 янв. С. 4.
[22] Восточно-Сибирская правда. 1955. 16 марта. С. 4.
[23] Там же.
[24] Советская Сибирь. 1952. 1 февр. С. 4.
[25] Там же.

явлений напоминалось: «Не забудьте купить подарки к международному женскому дню», перечислялся ассортимент товаров: «сюрпризные коробки с наборами парфюмерии, духи, одеколон, пудра. Высшего качества: нарядные шелковые косынки, платки, шарфы, … ювелирные изделия, ... посуда, отрезы шелковых тканей на платье, долгоиграющие пластинки»[26]. Ассортимент новогодних подарков, визуализируемых на страницах газет 1950-х гг., был представлен изображениями ваз, шкатулок, статуэток, разнообразных ювелирных изделий (часов, браслетов, колец, запонок, бус).[27]

В первой половине 1950-х гг. значительно расширяется ассортимент услуг, рекламируемых на страницах прессы. Помимо услуг ателье и мастерских по ремонту обуви горожанам предлагалось: починить мотоциклы, электроплитки и электроутюги[28], громкоговорители, радиоприемники[29], мебель[30], швейные и пишущие машины[31], поступить на курсы по изучению иностранных языков[32], сделать ремонт в жилом помещении, изготовить плетеную мебель и корзины[33], предлагались услуги по перевозке грузов[34], «созданию оригинальных творческих произведений живописи, скульптуры и графики»[35].

В текстах газетных объявлений первой половины 1950-х гг. фиксируется использование маркетинговой риторики, призывающей *покупать*, *требовать*, *пробовать*, подчеркиваются эстетические характеристики товаров и приводится описание позитивных эмоциональных впечатлений потребителей.

В масштабах РСФСР в газетном рекламном дискурсе первой половины 1950-х гг. фиксируется определенная территориальная диспропорция – большее количество рекламных сюжетов (а также большее число графической рекламы) публиковалось в областных изданиях Урала и Сибири. В газетах «Красный Север» (г. Вологда) и «Советский Сахалин» (г. Южно-Сахалинск) давалось меньшее количество рекламных объявлений.

РЕКЛАМНЫЕ ПЛАКАТЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1950-х гг.

Агитация за потребление фиксируется в эстетике советского рекламного плаката первой половины 1950-х гг. Как справедливо замечает И.А. Зайцева: «Советский плакат – это одновременно и произведение массового искусства, и особая культурная технология, целью которой было символическими средствами передать ценностные установки, модели мышления и поведения» [29, с. 67]. В рекламных плакатах актуализированы различные образы счастья-потребления советского человека, изображенного в разнообразных ситуациях. Образ семейного уюта и достатка был представлен улыбающейся со страниц плаката хозяйкой, которая изображалась склонившейся над полной кастрюлей сосисок или держащей в руках тарелку с пельменями. Голубоглазая дама, элегантно держащая в руке бокал шампанского, «обещала» расслабление и забвение всех забот, иллюстрируя образ счастья-потребления в формате романтического вечера. В рекламном плакате головных уборов от «Главунивермага» показана элегантная женщина в модной шляпе и мехах на фоне Большого театра. Напоминая скорее артистку, чем зрительницу, она презентовала не просто образ «культурного» времяпрепровождения в театре, а скорее, полное отчуждение от повседневной реальности и уход в другой, богемный мир. Плакат, где смеющаяся женщина фактически утопала в рулонах различных тканей, визуализировал счастье модницы, которая могла выбирать, а, быть может, уже владела всем этим тканевым изобилием. Мужчины были достаточно редкими героями рекламных плакатов, появляясь обычно в рекламе принадлежностей для бритья и сигарет.

Значительно чаще на советских рекламных плакатах первой половины 1950-х г. изображения людей отсутствовали, а внимание зрителей было акцентировано на презентации продукции. Многочисленные изображения разнообразных товаров на плакатах были не символичны, а детализированы, преувеличенно ярки и красочны. Плакаты призывали *пользоваться*, *пробовать*, *приобретать*, констатируя высокое качество товаров и гарантию «лучшего выбора»: «Майонез. Лучшая готовая приправа»[36], «Крабовые консервы. Вкусная нежная закуска»[37]; «Покупайте мороженое Главхладопрома»[38]; «Отличная закуска, питательная и вкусная» (рыбные консервы)[39]; «Чулки капрон. Красивы, прочны, гигиеничны»[40]; «Покупайте свежезамороженные овощи»[41] и др. Немаловажно отметить, что в развернувшейся в 1950-е гг. плакатной агитации за потребление деликатесные продукты и дорогостоящие непродовольственные товары занимали далеко не последнее место. Активно рекламировались шампанское, шоколадные конфеты, черная икра, крабы, осетрина и пр.

Безусловно, реклама была направлена на стимуляцию покупательской активности граждан, хотя многие товары были достаточно дороги для населения. В 1953 г. 1кг. свинины стоил 16,7 руб., сыра –

---

[26] Советская Сибирь. 1955. 5 марта. С. 4.

[27] Советский Сахалин. 1955. 29 дек. С. 4; 1956. 26 дек. С. 4.

[28] Красный Север. 1951. 10 янв. С. 4;

[29] Там же. 17 янв. С. 4.

[30] Советская Сибирь. 1954. 9 апр. С. 4.

[31] Там же. 1951. 15 февр. С. 4.

[32] Красный Север. 1951. 17 янв. С. 4; Советская Сибирь. 1951. 15 февр. С. 4.

[33] Советская Сибирь. 1954. 2 марта. С. 4.

[34] Советский Сахалин. 1951. 3 янв. С. 4.

[35] Советская Сибирь. 1954. 1 мая. С. 4.

[36] *Сахаров С.Г.* Майонез. Лучшая готовая приправа. 1952.

[37] *Неизвестный художник*. Крабовые консервы. Вкусная нежная закуска. 1951.

[38] *Сахаров С.Г.* Покупайте мороженое Главхладопрома. 1951.

[39] *Иогансон А.Б.* Отличная закуска, питательная и вкусная. Рыбные консервы, 1952.

[40] *Пименов В.В*. Чулки капрон. Красивы, прочны, гигиеничны. 1952.

[41] *Кузьмин А*. Покупайте свежезамороженные овощи. 1954.

36,9 руб., икры осетровой – 81 руб., костюм мужской шерстяной – 482 руб., сапоги мужские – 202 руб., швейная машина – 583 руб., автомобили «Победа» и «Москвич» 16 тыс. руб. и 9 тыс. руб. соответственно [30, с. 415, 416]. Заработная плата горожан была дифференцирована: работник общепита имел месячный оклад 447 руб., слесарь нефтебазы – 500 руб., рабочий предприятия цветной металлургии – 1343 руб. [25, с. 421]. В среднем по народному хозяйству зарплата составляла в 1951 г. – 661 руб., в 1952 г. – 674 руб., в 1953 г. – 684 руб., в 1955 г. – 711 руб.[42] Обращение к бюджетам рабочих РСФСР позволяет определить объем средств, расходуемых на приобретение товаров различных групп. В первой половине 1950-х гг. годовые расходы на питание в семьях рабочих сокращались с 42,2 % в 1950-х г. до 37 % в 1954 г., а расходы на покупку непродовольственных товаров росли, составив в 1950 г. 24,1 %, а в 1954 г. – 26,8 %.[43] Такая динамика расходов, безусловно, свидетельствует о росте уровня жизни рабочих. При переводе в натуральные величины картина бюджетных расходов семей рабочих в 1954 г. характеризовалась следующими показателями: на покупку одежды, ткани и обуви семьи рабочих РСФСР расходовали в среднем 3 625 руб. в год (а на приобретение продуктов – 6 812 руб.), на приобретение мебели и хозяйственных вещей – 446 руб., культтоваров – 394 руб.[44] Колхозники РСФСР тратили на приобретение непродовольственных товаров в 1954 г. еще меньше – 2282 руб. в год на семью в среднем[45]. В целом можно заключить, что рекламируемые товары (в первую очередь, деликатесы и дорогие непродовольственные изделия), несмотря на размах рекламных кампаний, не были востребованы широкими слоями советского социума. Сохранившиеся в большинстве регионов страны в первой половине 1950-х гг. проблемы дефицита продовольственных и промышленных товаров также негативно влияли на покупательную активность граждан.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, предпринятый анализ советского газетного и плакатного рекламного дискурса первой половины 1950-х гг. позволяет прийти к выводу о развернувшейся в данные годы агитационной кампании за потребление товаров, в том числе более качественных и достаточно дорогих. Выполняя экономическую функцию, реклама была направлена на увеличение товарооборота посредством стимуляции покупательной активности граждан. Превалирование в рекламных плакатах и объявлениях изображений деликатесов и дорогих непродовольственных изделий свидетельствовало также о том, что, несмотря на низкую покупательскую способность большинства населения, в стране существовала социальная дифференциация и задаваемый высокий стандарт материального потребления был ориентирован, в первую очередь, на городское население. Наконец, советская реклама товаров «премиум класса» преследовала пропагандистские цели, декларируя идею о том, что трудности послевоенного восстановления остались позади и советский социум уже полностью обеспечен всем необходимым, может позволить себе изыски и деликатесы.

Увеличение объема и изменение акцентов в советской потребительской рекламе первой половины 1950-х гг. (синхронное проводимым тогда снижениям розничных цен) свидетельствует о заметных экономических результатах восстановительного периода, а также о корректировке механизмов социального регулирования и ослаблении режима «мобилизационности» в стране. Фактически контент советской рекламы первой половине 1950-х гг. призван был подтвердить официальный тезис о том, что удовлетворение потребностей граждан является основной задачей социалистического государства. Происходит определенная демаргинализация сферы потребления, обозначается курс на формирование советского потребителя, не ограничивающего свои запросы хлебно-картофельным рационом и узким ассортиментом необходимых для жизни вещей, а стремящегося к максимальному удовлетворению самых разнообразных потребностей на пути экспериментов и знакомств с новинками отечественной легкой и пищевой промышленности. Важную роль в формировании образа советского потребителя играла реклама, призванная не только информировать покупателя, но и стимулировать его покупательную активность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Волобуева Т.* Советская реклама 1920–1930-х гг. // Рекламные технологии. 2006. № 4. С. 18–23.

2. *Виноградова К.В., Остапенко Е.Н.* Особенности советской плакатной рекламы в период нэпа (1921–1929 гг.) // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: мат-лы XXVIII Междунар. науч.-практ. конф. М., 2016. С. 85–90

3. *Журавель В.А.* Советский медиабаинг 1930–х гг. Из истории Внешторга СССР // Машиностроитель. 2007. № 6. С. 53–54.

4. *Конаныхин К. В.* Рекламный процесс в СССР в 30–е годы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2000. № 2. С. 49–55.

5. *Синова И.В.* Развитие советской торговой рекламы в период нэпа // Изв. СПб ун-та экономики и финансов. 1996. № 3. С. 145–150.

6. *Савельева О.О.* Советская реклама 20-х годов как средство агитации и пропаганды // Человек. 2006. № 2. С. 58–69.

7. *Савельева О.О.* Советская реклама 20-х годов как средство агитации и пропаганды // Человек. 2006. № 3. С. 140–147.

8. *Костылева А.Ю.* Функции визуальных образов в оформлении советской парфюмерии 1930-х годов // Общество. Наука. Инновации: мат-лы XIX Всерос. науч.-практ. конф. Киров, 2019. С. 460–472.

9. *Юсупова Р.Р.* Виды советской рекламы в годы нэпа // Казанская школа связей с общественностью. Казань, 2011. С. 195–200.

10. *Семенов Д.Ю.* Советская реклама эпохи нэпа: особенности стилистики и эстетики // Фотинские чтения. 2018. № 1. С. 453–456.

11. *Золотоносов М.* Эрзац–реклама на мини–постерах начала 1960–х годов: из цикла «Теория и практика социализма» // Новый мир искусства. 2001. № 1. С. 31–34.

[42] Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 113. Л. 161–161 об.

[43] Там же. Оп. 33. Д. 2260. Л. 23.

[44] Там же.

[45] Так же. Л. 160.

12. *Кутыркина Л.В., Кутянская К.И., Самойленко И.С*. Становление школы визуального мерчендайзинга и торговой рекламы в СССР в 50-60-е годы // Научный форум: экономика и менеджмент: мат-лы VI Междунар. заоч. науч.-практ. конф. М., 2017. С. 9–17.

13. *Шабашова Е.В*. Развитие советской торговой рекламы в 1960-е гг. в специальных изданиях по торговле и в средствах массовой информации // Актуальные проблемы экономики, управления, права: мат-лы межвуз. науч.-практ. конф. М., 2013. С. 126–131.

14. *Сафонова В.В*. Плакатная реклама советского периода // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. 2010. № 1. С. 201–208.

15. *Сырунина Н.В*. Советский политический плакат и коммерческая реклама (середина – вторая половина XX в.) // Гуманитарные чтения в Политехническом университете: тр. Всерос. науч.-практ. студ.-асп. конф. СПб., 2018. С. 77–81.

16. *Кудрина И.В*. Неизвестные страницы истории региональной рекламы (на материалах газеты «Советская Хакасия» за 1989 год) // Актуальные проблемы изучения языка, литературы и журналистики: история и современность: мат-лы X Междунар. науч.-практ. конф. Абакан, 2015. С. 106–107.

17. *Кудрина И.В*. Становление современной региональной рекламы (на примере газеты «Советская Хакасия») // Реклама и современный мир: мат-лы IV Междунар. науч. конф. Тверь, 2016. С. 216–220.

18. *Кириенко Е.А., Калюжная Т.В*. Специфика жанра газетного объявления региональных СМИ в СССР (на примере газеты г. Белово «Знамя коммунизма» // Наука и молодежь: проблемы, поиски, решения: мат-лы Всерос. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Новокузнецк, 2014. С. 173–175.

19. *Зарипова В.М*. Особенности функционирования креолизованного рекламного текста (на примере дореволюционных и советских газет) // Вестн. Самар. ун-та. История, педагогика, филология. 2019. № 1. С. 113–120.

20. *Твердюкова Е.Д*. «Двигатель... накладных расходов»: коммерческая реклама в советских газетах периода нэпа // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4, № 2. С. 212–223.

21. *Селезнева Е.Ю*. Советская социальная реклама (моделирование сберегательного поведения дальневосточников) (1945 – 1950-е гг.) // Россия и АТР. 2008. № 1. С. 43–58.

22. *Шабашова Е.В*. История развития торговой рекламы в СССР в послевоенный период (1940–50-е гг.) // Актуальные проблемы экономики, управления, права: мат-лы межвуз. науч.-практ. конф. М., 2007. С. 135–142.

23. *Лазарева Л.Н*. «С каждым днем жить все лучше...» (феномен снижения послевоенных цен) // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: История и политические науки. 2018. № 3. С. 138 – 146.

24. *Сашин Я*. Наш новогодний репортаж // Огонек. 1950. № 1. С. 19.

25. *Семенова Н*. Предпраздничное оформление // Крокодил. 1953. № 10. С. 2.

26. *Семенова Н*. Новое снижение цен. Кто вниз… а кто вверх // Крокодил. 1950. № 7. С. 3.

27. *Дыховичный В., Слободской М*. 1 марта в магазине «Гастроном» // Крокодил. 1951. № 7. С. 2.

28. *Ленч Л*. В апреле. // Крокодил. 1950. № 12. С. 10.

29. *Зайцева А.И*. Образы культуры детства в советском плакате: ценностный аспект // Национальное культурное наследие России: региональный аспект: мат-лы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Самара, 2014. С. 66–71.

30. *Клинова М.А*. Государственное регулирование экономических стратегий городского населения РСФСР в первое послевоенное десятилетие. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2019. 428 с.

REFERENCES

1. *Volobueva T*. Soviet advertising of the 1920s-1930s. *Reklamnye tekhnologii,* 2006, no. 4, pp. 18–23. (In Russ.).

2. *Vinogradova K. V., Ostapenko E. N*. The features of the Soviet poster advertising during the NEP period (1921-1929). *Sovremennye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk: materialy XXVIII mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* Moscow, 2016, pp. 85–90. (In Russ.).

3. *Zhuravel' V. A*. Soviet media buying in the 1930s. From the history of the USSR Foreign Trade Ministry. *Mashinostroitel',* 2007, no. 6, pp. 53–54. (In Russ.).

4. *Konanykhin K. V*. Advertising process in the USSR in the 1930s. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika,* 2000, no. 2, pp. 49–55. (In Russ.).

5. *Sinova I. V*. Development of Soviet commercial advertising during the NEP period. *Izvestiya Sankt–Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov,* 1996, no. 3, pp. 145–150. (In Russ.).

6. *Savel'eva O. O*. Soviet advertising of the 1920s as a means of agitation and propaganda. *Chelovek,* 2006, no. 2, pp. 58–69. (In Russ.).

7. *Savel'eva O. O*. Soviet advertising of the 1920s as a means of agitation and propaganda. *Chelovek,* 2006, no. 3, pp. 140–147. (In Russ.).

8. *Kostyleva A. Yu*. Functions of visual images in the Soviet perfumery design of the 1930s. *Obshchestvo. Nauka. Innovatsii: materialy XIX Vseross. nauch.-prakt. konf*. Kirov, 2019, pp. 460–472 (In Russ.).

9. *Yusupova R. R*. Types of Soviet advertising during the NEP. *Kazanskaya shkola svyazei s obshchestvennost'yu*. Kazan, 2011, pp. 195–200. (In Russ.).

10. *Semenov D*. Yu. Soviet advertising of the NEP era: features of stylistics and aesthetics. *Fotinskie chteniya,* 2018, no. 1, pp. 453–456. (In Russ.).

11. *Zolotonosov M*. Ersatz-advertising on mini-posters of the early 1960s: from the cycle "Theory and practice of socialism". *Novyy mir iskusstva*, 2001, no. 1, pp. 31–34. (In Russ.).

12. *Kutyrkina L. V., Kutyanskaya K. I., Samoilenko I. S*. Formation of the school of visual merchandising and trade advertising in the USSR in the 50-60s. *Nauchnyy forum: ekonomika i menedzhment: materialy VI mezhdunar. zaoch. nauch.-prakt. konf.* Moscow, 2017, pp. 9–17. (In Russ.).

13. *Shabashova E. V*. Development of Soviet trade advertising in the 1960s in special publications on trade and in the mass media. *Aktual'nye problemy ekonomiki, upravleniya, prava: materialy mezhvuz. nauch.-prakt. konf.* Moscow, 2013, pp. 126–131. (In Russ.).

14. *Safonova V. V*. Poster advertising of the Soviet period. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika,* 2010, no. 1, pp. 201–208. (In Russ.).

15. *Syrunina N. V*. Soviet political poster and commercial advertising (mid-second half of the XX century). *Gumanitarnye chteniya v Politekhnicheskom universitete: trudy vseross. nauch.-prakt. studenchesko-aspirant. konf.* Sankt-Peterburg, 2018, pp. 77–81. (In Russ.).

16. *Kudrina I. V*. The untold story of the regional advertising (on materials of the newspaper «Soviet Khakassia» 1989). *Aktual'nye problemy izucheniya yazyka, literatury i zhurnalistiki: istoriya i sovremennost': materialy X mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* Abakan, 2015, pp. 106–107. (In Russ.).

17. *Kudrina I. V*. Formation of modern regional advertising (a case of the newspaper "Soviet Khakassia"). *Reklama i sovremennyy mir: materialy IV mezhdunar. nauch. konf.* Tver', 2016, pp. 216–220. (In Russ.).

18. *Kirienko E. A., Kalyuzhnaya T. V*. Specifics of the genre of newspaper ads of the USSR regional media (a case of Belovo municipal newspaper "Banner of communism". *Nauka i molodezh': problemy, poiski, resheniya: materialy vseross. nauch.-prakt. konf. studentov, aspirantov i molodykh uchenykh*. Novokuznetsk, 2014, pp. 173–175. (In Russ.).

19. *Zaripova V. M*. Features of functioning creolized advertising texts (a case of pre-revolutionary and Soviet Newspapers). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya,* 2019, no. 1, pp. 113–120. (In Russ.).

20. *Tverdyukova E. D*. “The engine... overhead expenses”: commercial advertising in Soviet newspapers of the NEP period. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina,* 2014, no. 2, pp. 212–223. (In Russ.).

21. *Selezneva E. Yu*. Soviet social advertising (modeling of savings behavior of the Far Eastern residents) (1945-1950s). *Rossiya i ATR,* 2008, no. 1, pp. 43–58. (In Russ.).

22. *Shabashova E. V*. History of trade advertising development in the USSR during the post-war period (1940-50s). *Aktual'nye problemy ekonomiki, upravleniya, prava: materialy mezhvuz. nauch.-prakt. konf.* Moscow, 2007, pp. 135–142. (In Russ.).

23. *Lazareva L. N*. “Every day life is getting better...” (the phenomenon of declining post-war prices). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki,* 2018, no. 3, pp. 138–146. (In Russ.).

24. *Sashin Ya.* Our new year's report. *Ogonyok,* 1950, no. 1, p. 19. (In Russ.).

25. *Semenova N*. Pre-holiday design. *Krokodil,* 1953, no. 10, p. 2 (In Russ.).

26. *Semenova N*. New price reduction. Who is down ... and who is up. *Krokodil,* 1950, no. 7, p. 3. (In Russ.).

27. *Dykhovichny V., Slobodskoy M*. The 1st of March in the store “Gastronom”. *Krokodil,* 1951, no. 7, p. 2. (In Russ.).

28. *Lunch L*. in April. *Krokodil,* 1950, no. 12, p. 10 (In Russ.).

29. *Zaitseva A. I.* Images of childhood culture in the Soviet poster: value aspect. *Natsional'noe kul'turnoe nasledie Rossii: regional'nyy aspekt: materialy II vseross. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem.* Samara, 2014, pp. 66–71. (In Russ.).

30. *Klinova M. A*. State regulation of economic strategies of the urban population of the RSFSR in the first post-war decade. Ekaterinburg, 2019. 428 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 14.04.2020
Дата рецензирования 20.04.2020
Статья принята к публикации 15.09.2020

DOI: 10.15372/HSS20200411
УДК 94(47+57):778.5″1955/1989″

О.В. ГОРБАЧЕВ

СИСТЕМА КИНОПРОКАТА И СОВЕТСКИЙ СЕЛЬСКИЙ ЗРИТЕЛЬ (СЕРЕДИНА 1950-х – 1980-е гг.)

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
РФ, 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51

В статье обосновывается необходимость исторического изучения сельской аудитории кино в контексте закономерностей развития коммуникационной среды. Кинематограф и система кинопроката рассматриваются как пространство диалога между властью и обществом в СССР. Показано, как постепенно утрачивалась идеологическая и усиливалась коммерческая составляющая в деятельности кинопроката. Сельские киноустановки, уступая городским, тем не менее вносили значимую лепту в пополнение бюджетов местных Советов. Технологическая модернизация кинопоказа, актуальная в условиях соперничества с телевидением, в сельской местности была невозможна. Поэтому основным критерием развития сельской киносети был экстенсивный рост числа киноустановок. Невозможность обеспечения должного качества кинопоказа, начиная с 1970-х гг., обусловила сокращение сельской киноаудитории. Специфику сельского кинопотребления определяли значительная зрительская активность в условиях информационного голода, ограниченная возможность выбора фильма, меньшая требовательность к качеству фильмов и кинопоказа. Тем не менее по мере расширения коммуникационной среды сельская аудитория все более тяготела к городским стандартам киносмотрения.

Ключевые слова: медиакоммуникация, советский кинематограф, кинопрокат, кинофикация, сельское население, аудитория кино, телевидение, Свердловская область, кинорепертуар

O.V. GORBACHEV

FILM DISTRIBUTION SYSTEM AND THE SOVIET RURAL AUDIENCE (MID 1950S - 1980S)

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
51, Lenina Ave., Ekaterinburg, 620000, Russian Federation

The article substantiates the need for a historical study of the rural cinema audience in the context of regularities of development of the communication environment. Cinema and the film distribution system are viewed as a space of dialogue between the government and society in the USSR. Based on documents regulating the film industry's development and sociological studies of cinema rural audiences, it is shown that the cinema's ideological function was gradually lost, while the commercial component in film distribution strengthened in the 1950-1980s. Rural projection facilities, unable to provide theatrical distribution's income comparable to city cinemas, nevertheless made a significant contribution to replenish the local Soviets' budgets. Technological modernization of the film screening, necessary due to growing competition with television, was not possible in rural areas due to the inapplicability of the large cinema model. Therefore, until the late Soviet era, the main criterion of the rural cinema network development was the extensive growth in the number of film projectors. This approach did not make it possible to ensure the proper quality of film screening, and caused a reduction in the rural film audience since the 1970s.

The specificity of rural cinema consumption was determined by significant spectator activity under the information hunger conditions, the impossibility of choosing a film, and less exacting requirements of the quality of films and film screenings. Nevertheless, as the communication environment expanded, the rural audience increasingly gravitated toward urban cinema standards. As in the city, the average age of cinema visitors was steadily declining, and school children remained the most active cinema visitors.

With the abolition of ideological restrictions and further commercialization of film distribution under "perestroika" conditions, the inefficient rural film screening system lost hopelessly in the competition with television and video gaining popularity, and was doomed to disappear.

Key words: media communication, Soviet cinema, film distribution, rural population, cinema audience, television, Sverdlovsk region, film repertoire

---

Олег Витальевич Горбачев – д-р ист. наук, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, e-mail: og_06@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2911-3100.

Oleg V. Gorbachev – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

© Горбачев О.В., 2020

ЦЕЛИ ИЗУЧЕНИЯ АУДИТОРИИ КИНО

Исключительная роль кинематографа в социальной истории России XX в. определяется тем, что он взял на себя миссию формирования новой коммуникативной среды. В этом качестве он претендовал на то место, которое прежде занимали религия и фольклор [1, с. 410]. На кино возлагалась функция проводника ценностей большевистской идеологии, но оно оказалось в состоянии пойти дальше этой задачи, предлагая зрителю более широкую картину мира. Не стоит игнорировать и значение кино как «великого утешителя», т. е. носителя компенсаторной функции.

С точки зрения большевиков, значимость кино состояла в монологическом апеллировании к массам [1, с. 406; 2, с. 22]. Исключительная пригодность кино для выполнения пропагандистских целей обусловила важнейшее место кинематографа в советской системе ценностей. В 1920-е гг. кино было призвано убеждать зрителей в правильности большевистского выбора, в 1930–1940-е оно явилось важнейшим инструментом сталинского мифотворчества, а эпоха «оттепели» актуализировала познавательную функцию кинематографа. При этом кино на всех этапах своего существования продолжало развлекать зрителя. Развлекательно-компенсаторная функция выводила кино за пределы официального пропагандистского дискурса, сохраняя его принадлежность к миру массовой культуры. Власть довольно быстро поняла, что пропагандистский эффект кинематографа неотделим от его зрелищной составляющей, и только сочетая эти элементы, можно добиться нужного идеологического эффекта. В результате в советском обществе идеология и коммерция в кино постоянно конкурировали между собой. Несколько раз эта конкуренция становилась предметом специального рассмотрения на высшем партийном уровне (в 1928 г.[1] [3, с. 136–138]), в 1950-е гг. [4, с. 551–555][2] и на рубеже 1970–1980-х гг. [5, с. 237]). Несмотря на все усилия, коммерческая составляющая кинематографа в советских условиях неизменно оказывалась сильнее идеологической. Это проявлялось как в большом количестве отечественных развлекательных фильмов, так и в значительной доле киноимпорта в кинопоказе. Широкое распространение телевидения в 1960-е гг. сделало отмеченную тенденцию еще более выпуклой: телевидение взяло на себя роль идеологического рупора, тем самым освободив кино от пропагандистских функций и усилив его развлекательный характер [6, с. 55].

Советский кинематограф традиционно широко изучается в рамках *киноведческой* парадигмы. Интерес к кинозрителю в контексте киноведения определяется прежде всего необходимостью проследить прокатную судьбу конкретных фильмов, определить желаемые направления развития кинопроцесса с точки зрения зрительских предпочтений. Социологическое изучение киноаудитории ставит более масштабные задачи: определение значимости кинокоммуникации в жизни социума, выявление социальных функций кинематографа и возможностей регулирования кинематографической жизни общества (см.: [1; 5; 7]).

Внимание историков к аудитории кино вытекает из необходимости изучения социокультурной динамики жизни общества, закономерностей развития коммуникационной среды. Кинематограф, выступавший в Советском Союзе в качестве государственного института, интерпретируется как пространство диалога между властью и обществом. Поведение киноаудитории в этом контексте рассматривается как реакция на «монологическое апеллирование к массам» с киноэкрана. И здесь равно значимы как содержание транслируемого кинодискурса (характер и степень концентрированности идеологического сообщения либо его отсутствие), так и готовность аудитории его воспринимать. На примере эволюции зрительского поведения хорошо видно, как постепенная утрата государством монополии на информацию в условиях модернизирующегося социума в конечном счете вела к деформации и утрате значимости официально декларируемых идеологических ценностей в советском общественном сознании. При изучении системы кинопроката и зрительской аудитории безусловным подспорьем для историка являются труды представителей других отраслей знания, в первую очередь киноведов и социологов.

КИНО ДЛЯ СЕЛА

Период с середины 1950-х до конца 1980-х гг. вместил в себя искренность «оттепельного» и откровенность «перестроечного» кино, большое жанровое, тематическое и географическое разнообразие доступной зрителям кинопродукции, существенное ослабление мифотворческой составляющей кинематографа. При этом идеологические ограничения продолжали играть серьезную роль. Начиная с 1960-х гг. кинотеатры были вынуждены конкурировать с телевидением, а с 1980-х гг. – еще и с видеомагнитофонами. Расширение коммуникационной среды неизбежно отбирало монопольные преимущества у советской системы кинопроката, к чему она оказалась не готова. Во второй половине 1960-х гг. начала падать посещаемость киносеансов сначала в городе, а затем и в деревне.

В рамках изучаемого периода наблюдается постепенное сближение содержания и качества городского и сельского киносмотрения, хотя различия оставались очень значительными. Официальный курс на «сближение города и деревни» предполагал распространение городских жизненных стандартов на сельскую местность, объективно выражая ценности глобального процесса урбанизации. В послевоенном СССР этот процесс проявлялся, с одной стороны, в интенсификации миграционного оттока населения из села в город, а с другой – в урбанистическом развитии сельской сре-

---

[1] См.: Стенограмма доклада председателя Центрального совета (ЦС) ОДСК Мальцева на заседании общества о решениях I Всесоюзного партийного совещания по вопросам кино [5, с. 353].

[2] См. также: Из докладной записки министра культуры СССР Н. А. Михайлова Н. С. Хрущеву от 2 октября 1955 г. [4, с. 598].

ды. В тактическом смысле социокультурное развитие деревни было призвано удержать сельских жителей от переезда. Развитие сельской киносети было частью этой программы.

Начиная с 1930-х гг., на официальном уровне различия между городскими и сельскими зрителями не акцентировались, что было выражением курса на «пролетаризацию» села, хотя отголоски особого отношения к деревенской киноаудитории присутствовали и в 1960-е гг. Например, авторы социологического обследования на уральском материале, проведенного в середине 1960-х гг., предлагали упрощенную анкету своим сельским респондентам [8, с. 274].

Итак, в 1950–1980-е гг. для сельского кинопоказа предназначались те же фильмы, что и для города, хотя и не все из них в конечном счете до села доходили. Такая ситуация облегчает задачу исследователя: имеется возможность проводить качественные сравнения между городским и сельским зрителем этого периода.

ОРГАНИЗАЦИЯ КИНОПРОКАТА

С 1938 г. и фактически до конца существования советского строя действовал порядок, когда производство фильмов было никак не связано с их прокатом. Киностудии продавали «Союзкинопрокату» готовые кинокартины по сметной стоимости, утвержденной Комитетом по делам кинематографии, с 5 %-ной надбавкой [9]. После реорганизации 1953 г. разделение производителей и прокатчиков сохранилось: в составе Министерства культуры были создано два ведомства – Главное управление кинематографии и Главное управление кинофикации и кинопроката [6, с. 21]. Попытки кинематографистов изменить ситуацию с тем, чтобы финансовое положение студии зависело бы от художественного успеха ее продукции, не имели результата[3]. 55 % валовых сборов от проката фильмов получали местные бюджеты в виде местного налога на кино. Из этих денег выплачивалась зарплата работникам социальной сферы, учителям и врачам. За счет оставшихся средств предполагалось содержать киносеть и кинопрокатные организации, но этих денег не хватало, в результате убытки кинопрокатчиков восполняли за счет бюджетных дотаций (см. подробнее: [6, с. 46]).

При выходе на экран фильму присваивалась категория, которая прежде всего учитывала соображения идеологической «правильности» фильма. Низкая категория кардинальным образом осложняла прокатные перспективы фильма.

Ситуация, при которой большая часть доходов от проката доставалась местным бюджетам, обусловливала двойное подчинение кинотеатров. Киноаппаратура принадлежала системе кинопроката, и эта же система определяла репертуар. В то же время сами кинотеатры находились на балансе местных Советов. При этом местные органы власти получали средства на капитальное строительство и развитие культуры из центра, поскольку их собственные бюджеты были недостаточны для таких трат [6, с. 46]. Таким образом, местные органы власти хотя и выступали в роли выгодополучателей от кинопроката и были прямо заинтересованы в развитии киносети, реальные решения в этой сфере принимались на более высоком уровне.

Примерный репертуар определялся не руководителями кинотеатров, а районными кинодирекциями, которые направляли свои заявки в организации кинопроката, где работали репертуарные комиссии, в основном состоявшие из партийных работников [6, с. 48]. Естественно, что и в кинодирекциях, и в репертуарных комиссиях чиновники предпочитали не рисковать, как правило, выбирали фильмы, получившие более высокую прокатную категорию.

Несмотря на кажущуюся строгость идеологического контроля, первичными оказывались соображения выполнения финансового плана. Это приводило к тому, что часто даже самые значительные (и идеологически безупречные) фильмы не доходили до села. При существующей норме заполняемости зрительного зала не ниже 85 % [6, с. 72] ставка очевидно делалась на фильмы кассовые, очень часто зарубежные. Нередко с показа снимались фильмы с прокатной перспективой, но не дотягивавшие до нужного количества зрителей. Обычной являлась практика, когда за показанный зарубежный фильм отчитывались как за советский[4].

В этой ситуации сельская киносеть оказывалась в наиболее уязвимом положении. Прокатчики предпочитали коммерчески успешные, хотя и художественно слабые фильмы (например, индийские или арабские). При внушительном количестве киноустановок в стране (145 тыс. в 1966 г.) только 4 тыс. представляли собой современные кинотеатры[5]. В 1970-е гг. 5 тыс. городских кинотеатров высшей категории (на 1 тыс. зрителей) приносили до 80 % сборов в первый год демонстрации [6, с. 47]. Именно на них планирующие органы и делали основную ставку. Спустя несколько месяцев новые фильмы добирались до райцентров, а до села – через полгода-год после выхода.

СЕЛЬСКИЙ КИНОПОКАЗ

В начале 1950-х гг. бóльшая часть киноустановок СССР (34,4 из 40 тыс.) были сельскими. Несмотря на это, средний сельский житель ходил в кино не более 4 раз в год (городской – 14 раз в год). В 1953 г. 62 %

[3] См. например: Объяснительная записка Союза кинематографистов СССР и Комитета по кинематографии к проекту постановления СМ СССР «О мерах развития советского кинематографа» от 3 августа 1966 г. [4, с. 649–659].

[4] См.: Объяснительная записка отдела культуры ЦК КПСС к проекту постановления «О мерах по дальнейшему развитию советской кинематографии», август 1967 г. [4, с. 663].

[5] Объяснительная записка Союза кинематографистов СССР и Комитета по кинематографии к проекту постановления СМ СССР о мерах развития советского кинематографа от 3 августа 1966 г. [6, с. 656]. Р. Стайтс определяет размер советской киносети по состоянию на начало 1970-х гг. в 151 тыс. кинотеатров и 138 тыс. клубов [10, p. 169]. В. И. Фомин обращает внимание на то, что в разных официальных документах цифры количества киноустановок не совпадают [4, с. 522].

сельских киноустановок были передвижными, а из-за отсутствия помещений фильмы демонстрировались в домах колхозников. Другой проблемой было то, что колхозы не выделяли для кинопередвижек лошадей (об автотранспорте речь не шла) (см.: [4, с. 523]).

В отрасли ощущался дефицит квалифицированных кадров, в том числе из-за низкой оплаты труда киномехаников. Киномеханик сельского стационара получал зарплату 280 руб. в месяц, одновременно выполняя обязанности кассира, директора театра, лектора и билетера[6]. Низкая оплата труда провоцировала злоупотребления в виде «левых» кинопоказов.

Ставка в 1950-е гг., как и в дальнейшем, делалась исключительно на экстенсивное развитие кинопотребления. Поэтому требовалось большее число киноустановок, зрительских мест, киносеансов, фильмов. В то время данный подход работал, поскольку у кинематографа отсутствовали реальные конкуренты. Киноспрос явно превышал предложение (см. подробнее: [5, с. 129]).

Несмотря на то, что фильмов во второй половине 1950-х гг. снималось в несколько раз больше, чем в годы послевоенного «малокартинья», общее количество копий оставалось примерно тем же, так как вместо прежних 20–30 копий одной картины нередко изготавливали 1–2. Поэтому даже там, где имелись благоустроенные клубы и кинотеатры, они давали не более двух киносеансов в неделю[7].

Поскольку оплата работников кинопроката зависела от количества проданных билетов и киносеансов, доступные фильмокопии эксплуатировались нещадно, при том что одна копия способна была выдержать не более 600 показов. «В кинотеатрах демонстрируются копии, в которых, например, почти совершенно исчез звук…, в которых из-за многочисленных порывов сделаны купюры, искажающие смысл картины, иногда искажающие политический смысл»[8] (апеллирование к политике в этом контексте должно было усилить аргументацию). Такая ситуация, нередкая для города, была еще более обычной на селе.

В конце 1950-х гг. у руководства отрасли постепенно формировалось осознание того, что прокатная монополия киносети находится под угрозой со стороны набирающего обороты телевидения. «Только в Московской области количество <теле>зрителей перевалило за 5 млн… Передача картины по телевидению немедленно снимает вопрос о ее коммерческом прокате»[9].

Впрочем, потребовалось не менее 10 лет, прежде чем у жителей села появился реальный выбор между просмотром телепрограмм и походом в кино[10]. Именно в 1969 г. в СССР впервые фиксируется уменьшение киноаудитории. Отмечалось, что «в те дни, когда по телевидению идут передачи, интересные для широкой телеаудитории, финансовый сбор от проката фильма в сельских клубах составляет не более 50 % обычного сбора. Так было, например, во время показа… польского многосерийного фильма “Ставка больше, чем жизнь”» [7, с. 13, 57].

До появления на селе телевидения сборы были способны обеспечить фильмы прежних лет выпуска, но примерно с 1971 г. они перестали собирать аудиторию. Телевидение существенно сократило количество свободного времени, которое человек мог уделить кино. Существенно и то, что фильмы по телевидению обычно демонстрировались во время работы сельских киноклубов [7, с. 62].

В этой конкуренции на стороне системы кинопроката была реализация коммуникативной функции (коллективное смотрение) и возможность внесемейной формы проведения досуга. К тому же сельскому кинопрокату время от времени удавалось опередить телевидение и показать новый фильм (прежде всего это касалось зарубежных фильмов, которые по телевидению демонстрировались крайне редко). Против действующей системы кинопоказа были низкое качество звука и изображения, плохое отопление, отсутствие вентиляции, грязь, шумное поведение зрителей и неудобное расположение рядов в кинозалах [7, с. 62].

Как и во всем мире, в СССР вызову со стороны телевидения должно было противостоять привнесение новых технологий в практику кинопоказа. В первую очередь речь шла о внедрении широкоформатного кино и стереозвука. Такого рода модернизация означала бы переход от экстенсивного к интенсивному направлению развития киносети. Проблема, однако, заключалась в том, что эффект от нововведений достигался лишь в больших кинозалах, которых катастрофически не хватало, особенно за пределами больших городов.

Предложение руководителей отрасли строить широкоформатные кинотеатры на центральных усадьбах колхозов[11] было явно утопическим при отсутствии нормальных транспортных коммуникаций и продолжающегося оттока сельского населения в города. В результате до конца советской эпохи реальные достижения кинофикации села по-прежнему измерялись количеством точек кинопоказа. По официальным данным, если в 1958 г. в стране было 61,7 тыс. сельских киноустановок, в том числе 31,5 тыс. стационарных, то в 1965 г. их уже насчитывалось соответственно 123,1 и 110,6 тыс.[12]

Доступная статистика позволяет судить о значительном количественном росте мест кинопоказа, но

---

[6] См.: О задачах в области кинематографии и кинопроката : докладная записка председателя Оргкомитета СРК СССР И. А. Пырьева в ЦК КПСС от 17 февраля 1959 г. [5, с. 624].

[7] См.: Там же, с. 622–623.

[8] Там же, с. 624.

[9] О задачах в области кинематографии и кинопроката… [4, с. 623].

[10] «Во многих деревнях даже такой развитой области, как Свердловская, еще нет телевидения» (сведения 1966 г.) [8, с. 271].

[11] См. подробнее: О задачах в области кинематографии и кинопроката… [4, с. 621].

[12] Народное хозяйство СССР в 1965 г. : стат. ежегодник. М., 1966. С. 729.

не дает представления о его качестве. Так, в Свердловской области, которая считалась одной из передовых по числу киноустановок в сельской местности, большинство из них работало в маленьких клубах, плохо приспособленных для демонстрации кинофильмов. Не во всех селах были установки, предназначенные для демонстрации картин на широкой пленке, а в узкопленочном варианте тиражировались далеко не все выпускаемые на экраны фильмы [8, с. 272–273]. В этом контексте широкоформатная перспектива сельского кинопоказа оставалась глубоко утопичной.

Что касается дальнейших показателей экстенсивного роста, то максимум числа сельских киноустановок был достигнут в 1970 г. (133,2 тыс.), из которых стационарными были 124,2 тыс., затем началось снижение[13]. В 1990 г. их осталось только 112,9 тыс. (105,8 тыс. – стационарные), причем в 1,5 тыс. (4 %) сельских населенных пунктах с числом жителей 500 чел. и более кинофильмы не демонстрировались[14].

«Врожденные» проблемы сельского кинопоказа до конца советской эпохи решить так и не удалось. В 1985 г. 53 % сельских жителей РСФСР жаловались на дефицит новых киноленг, 33 % не устраивали частые обрывы киноленты во время сеансов, 17 % – неясность звука, 12 % – полосы и пятна на экране, 43 % опрошенных не устраивало отсутствие порядка среди зрителей в клубе, а 56 % отмечали плохое отопление в зимнее время либо его отсутствие [7, с. 196–197]. Несмотря на то, что ежегодно выходило уже до 300 новых фильмов, села достигали не более 40 [7, с. 208].

При возрастающей конкуренции со стороны телевидения, а затем и видео сельский кинопоказ становился все менее рентабельным. В связи с этим в годы «перестройки» предлагалось «перевести мелкие населенные пункты (до 300–400 жителей) на обслуживание телевизорами коллективного пользования в красных уголках и клубах, а в дальнейшем – и видеомагнитофонами» [11, с. 4]. Эта мера оказалась бы бесполезной – к тому времени телевизоры уже были в каждой сельской семье, зато ускорила бы разрушение сельской киносети [12, с. 2–3]. Правда же была в том, что очень долго коммерчески несостоятельный сельский кинопрокат продолжали удерживать на плаву идеологические соображения, и после крушения правящей идеологии массовое закрытие клубов и небольших кинотеатров было только вопросом времени.

СЕЛЬСКИЙ ЗРИТЕЛЬ

При отсутствии конкурентов кино очень долго оставалось универсальным зрелищем для всех категорий населения, в том числе сельского. На известном плакате «Кино – в массы!» (1946 г.) дед и внук-школьник самозабвенно глядят на экран. На заднем плане угадываются доярка и сельский управленец в пиджаке и галстуке. Плакат тиражирует представление о том, что в кино ходят все сельские жители. После войны так и было. Однако распространение телевидения в 1960-е гг. и последовавшее за ним снижение посещаемости киносеансов заставило власти задаться вопросом о том, что же собой представляет сельский кинозритель.

Спецификой сельской аудитории были: 1) большое количество активных любителей кино, т.е. посещающих его регулярно; 2) бóльшая, чем в городе, доля людей, вообще не бывающих в кино; 3) гораздо меньшая, чем в городе, доля редко посещающих кино [8, с. 274]. Это значит, что сельская аудитория была гораздо более четко структурирована в своих пристрастиях, чем городская.

Обследования аудитории кино, проводившиеся с середины 1960-х гг., продемонстрировали, что наиболее значимой является градация по возрасту. Ядро потенциальной аудитории кино составила группа 11–24 года [7, с. 81]. Особенно активными были сельские школьники – например, в Свердловской области в 1965 г. они в среднем ходили в кино более 56 раз (городские школьники – только 25 раз) [8, с. 272], тем более что традиционные для города возрастные ограничения (до 16 лет) в селе обычно не действовали. По данным обследования сельского населения Калининской области (1976 г.), наиболее приобщенными к кино были группы в возрасте 15–18 лет (90 %) и 19–24 года (88 %); наименее активными – в возрасте 51–60 лет (37 %) и старше 60 лет (16 %) [9, с. 90]. Причины непосещения кино в старших возрастных группах чаще всего описывались фразами «по состоянию здоровья», «дома есть телевизор», «мало времени» [7, с. 83]. Схожая мотивация была и у городского населения, но для села она была гораздо более значимой с учетом удаленности кинообъектов и наличия домашнего хозяйства. Село значительно уступало городу в группе 31–50 лет и старше: вступление в брак налагало на сельского жителя обязанности, связанные с ведением домашнего хозяйства [7, с. 160].

Очевидными были и половые различия в аудитории кино: в 1965 г. в Свердловской области среди редко посещающих кино было 15,5 % женщин и только 10,2 % мужчин [8, с. 275]. В 1976 г. в Калининской области в кино ходили 57 % мужчин и 44 % женщин (от общей численности группы) при том, что в городе посещаемость была одинаковой [7, с. 90]. В начале 1980-х гг. тенденция сохранилась (см.: [7, с. 159][15]). Причины меньшей активности женщин связаны с необходимостью работы в своем хозяйстве, а также с отсутствием детских учреждений на селе [8, с. 281].

Из представителей сельских социально-профессиональных групп наиболее часто в кино ходили механизаторы, специалисты и учащиеся. Этот вид досу-

[13] Народное хозяйство СССР в 1980 г. : стат. ежегодник. М., 1981. С. 481.

[14] Народное хозяйство СССР в 1990 г. : стат. ежегодник. М., 1991. URL: http://istmat.info/node/455 (дата обращения: 08.12.2020).

[15] К сожалению, в содержательной антологии статей М.И. Жабского, из которой взяты эти данные, не всегда указываются годы проведения социологических обследований, поэтому они указываются нами ориентировочно, исходя из контекста.

га был также популярен у работников животноводства и представителей неквалифицированного труда (категории разнорабочих) [8, с. 277; 9, с. 97].

В целом наблюдается положительная корреляция киноактивности и уровня образования, но до определенного предела. Самыми активными были люди со средним образованием, что же касается специалистов с высшим образованием, то здесь картина неоднородна: треть из них ходила на каждый фильм, четверть – редко. Среди интеллигентов традиционно наиболее активными были педагоги [7, с. 97; 8, с. 277].

Уровень киноактивности населения очень сильно зависел от категории населенного пункта. Наименее приобщенными к кино были колхозные крестьяне, проживавшие в мелких населенных пунктах. В результате кампании укрупнения колхозов в сфере внимания органов кинофикации остались только клубы на центральных усадьбах; клубы в «бригадах» в надлежащем состоянии не поддерживались [7, с. 98]. В некоторых совхозах ситуация была немногим лучше. Например, в с. Савино Камышловского района Свердловской области прием телевидения был осложнен из-за большого расстояния, фильмы демонстрировались в клубе соседнего села Чернышово, в 2 км от Савино, либо в самом этом селе в помещении пожарного депо (обследование 1965 г.) [8, с. 274].

В пригородных сельских населенных пунктах в кино также ходили редко. Во-первых, здесь было много людей, работавших в городе, которым приходилось много времени тратить на дорогу, и свободного времени не хватало; во-вторых, маятниковые мигранты имели возможность посмотреть новые фильмы в городе, не дожидаясь демонстрации в сельском клубе; в-третьих, эта категория зрителей была наиболее требовательной к качеству кинопоказа. Так было с жителями с. Кашино, которые работали в г. Сысерть (в 5 км) и к тому же относительно часто бывали в Свердловске [8, с. 279].

Наиболее активными посетителями киносеансов были жители крупных и средних населенных пунктов, значительно удаленных от города. Село Кировское Алапаевского района Свердловской области, располагавшееся в 50 км от города, можно рассматривать как образцовое для кинопоказа. В 1965 г. в нем имелись школа-десятилетка, больница и почта. Там же размещались большие ремонтные мастерские совхоза. В центре села располагался клуб на 250 мест, кино демонстрировали не реже трех раз в неделю. Телевидения не было, библиотека небольшая. Жители с удовольствием шли на любой фильм, в их числе преобладали школьники и механизаторы [8, с. 274].

В отличие от горожан, сельские жители были практически лишены возможности выбора фильма, поэтому изучение их репертуарных предпочтений – сложная задача. Наиболее частыми источниками информации для выбора фильма были мнения посмотревших картину или газетные рецензии. Реклама как таковая в селе отсутствовала. При возможности выбора ориентировались на название фильма и актеров. Жанр картины имел значение для более образованных [8, с. 283–285].

Сравнение репертуарных предпочтений зрителей Свердловской области позволяет утверждать, что сельские жители в 1965 г. в основном имели возможность смотреть те же фильмы, что и горожане (см. таблицу).

Оценка фильмов кинопроката жителями города и села Свердловской области, 1965 г.
Evaluation of film distribution films by residents of the city and village of the Sverdlovsk region, 1965

Город City			Село Village		
№	Название фильма Movie title	Коэффициент популярности* Popularity rate	№	Название фильма Movie title	Коэффициент популярности Popularity rate
1	Председатель	0,464	1	Цветок в пыли	0,592
2	Отец солдата	0,420	2–3	Председатель	0,521
3	Жили-были старик со старухой	0,357	2–3	Чертенок	0,521
4–5	Верьте мне, люди	0,314	4	Отец солдата	0,493
4–5	Ракеты не должны взлететь	0,314	5	Свет далекой звезды	0,491
6	Государственный преступник	0,308	6	Государственный преступник	0,480
7	Ганга и Джамна	0,301	7	Ганга и Джамна	0,477
8	Как Вас теперь называть?	0,282	8	Ко мне, Мухтар!	0,460
9	Свет далекой звезды	0,270	9	Черные очки	0,434
10–11	Гранатовый браслет	0,268	10	Жили-были старик со старухой	0,414
10–11	Раз картошка, два картошка	0,268	11	След в океане	0,407
12	Цветок в пыли	0,265	12	Операция «Ы»	0,401

Источник: [8, с. 169, 289].

*Рассчитывался по формуле $\frac{Х–П}{N}$, где Х – количество положительных оценок, П – отрицательных, N – количество зрителей.

В сравнении с анкетой журнала «Советский экран» [13, с. 1] в обоих списках отсутствуют «Брак по-итальянски» В. де Сика (в Свердловской области он шел позже [8, с. 170]), «трудные» фильмы «Мне 20 лет» («Застава Ильича») М. Хуциева, «Нюрнбергский процесс» С. Крамера (США, 1961) и «Пепел и алмаз» А. Вайды (Польша, 1958). Как можно судить по коэффициенту в табл. 1, сельские жители в целом более активно ходили в кино, чем горожане.

Современного зрителя озадачивает отсутствие в «городском списке» «Операции "Ы"» Л. Гайдая и «Ко мне, Мухтар!» С. Туманова. На верхних строчках заслуженно располагаются «Председатель» А. Салтыкова и «Отец солдата» Р. Чхеидзе. Однако безусловным фаворитом сельского проката стал индийский фильм «Цветок в пыли», в городе оказавшийся в самом конце списка, а второе и третье место с «Председателем» разделила легковесная арабская картина «Чертенок». В селе на 9-м месте оказался еще один арабский фильм – «Черные очки». Вкусы жителей города и села совпали по поводу лишь одной мелодрамы – «Ганга и Джамна» (Индия), 7-е место.

Характерно, что «сельская» проблематика фильма не стала основанием для различных оценок и у горожан, и у жителей села («Председатель» и «Жили-были старик со старухой»), что является еще одним доводом в пользу отсутствия особого «кино для деревни» в рассматриваемый период.

Вследствие сравнительно низкого образовательного уровня сельские зрители были менее требовательны, чем городские. Тем не менее по социальным группам их предпочтения серьезно различались. Так, в группе сельских школьников первые три места заняли «Операция "Ы"», «Цветок в пыли» и «Черные очки» (эта аудитория самая всеядная, в ее рейтинге нашлось место и «Отцу солдата», и «Председателю»); среди специалистов – «Три сестры», «Государственный преступник» и «Председатель»; менее образованные служащие-неспециалисты выбрали «Цветок в пыли», «Отец солдата» и «Председатель», рабочие предприятий города и транспортные рабочие, живущие в селе, проголосовали за «Цветок в пыли», «Зеленый огонек» и «Отец солдата». В последней группе коэффициенты были наиболее низкими из-за большей занятости ее представителей. Наиболее активными потребителями мелодрам являлись сельские женщины [8, с. 292–296].

С целью отдыха кино посещали малограмотные, а также сельские специалисты; интеллигенция ценила в фильме то, что он «заставляет задуматься»; женщин в большей степени, чем мужчин, привлекали переживания [8, с. 288].

С распространением телевидения и соответствующим снижением числа кинопосещений на селе более высокой, чем в городе, по-прежнему оставалась доля активных зрителей. Редко посещавших кино были способны привлечь лишь отдельные фильмы. Например, в 1975 г. это были «Иван Васильевич меняет профессию» Л. Гайдая, «Калина красная» В. Шукшина, «А зори здесь тихие» С. Ростоцкого и «Русское поле» Н. Москаленко [7, с. 147].

В 1970–1980-е гг. с усилением коммерческой составляющей кинопроката сохраняли популярность зарубежные фильмы (особенно капиталистических стран). Что касается жанров, то на первом месте были картины о разведчиках и сотрудниках спецслужб. Относительной популярностью пользовались фильмы о любви и на семейно-бытовую тему, комедии и киноэпопеи. Больше всего упала посещаемость фильмов на тему революции 1917 г. и о дореволюционной борьбе – с начала 1970-х гг. их аудитория сократилась в 10 раз [7, с. 214, 405].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Роль кино как основного пропагандиста, отведенная ему создателями советского государства, постепенно утрачивалась. Несмотря на все еще серьезное идеологическое давление в сфере кинопроизводства, гораздо чаще стали появляться фильмы, сочетавшие познавательную и развлекательную функции, отвечавшие запросам аудитории, и объективные знания о стране, мире и человеке. При этом отношение к системе кинопроката со стороны власти становилось все более прагматичным: приоритетным оказывался коммерческий потенциал фильма. В результате в кинорепертуаре появлялось все больше «кассовых» фильмов, в том числе зарубежных, которые вытесняли из афиш «идеологически правильные», а также детские и научно-популярные фильмы.

Основные кассовые сборы новому фильму обеспечивали большие кинотеатры крупных городов, и это обстоятельство заставляло рассматривать сельский кинопрокат как малозначимый, хотя большинство действующих киноустановок располагалось в сельской местности. Жизнеспособность сельской прокатной сети в советское время обеспечивали два фактора: чеканная формула Ленина о значимости кино среди других искусств и то, что сборы от кино составляли весомую часть бюджетов небогатых местных Советов.

Как единственное визуальное средство коммуникации, кино в течение долгого времени было более востребованным, чем радио и печатные источники информации, особенно на селе. Дальнейшее развитие коммуникационной среды, прежде всего распространение телевидения, подорвало эту монополию. Слабая техническая оснащенность сельских клубов, плохие условия кинопоказа, ограниченный репертуар работали против архаичной и неповоротливой системы. Поле возможностей еще более сужалось вследствие нерациональной системы кинопоказа, небольшого количества доступных копий, быстрого вымывания из кинопоказа коммерчески перспективных фильмов.

Модернизации системы препятствовали ограниченность организационных и финансовых возможностей местных органов власти, а также продолжавшийся миграционный отток наиболее активной части киноаудитории из села в город. Новые технологии – широкий

формат и стереозвук – можно было применять лишь в больших кинозалах, но не в сельских условиях. Воспроизводился привычный для российской реальности конфликт: экстенсивное расширение киносети (кинофикация отдаленных населенных пунктов) оказывалось важнее, чем ее технологическая интенсификация.

Сельская аудитория в 1950–1980-е гг. все более тяготела к городским стандартам кинопотребления, хотя ее отличия от городской все еще были существенными. Вследствие меньшего развития информационной среды сельские жители чаще ходили в кино и были менее требовательными, чем горожане. Жанровые предпочтения сельских кинозрителей определялись их уровнем образования, более низким, чем в городе. В целом эволюция советской сельской киноаудитории отражала глобальную тенденцию – зрители постепенно становились моложе: сначала среди них доминировала молодежь до 24 лет, а затем школьники.

Сегодня очевидно, что сожалеть о разрушении системы советского сельского кинопроката бессмысленно. Кинопередвижки и сельские клубы, насколько могли, выполняли миссию распространения информации в огромной стране. Сетевые технологии справляются с этой задачей гораздо лучше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Социология и кинематограф / под общ. ред. М. И. Жабского. М., 2012. 600 с.

2. *Богданов К. А.* Vox populi. Фольклорные жанры советской культуры. М., 2009. 368 с.

3. *Горбачев О. В.* Кино для деревни: советский художественный кинематограф и крестьянский зритель в 1920-х – начале 1950-х гг. // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2017. Вып. 17. С. 128–140.

4. *Фомин В. И.* История российской кинематографии. 1941–1968. М., 2019. 736 с.

5. *Жабский М. И.* Социодинамика кинематографической жизни общества. М., 2015. 496 с.

6. *Косинова М.* Параметры кризиса организационно-экономической системы советского кинематографа // После оттепели. Кинематограф 1970-х. М., 2009. С. 9–73.

7. *Жабский М. И.* Социокультурная драма кинематографа. Аналитическая летопись 1969–2005. М., 2009. 776 с.

8. Кино и зритель. Опыт социологического исследования. М., 1968. 328 с.

9. *Кружалов С. Е.* Аудиовизуальное произведение как объект авторского права: дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. 192 с.

10. *Stites R.* Russian Popular Culture. Entertainment and society since 1900. Cambridge Univ. Press, 1992. 270 p.

11. *Ибрагимов Р.* Перестройка и хозрасчет // Киномеханик. 1989. № 3. С. 3–5.

12. Сельская киносеть – в опасности! // Киномеханик. 1989. № 7. С. 2–3.

13. Конкурс – 1965. Итоги // Советский экран. 1966. № 10. С. 1.

REFERENCES

1. *Zhabsky M. I.* (ed). Sociology and cinema. Moscow, 2012, 600 p. (In Russ.).

2. *Bogdanov K. A.* Vox populi. Folk genres of Soviet culture. Moscow, 2009, 368 p. (In Russ.)

3. *Gorbachev O. V.* Cinema for the village: Soviet art cinema and peasant viewers in the 1920s - early 1950s. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'*. Ekaterinburg, 2017, vol. 17, pp. 128–140. (In Russ.)

4. *Fomin V. I.* History of the Russian cinematography. 1941–1968. Moscow, 2019, 736 p. (In Russ.)

5. *Zhabsky M. I.* Sociodynamics of cinematic life of the society. Moscow, 2015, 496 p. (In Russ.)

6. *Kosinova M*. Crisis parameters of the organizational and economic system of Soviet cinema. *Posle ottepeli. Kinematograf 1970-kh.* Moscow, 2009, pp. 9–73. (In Russ.)

7. *Zhabsky M. I.* Sociocultural drama of cinema. Analytical chronicle of 1969–2005. Moscow, 2009, 776 p. (In Russ.)

8. *Kogan L. N., Tomilov G. A., Tsukerman V. S., Volkov V. I.* Cinema and the viewer. The experience of sociological research. Moscow, 1968, 328 p. (In Russ.)

9. *Kruzhalov S. E.* Audiovisual work as an object of copyright: dissertation. Moscow, 2002, 192 p. (In Russ.)

10. *Stites R.* Russian popular culture. Entertainment and society since 1900. New York, Cambridge Univ. Press, 1992, 270 p.

11. *Ibragimov R.* Perestroika and self-financing. *Kinomekhanik,* 1989, no. 3, pp. 3–5. (In Russ.)

12. The rural cinema network is in danger! *Kinomekhanik,* 1989, no. 7, pp. 2–3. (In Russ.)

13. Competition – 1965. Results. *Sovetskiy ekran*, 1966, no. 10, p. 1. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 19.05.2020
Дата рецензирования 25.05.2020
Статья принята к публикации 15.09.2020

DOI: 10.15372/HSS20200412
УДК 655.4/.5:061.23:821.09(571)(091)

А.Л. ПОСАДСКОВ

КНИГОИЗДАТЕЛИ РАЙОННОГО МАСШТАБА: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИЗДАТЕЛЬСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ В НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТАХ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (1990–2010-е гг.)

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630102, Новосибирск, ул. Восход, 15

Статья посвящена изучению современного феномена издательской жизни провинциальной России – бурному росту сети издательств и издающих организаций в локальных центрах (районных городах и сельских поселениях). Исследование выполнено на материалах Сибири и Дальнего Востока 1990–2010-х гг. Автор дает характеристику и описание пяти моделей распределения издательских сил между главным городом и остальными населенными пунктами региона. Отмечаются наиболее известные издательские предприятия, расположенные в периферийных городах указанных регионов. Подчеркивается, что данная четко обозначившаяся тенденция полностью соответствует перспективам развития России по демократическому пути, постепенному формированию в ней гражданского общества.

Ключевые слова: книгоиздание, издательства, Сибирь, Дальний Восток, регионы, районные города, сельские поселения, конец XX – начало XXI в.

A.L. POSADSKOV

REGIONAL-SCALE BOOK PUBLISHERS: ACTIVITIES OF PUBLISHING ENTERPRISES IN SETTLEMENTS OF SIBERIA AND THE FAR EAST (1990-2010)

State Public Scientific Technological Library of SB RAS,
15, Voskhod str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation

Modern publishing practice in Russia demonstrates a previously unknown phenomenon, which is rapid development of publishing activities in mid-sized cities and towns, even in rural settlements outside the regional administrative centers, especially since the 2010s. This process is noticeable in Siberia and the Far East. Local centers create their own publishing houses and issue books. The author identifies five options of developing book publishing in Russia's eastern regions, and five models to distribute publishing forces between the main city and other settlements in the region, accordingly. The first model is typical of industrially developed regions with a large concentration of publishing resources in the main city (Novosibirsk, Omsk Areas). Here, the peripheral publishing network is weak due to its low demand. The second model prevails in the majority of national republics in the Asian part of the country, and so-called depressed Far Eastern regions (Amur and Magadan Oblasts, Transbaikalian and Kamchatka Krais). Simply, these regions lack both material and intellectual resources for publishing in local settlements. The third model of the peripheral publishing network development is represented by a number of regions, where besides the regional "capital's" publishing power, there are quite strong publishing complexes in another city of the region (Kemerovo Area, Krasnoyarsk and Khabarovsk Territories). The fourth model, that appeared in the Tomsk, Irkutsk Areas, Primorsk and Altai Territories should be considered as the most harmonious one. It provides an even distribution of publishing enterprises, corresponding to the needs, across all settlements in the region. The fifth model is implemented in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, where the capital regional city has a poor publishing potential, and the main part of printed products is produced by two other cities, which are the Ob North oil "capitals". Forming a cluster of book publishing enterprises in small settlements of the modern province fully corresponds to the prospect of Russia's development along the democratic path, building the civil society foundations.

Key words: book publishing, publishing houses, Siberia, Far East, regions, district cities, rural settlements, late XX –early XXI centuries.

Александр Леонидович Посадсков – д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru, orcid.org./000-0002-2341-5415

Alexander L. Posadskov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, State Public Scientific Technological Library of SB RAS.

© Посадсков А.Л., 2020

ВВЕДЕНИЕ

Одними из общепринятых показателей развития книгоиздания страны являются густота ее издательской сети, наличие низовых звеньев книжного дела. Причем чем глубже укорененность учреждений публичной информации, каковыми выступают издательские ячейки, чем больше их имеется не только в региональных «столицах», но и в районных центрах – средних и малых городах, сельских поселениях, тем совершеннее гражданское устройство общества, тем сильнее потенциал демократии и свободы слова.

Из этих соображений исходил автор статьи, предпринимая исследование такого заметного явления в издательской жизни Сибири и Дальнего Востока за истекшие четверть века постсоветской истории, как феноменальное расширение издательской географии восточных регионов России за счет средних и малых населенных пунктов.

Проявление издательской инициативы в этих поселениях страны происходило в условиях новой российской государственности. С одной стороны, Законом Российской Федерации о печати от 1991 г. были сняты прежние административные и цензурные ограничения, учреждать свое издательство (как и орган периодической печати) отныне могли любая организация, бизнес-структура или частное лицо. С другой стороны, появились внятные мотивации для создания мелких издательских предприятий: прежде всего, коммерческие интересы, а также социокультурные причины, управленческие соображения, мотивы общественной и творческой самореализации коллективов, отдельных граждан – заказчиков печатной продукции.

Возникновение глубоко провинциальных (в смысле географии) издательских предприятий носило поначалу характер единичных случаев, в основном это были издатели районных газет, альтернативных официальной прессе (в Иркутской области, Алтайском крае и т. п.). В «нулевые» годы XXI в. районные и даже сельские издательские предприятия стали уже распространенным явлением: экономика многих районов росла, интеллектуальный потенциал, аккумулируемый учреждениями культуры, требовал выхода печатных произведений, увеличивалось количество организаций и лиц, претендующих на обнародование плодов их труда и вдохновения. К концу 2010-х гг. количество издательских предприятий Сибири и Дальнего Востока, расположенных за пределами региональных центров, перевалило, по оценке автора статьи, за две сотни. И не факт, что это исчерпывающие данные, какого-либо учета таких издательств не ведется.

ДВА ВАРИАНТА МОДЕЛИ «СИЛЬНЫЙ ЦЕНТР – СЛАБАЯ ПЕРИФЕРИЯ»

Разные регионы Российской Федерации обладают различными экономическими возможностями и техническими условиями книгоиздания, разными интеллектуальными ресурсами для выпуска книг. Но среди тех двадцати субъектов федерации, которые составляют понятие восточных территорий России (Сибирский и Дальневосточный федеральные округа, а также Тюменская область и Ханты-Мансийский автономный округ), все же можно выделить несколько характерных групп по критерию развитости районного и вообще «низового» книгоиздания. Таких групп выделено пять.

В первую из них входят территории с безусловным доминированием издательско-полиграфического комплекса региональной «столицы» над предприятиями печатной отрасли, расположенными в других населенных пунктах. При всей разнице конкретных ситуаций в эту группу можно включить такие промышленно развитые регионы, как Новосибирская и Омская области. Здесь уровень достаточности в количественном и качественном отношениях издательских структур в региональном центре таков, что большой необходимости в существовании районных звеньев издательской машины не ощущается. Качество издательской культуры и полиграфического исполнения в типографиях региональной метрополии несравнимо с изделиями районных предприятий. Да и сама демографическая структура свидетельствует о высокой степени урбанизации, о концентрации в административном центре региона преобладающей части экономически активного населения. В таких регионах развитие издательского дела на районном уровне проявляется слабо.

В Новосибирской области, например, самостоятельные издательские предприятия с зарегистрированными уставами («уставные издательства») имеются лишь в г. Бердске (издательские дома «БукЪвица» Владимира Олейника и поэтического клуба «Родина») и Искитиме (издательство «Междуречье»). Оба этих районных центра находятся вблизи Новосибирска. Книжная продукция их немногочисленна. Более отдаленные города областного подчинения, даже такие крупные, как Куйбышев (где расположен филиал Новосибирского педагогического университета), Барабинск и Татарск, выпускают в своих типографиях единичные издания – как правило, сборники материалов местных конференций, стихи самодеятельных поэтов, книги к юбилею района. В этих городах, а также в Сузуне (где имеется издающая организация «Компьютерный центр»), Карасуке, Коченево, Мошково книги (от 5 до 10 названий в год) печатают без указаний издателя районные типографии либо настольные издательские системы в учреждениях. Более серьезные труды районными заказчиками направляются в издательства областного центра.

В Омской области, кроме самого Омска, некоторыми издательскими силами обладает г. Тара, где выходит до двух десятков книг ежегодно: это продукция местного вуза, краеведов, литераторов. Однако стабильных уставных издательств в городе нет. Заказчики обходятся услугами районных типографий и в других населенных пунктах области.

Ко второй, самой многочисленной группе регионов относятся все национальные субъекты федерации на востоке страны – Республики Алтай, Хакасия, Бу-

рятия, Тыва, Саха (Якутия), Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ и так называемые депрессивные территории Дальнего Востока – Амурская и Магаданская области, Забайкальский и Камчатский края. В этих регионах издательская деятельность на локальном уровне тоже развита слабо – но по другим причинам. Здесь на нее элементарно не хватает ресурсов – ни финансовых, ни интеллектуальных. В большинстве указанных регионов (кроме Забайкалья, Бурятии и Якутии) исторически существует только один центр культурной жизни – республиканская (краевая, областная) «столица». Других городов, которые могли бы претендовать на книгоиздание, здесь нет. По этой причине издательские структуры не выходят за пределы главного города территории. Оговоримся, что для Якутии безденежье не является основной причиной. Средств в Мирном и Нерюнгри хватило бы и на книгоиздание, но в городах республики, кроме Якутска, пока не сформировалась «сырьевая» база для книгоиздания, отсутствует выраженный запрос бизнес-сообщества и культурной общественности на выпуск собственных печатных произведений. В последнее время ситуация начинает меняться в лучшую сторону. Первой попыткой вести издательский бизнес в г. Мирном стало создание в 2009 г. Общества с ограниченной ответственностью (ООО) «Издательство “Альянс”», просуществовавшего до 2013 г.[1] В Забайкалье за пределами Читы книгоиздательская деятельность проявляется в слабой форме только в старинном издательском центре – Нерчинске.

МОДЕЛЬ «ОДИН РЕГИОН – ДВА ИЗДАТЕЛЬСКИХ ЛОКУСА»

Третий вариант развития провинциальной издательской сети демонстрируют те регионы, в которых кроме областной или краевой «столицы» имеется крупный, достаточно сильный в промышленном отношении город, «оттягивающий» на себя часть культурного потенциала территории. Классическим примером является Кемеровская область, где в южном центре Кузбасса – Новокузнецке – насчитывается жителей больше, чем в Кемерове. Новокузнецк традиционно соперничает с областной столицей в экономическом и культурном отношениях, и не удивительно, что здесь нашлись издательские силы, привлекшее внимание общероссийской общественности. 17 декабря 1991 г. в Новокузнецке начало деятельность издательство «Кузнецкая крепость», созданное усилиями писателя Б.А. Рахманова[2]. Издательство в дальнейшем работало сразу на два центра – часть его литературы издавалась в Кемерове. За 25 лет своей деятельности ООО «Кузнецкая крепость» выпустило немало книжной продукции, получившей положительную оценку писателей, ученых, деятелей культуры. Выходили, в частности, книги известного кузбасского историка-краеведа М.М. Кушниковой (некоторое время она работала редактором издательства), романы писателя А. Яброва, вызвавшие отклик профессиональной критики, сборники воспоминаний и писем «Сталинск в годы репрессий», подготовленные краеведом Л.И. Фойгт. Заслугой издательства «Кузнецкая крепость» стало возрождение книгоиздания на шорском языке. В советское время последняя книга на шорском языке вышла в апреле 1941 г. С тех пор язык коренного народа южной части Кузбасса был надолго забыт сибирскими книгоиздателями. Первым его вернуло в литературу новокузнецкое издательство Б.А. Рахманова. С 1992 г. в «Кузнецкой крепости» начали выходить книги на шорском языке (и в переводе с него), созданные современными шорскими писателями Н.Е. Бельчегешевым, Л.Н. Арбачаковой и другими литераторами и филологами.

Кроме ООО «Кузнецкая крепость» в Новокузнецке действует еще несколько менее известных издательских предприятий. Зарегистрированное в январе 1992 г. ООО «Издательство “Печатный двор”» до сих пор находится в строю, работая с заказной книжной продукцией. К 2016 г. издательство, в котором насчитывалось 9 сотрудников, вышло на небольшую прибыль[3]. В Новокузнецке на рубеже веков работали также издательства «Фобос», «Сибирская Дарина», «Полдень», «Гала Пресс», крупной издающей организацией является Новокузнецкий полиграфический комбинат. В 2009 г. зарегистрировано ООО «Издательство “Сибирское время”».

Самостоятельные издательства существуют и в других городах Кузбасса. В Междуреченске известен Издательский дом «Контакт», созданный в 1996 г. на базе одноименной городской газеты. Проявляло себя некое издательство «Банкир». В Ленинске-Кузнецком группа литераторов, объединившаяся при газете «Лик» («Литература и культура»), создала в 2000 г. небольшое одноименное издательство, каждая книга которого считалась «литературно-художественным выпуском газеты “Лик”»[4]. В ноябре 1996 г. в Ленинске-Кузнецком началась деятельность довольно известного в Кузбассе издательства «Летопись», перебравшегося в 1999 г. в Кемерово (ликвидировано в 2008 г.). В Гурьевске в 1994 г. с большим размахом начало работу издательство «Книга», выпустившее трехтомник сочинений классика сибирской литературы В. Г. Распутина (каждый том объемом от 420 до

[1] Здесь и далее сведения о конкретном издательстве (времени его создания и ликвидации, учредителе, юридической форме предприятия), не оговоренные специальной ссылкой, взяты из базы данных Государственной налоговой службы России «Единый государственный реестр юридических лиц» (ЕГРЮЛ).

[2] Рахманов Б., Гревнев М. «Кузнецкая крепость» – оплот кузнецкой литературы // Кузнецкий край. Кемерово, 1995. 6 янв. С. 3; *Михайлова Т.* «Я болел словесною сказкою…» // Кузнецкий рабочий. Новокузнецк. 1994. 30 апр.

[3] Издательство «Печатный двор», ООО // Синапс [электронный ресурс]. URL: https://synapsenet.ru/searchorganization/organization/1024201468862-izdatelstvo-pechatnij-dvor-ooo (дата обращения: 25.01.2019).

[4] *Юдин Ю.* Подробности олимпийского быта // Кузнецкий край. Кемерово, 2000. 23 дек. С. 5; *Самойленко С.* Тихие песни // Наша газета. Кемерово. 2000. 22 нояб. С. 3.

520 с.). Из-за финансовых трудностей предприятие вскоре обанкротилось. В Белово книгоиздание занималось предприятие «Беловский полиграфист», в Анжеро-Судженске – издательство «Сибирские огни» (выпустившее три тома монографии М. Кушниковой, В. Сергиенко и В. Тогулева «Страницы истории города Кемерово»). В Прокопьевске с 1999 по 2013 г. действовало ООО «Издательство “Кузбасские горизонты”», в 1990-е гг. – частное издательство «Пласт». В Березовском в 2006–2013 гг. имелось ООО «Духовная азбука», в Осинниках в 2011 г. появилось ООО «Издательство “Оригами”». С 2008 по 2017 г. в с. Атаманово Новокузнецкого района работало ООО «Издательство “Литера”». Во всех перечисленных районных центрах, а также в Юрге, Киселевске, Таштаголе и пос. Школьном Ленинск-Кузнецкого района выходили книги, отпечатанные в местных типографиях без указания какого-либо издательства.

В Красноярском крае, в отличие от Кузбасса, не наблюдается соперничества двух «столиц», однако на севере региона в г. Норильске сформировался вполне самодостаточный издательско-полиграфический комплекс. Здесь, за Полярным кругом, располагается издательство «Апекс», известное далеко за пределами города. Начав в 1991 г. с книжной торговли, основатели АО «Апекс», супруги Л.Н. и С.А. Стрючковы, журналисты и краеведы, занялись в 2000 г. книгоизданием, стремясь привлечь к творческому сотрудничеству всех известных на Таймыре (и начинающих) ученых, писателей, энтузиастов краеведческого «интеллектуального туризма» [1, с. 63–64]. Альманах «Апекса» под названием «Неизвестный Норильск», выходящий с 2005 г. и насчитывающий уже более 30 выпусков, был многократно отмечен призами на российских и региональных форумах журналистов, издателей, ученых. Известность получили книги «Апекса», вышедшие в «Синей серии» (краеведческая литература) и в серии «Край света» (произведения норильских писателей), а также издания о культуре и этнографии нганасан. Издательство, несмотря на нарастающие трудности, продолжает работать и развиваться [1, с. 65].

Из других средних городов Красноярского края стабильная издательская деятельность ведется в двух старинных центрах местной печати – Ачинске и Канске, но в первом, ввиду близости его к краевому центру, не обнаружилось необходимости в организации собственных частных издательских предприятий. Что касается Канска, то в нем независимая издательская деятельность возродилась уже в начале 1990-х гг. С 1993 по 2012 г. в городе действовало ООО «Издательство “Вестник”», с 1996 г. издавался краеведческий альманах «У Братского перевоза». Выходили авторские сборники самодеятельных литераторов. В 1994 г. Канский краеведческий музей предпринял переиздание знаменитой книги писателя В.А. Итина «Страна Гонгури», вышедшей в городе в 1922 г. и тем занесшей Канск в летопись сибирской литературы. Одним из спонсоров переиздания было АО «Апекс». В Боготоле с 2004 по 2011 г. существовало ООО Е. В. Перепелкина под названием «Издательство». В Шарыпово общественно-художественный альманах «Инголь» и книги местных авторов издавала редакция газеты «Огни Сибири». В Дивногорске отмечалась издательская деятельность центра «Деловой Дивногорск». Как в этих, так и в других районных центрах края – Железногорске, Зеленогорске, Саяногорске, Шушенском, Богучанах, Балахте – книги печатались, минуя издательства, в межрайонных и районных типографиях.

Наличие альтернативного книгоиздательского центра отмечено и в Хабаровском крае. Издательской монополии краевой столицы – Хабаровска – здесь противостоит деятельность печатных предприятий Комсомольска-на-Амуре. Тон в научном и учебном книгоиздании города задает Комсомольский государственный педагогический институт (КГПИ), издательство которого не прекращало бурной деятельности в самые сложные годы. Здесь ежегодно выходят десятки монографий и учебников, причем по новизне и актуальности содержания, по степени интереса к ним научного сообщества многие из этих трудов могут вполне соревноваться с продукцией вузов краевого центра и других городов востока России.

В Комсомольске-на-Амуре сильна деятельность историков-краеведов демократической ориентации. В 1997–1999 гг. местное издательство ООО ПКП «Жук» выпустило пять томов произведений известного в крае историка М.А. Кузьминой «Комсомольск-на-Амуре: конец XX века: История демократического движения в эпоху политических потрясений». Общественный резонанс имели и другие книги этого автора, вышедшие здесь в серии «Дальний Восток: великие стройки сталинских пятилеток»[5], и особенно монография «Плен», посвященная пребыванию в Хабаровском крае японских военнопленных Второй мировой войны[6].

Город в устье Амура оказался богат и на частную издательскую инициативу. В начале XXI в. здесь действовало издательство «БукЛенд», с 2006 по 2013 г. работало ООО «Издательство “Крона”», в 2009 г. возникло ООО «ДВ-Издательство», в 2012–2017 гг. существовало ООО «Дальневосточное региональное книжное издательство “Жар-птица”». Городская писательская организация начала выпуск собственной продукции с трех томов сборника «Комсомольск литературный», вышедшего в 2003 г.[7]

Но наиболее узнаваемым «брендом» издательской жизни Комсомольска-на-Амуре стали два предприятия. В 1990-е гг. в городе развернулась деятельность издательства «Красная власть», удивившего дальневосточников главным образом своим эпатажным на-

---

[5] *Денисова Н.* Далеко от Москвы спустя полвека // Приамурские ведомости. Хабаровск. 2001. 9 февр. С. 7.

[6] *Акулич С.* Русский автор – о японских военнопленных // Тихоокеанская звезда. Хабаровск. 1995. 5 сент.; *Андреева Г.* Правда нужна живым // Приамурские ведомости. 1996. 12 апр.

[7] *Володин К.* «Комсомольск литературный» ищет таланты // Дальневосточный Комсомольск. 2004. 23 марта. С. 7.

званием. Издательство выпускало преимущественно книги литераторов, созданные в русле необычной тематики. Так, вышли сборник рассказов Ф.Х. Масловского «Уссурийский фазан» (1998) и две книги Н.Б. Овсюковой, бывшего председателя клуба индеанистики в Новосибирске, переводчицы произведений американских индейцев и другой англоязычной литературы для московских издательств. В издании «Красной власти» были выпущены повесть Н.Б. Овсюковой «История Кольца, или Дневник одной девицы, обчитавшейся Толкина, полный дурацких мыслей и странных событий» (1996), отдававшая дань увлечению автора толкинистикой, и сборник романов «Лениниана» (1998).

Другим заметным явлением в культуре Комсомольска-на-Амуре стала деятельность издательства «Со-Весть», выпускавшего художественную литературу, в частности стихи нанайского поэта А.Д. Самара (2014). В 2005–2007 гг. в издательстве «Со-Весть» вышло пять томов энциклопедического издания «Писатели города Комсомольска-на-Амуре», подготовленного С.И. Вишняковой. Тома (объемом от 233 до 654 с. каждый) содержали литературную летопись города с момента его основания (1932), творческие портреты писателей, по нескольку их избранных произведений, характеристику с указанием персонального состава всех бывших и нынешних городских литературных объединений. Деятельность С.И. Вишняковой, по крупице собиравшей средства на это «пятикнижие», была оценена специалистами как «настоящий героизм» [2, с. 39].

На фоне Комсомольска-на-Амуре издательская деятельность в других населенных пунктах Хабаровского края выглядит менее значимой. Следует отметить работу издательства «Вымпел» в г. Амурске (где выпуск некоторых книг спонсировала фирма «Экссомак»), выход по нескольку книг в Бикине, Охотске и пос. Солнечном.

МОДЕЛЬ «СКОЛЬКО ГОРОДОВ – СТОЛЬКО КНИЖНЫХ ЦЕНТРОВ»

Четвертый тип развития издательской практики в средних и малых поселениях демонстрируют такие регионы, как Томская и Иркутская области, Приморский и особенно Алтайский края. Этот вариант роста издательской инициативы можно считать наиболее гармоничным. Он предусматривает равномерное распределение вновь возникающих издательских предприятий по всей территории региона, их развитие во всех, готовых к этому, районных центрах и других населенных пунктах.

В Томской области за пределами областного центра наиболее сильное в профессиональном отношении издательство расположено в г. Асино, оно носит название «Асиновское». Созданное в 2004 г., это издательство было закрыто в 2017 г., но возродилось под чуть измененным названием – ООО «Асиновское издательство». Предприятие стабильно выпускает заказную литературу, в том числе объемную (до 800 с.). Краеведческая часть книжного репертуара «Асиновского» во многом держится на трудах местного энтузиаста Г.И. Игнатова – библиофила и коллекционера. Обладая коллекцией экслибрисов и других произведений малой графики, Г.И. Игнатов проводил вместе с педагогами и библиотекарями регулярные выставки экслибрисов – редчайшее явление культурной жизни даже в масштабах России. На выставки книжного знака в глубокой провинции обратила внимание центральная пресса[8]. По итогам многих выставок издательство «Асиновское» выпускало каталоги, требующие тонкой художественной работы издателей и полиграфистов, печатались и книги, обобщавшие итоги выставочной деятельности экслибрисистов [3, 4].

Город Северск не испытывает неудобств с издательскими услугами, поскольку является фактически частью городской агломерации Томска. Здесь продолжает работу один из долгожителей частного книгоиздания в Сибири – ООО «Издательство “Триада”», созданное еще 4 апреля 1991 г. «Триада» выпускает в основном заказную художественную литературу. В Северске действуют также издательство «Контекст» и Центр дизайна и печати, собственные издания выпускает Сибирский химический комбинат. На нефтяном севере области, в г. Стрежевом, работает издательство «Печатник». В ряде районных поселений Томской области – Колпашево, Кожевниково, Парабель, Кривошеино, Каргасок, Молчаново, Мельниково, Первомайское – книги печатаются в типографиях и создаются с помощью библиотечных мини-типографий, минуя издательства. В с. Зыряновское с 1996 г. таким способом выпускался «независимый ежемесячный журнал» «Чулымский вариант».

В Иркутской области наблюдается такая же картина поступательной реализации равных возможностей издательств и издающих организаций, более или менее равномерно распределенных по территории региона. Относительно крупным издательским центром Приангарья является г. Братск, в котором имеется муниципальное предприятие «Братская городская типография», хорошо оснащенное полиграфической техникой. Это предприятие ежегодно выпускает несколько десятков заказных книг. Только за 2000 г. типография напечатала 23 тыс. экз. книжной продукции [5, с. 8–9]. Основными авторами здесь являются местные литераторы[9].

Братск – единственный из районных городов России, где успешно развивается миниатюрное книгоиздание. Происходит это в основном благодаря усилиям энтузиаста миниатюристики поэта В.В. Монахова. Поначалу В.В. Монахов и его единомышленники использовали возможности малого предприятия «Каскад», созданного при АО «Братский лесопромышленный комбинат». «Каскад» выпустил в 1992–1996 гг. мини-

[8] *Васильев А.* Асиновские выставки // Книжное обозрение. М., 1996. 9 апр. С. 4.

[9] *Синодский А.* «Осенний урожай» поэтов Братска // Книжное обозрение. 1997. 2 дек.

атюрные книги «Тебе, Падун», «Венок сонетов» В. Солоухина, двухтомник «Рубаи» Омара Хайяма, много других изданий-«крохоток»[10]. Творческим достижением братских миниатюристов стал вышедший в 1995–1999 гг. четырехтомник (в 5 кн.) «Братск – Пушкину», подготовленный под руководством местного пушкиноведа С.А. Саунина при участии известного в Сибири поэта и библиофила В.С. Сербского, собравшего в Братске уникальную библиотеку русской поэзии XX в. Издание, вышедшее в «Братской городской типографии», приурочено к 200-летию со дня рождения поэта[11]. На базе типографии в конце 1990-х гг. выходили две книжные серии: «Книга-малютка», и «Миниатюрная библиотека поэзии».

Некоторая часть литературы в Братске издается Братским индустриальным институтом. С 2001 по 2016 г. в городе действовало Закрытое акционерное общество (ЗАО) «Издательство “Стэк”», в 2002–2010 гг. – ООО «Издательство “Сфера”».

Из других районных городов Иркутской области, где развита издательская деятельность, следует назвать Ангарск. Учебную литературу здесь выпускает Ангарский государственный технологический институт. Книги издают АО «Ангарская городская типография» и полиграфическая фирма «Импресс». В 1990-е гг. в городе было известно АО «Издательство “Формат”», затеявшее выпуск исторической прозы в серии «Драмы России»[12]. «Формат» выпускал свои книги также в Иркутске и пос. Железнодорожный Усольского района. В г. Саянске действовало издательство «Политон»[13]. Книжная продукция Шелехова, Усолья-Сибирского, Байкальска, пос. Усть-Ордынского, пос. Ербогачен выходила в районных типографиях помимо издательств.

Говоря о развитии книгоиздания в Иркутской области, следует отметить и негативные стороны в деле восстановления районного звена: ряд старых издательских центров, таких как города Нижнеудинск, Киренск, Бодайбо, за годы советской власти столь надежно были лишены функции создателей книжной продукции, что в новейшее время так и не возродились в качестве опорных точек региональной книги. Здесь нет самостоятельных издательств, мало литературы печатается и в местных типографиях.

Самую яркую картину пробуждения издательских амбиций в средних и малых городах, в сельских поселениях демонстрирует Алтайский край. Связано это скорее всего с тем, что г. Барнаул как краевой центр не обладает сильной и разветвленной структурой издательских предприятий. Единственным крупным уставным издательством (исключая вузы) здесь является Некоммерческое партнерство «Азбука». В таких условиях «перетекание» части издательских инициатив из краевого города в районы закономерно и экономически оправданно.

Первенство среди районных городов Алтайского края по количеству выпущенных книг и разнообразию их содержания удерживает старинный издательский центр – г. Бийск. Одним из главных книгоиздателей города является Научно-издательский центр (НИЦ) Бийского педагогического государственного университета. Ежегодно продукция НИЦ доходит до сотни названий солидных по объему книг, тиражом от 100 до 1000 экз. каждая. В Бийске издаются вполне достойные современного уровня знаний книги по всему спектру естественных и особенно общественных наук (педагогика, философия, социология, журналистика, филология, экология). Здесь имеется несколько довольно крупных частных издательств. Издательство «Кедр» ведет свое происхождение от издательско-полиграфического комплекса, созданного в советское время. С 1992 г. «Кедр» существовал как государственное предприятие, 27 мая 1999 г. был приватизирован и получил статус ООО. Издательство много работало с заказной, преимущественно художественной литературой, выпуская каждый год по 20–30 названий. 5 октября 2010 г. ООО «Кедр» было закрыто Государственной налоговой службой за предоставление недостоверных сведений о своих доходах.

В 2006 г. в Бийске начало работу ООО «Издательство “Бия”», с ходу перехватившее инициативу по выпуску части заказных книг и составившее серьезную конкуренцию ООО «Кедр». Издательство начало в 2006 г. публикацию ежегодного альманаха Бийского Благочиния и Бийского отделения Демидовского фонда «Бийск православный», инициировало в 2010 г. выход серии мемуарной публицистики «Былое и современность». На средства Демидовского фонда Алтая была выпущена в 2006 г. восстановленная литературоведами книга Г.Д. Гребенщикова «В просторах Алтая», которую классик алтайской литературы намеревался издать еще в 1913 г.

В 2003 г. на базе Бийской типографии «Формат» было создано одноименное издательство. ООО «Формат» действовало до 2016 г., выпуская в год до десятка наименований заказных книг. Аналогичный путь проделала городская типография «Катунь», став в 2005 г. частным издательством. Книги в Бийске выпускало также издательство «Vista group» и редакция газеты «Моя земля».

В Бийске печатается несколько известных на Алтае периодических изданий, наиболее ценное из них – литературно-художественный, научный и историко-просветительный альманах «Бийский вестник», издающийся с 2003 г. при финансовой поддержке Бийского отделения Демидовского фонда Алтая. На се-

---

[10] *Монахов В.* Простор для «Каскада» // Восточно-Сибирская правда. Иркутск, 1993. 6 апр.; *Он же.* «Клондайк» крохоток // Восточно-Сибирская правда. 1993. 28 сент.; Он же. Братская миниатюра // Восточно-Сибирская правда. 1996. 10 февр.

[11] *Бельский М.* Братск – Пушкину // Книжное обозрение. 1996. 4 июня. С. 5 ; *Монахов В.* К 200-летию поэта // Восточно-Сибирская правда. 1997. 7 июня. С. 13; *Он же.* В гости к детям – рыбка золотая // Восточно-Сибирская правда. 1999. 27 марта, 7 апр.

[12] *Мутин В.* Стенька Разин в гости к нам // Восточно-Сибирская правда. 1995. 10 марта. С. 6.

[13] *Соловьев Ю.* Мотивы, сердцу дорогие // Восточно-Сибирская правда. 1994. 20 апр.; *Кобенков А.* «Сквозь слезы счастья и беды…» // Советская молодежь. Иркутск, 1994. 29 янв.

годняшний день альманах считается одним из самых интересных литературных и краеведческих изданий Сибири. В 2000–2002 гг. выходило философско-публицистическое издание, которое готовили ученые Бийского педагогического университета – «журнал интеллигенции Алтая» под названием «Розмысл»[14]. С 2004 г. выпускался журнал «Алтай: знакомое и неизвестное» [6, с. 13]. Популярностью пользуется журнал для женщин «Бийчанка» [7, с. 5].

Другим промышленным центром Алтайского края, обладающим очагами городского книгоиздания, является Рубцовск. Некоторое, хотя и небольшое количество литературы выпускает здесь редакционно-издательский отдел Рубцовского индустриального института (РИО РИИ). Им ежегодно издается от полутора до двух десятков названий книг. Около десятка названий в год публикует ООО «Фирма “Выбор”», в 2007 г. фирма из типографии была преобразована в частное издательство. Но больше всего книг, в основном заказного характера, выпускает Краевое государственное унитарное предприятие «Рубцовская типография». С конца 1990-х гг. здесь публиковалась книжная серия «Поэтическая Сибирь», в 2002 г. ее сменила серия «Стихи рубцовских поэтов». В 2010 г. в городе начато издание альманаха «Браво, Рубцовск.ru».

Книгоиздательской деятельностью занимались и другие относительно небольшие города Алтайского края. В Новоалтайске основным издателем является ООО «Издательство “Вечерний Новоалтайск”» (бывшее издательство одноименной городской газеты), зарегистрированное в 2000 г. С 2011 по 2015 г. в городе работало ООО «Издательство “Ласка”». В Алейске с 2003 г. издается художественно-публицистический альманах «Алейские самоцветы», в 2008 г. появился его шестой номер. В Славгороде, где основная часть литературы выпускается городской типографией, таких изданий выходило сразу четыре: в 1999–2000 г. были опубликованы два выпуска литературно-художественного альманаха «Другие берега», в 2001 г. его сменил альманах «Степные узоры», в 2002–2005 гг. издано четыре выпуска альманаха «Новый ковчег», в 2005 г. литературное кафе «Голос» решилось на выход своего альманаха «Степная муза». С 2003 г. в Славгороде регулярно издается историко-краеведческий журнал «Минувшие дни». В г. Камне-на-Оби в 2010 г. начал выходить культурно-просветительный журнал «Фома», издан двухтомник воспоминаний «Каменцы во имя отчизны» (2001–2002). В г. Заринске с 1995 по 2016 г. основную часть книжных изданий выпускало Муниципальное унитарное издательско-полиграфическое предприятие «Новое время» (бывшее издательство одноименной газеты), часть книг печаталась в типографии ООО «Алтай-кокс». В 2006 г. в городе появилось частное издательство «Печатный дом».

Отличительной особенностью Алтайского края в новейшее время стало самое широкое, в сравнении с другими восточными территориями России, распространение издательской практики в сельской местности. Кажется, нет ни одного поселка или села – районного центра края, в котором не пробивались бы ростки книгоиздания. Фундаментом этого движения чаще всего служит краеведческая деятельность местных библиотек и других учреждений культуры. На их множительно-издательской технике, а также в районных типографиях и выходят эти книги. Автору статьи удалось найти книги и брошюры, выпущенные в пос. Павловск, с. Шипуново (где большую часть литературы издает редакция районной газеты «Степная новь»), в с. Усть-Калманка (в котором местные краеведы опубликовали в 2004 г. десять выпусков брошюр «Очерки истории и культуры Усть-Калманского района), с. Ребриха (здесь стал известен издатель «Красной книги Ребрихинского района» краевед-эколог А.М. Куприянов-младший), с. Смоленское (в 2001–2007 гг. здесь вышло семь выпусков литературно-краеведческого альманаха «Родники»), селах Топчиха, Поспелиха, Угловское, Староалейское, Мамонтово, Актайское, Курья (издания газеты «Патриот Алтая»), Усть-Пристань (редакция газеты «Авангард»), Тальменка, горного села Колывань.

Мало того, с начала XXI в. брошюры и даже солидные книги (отпечатанные в типографиях соседних городов) стали издаваться и в населенных пунктах, не имеющих статус районных центров – пос. Степное озеро, селах Шелковка, Верх-Пайва, Полевое, Яровое, Михайловское, Буланиха, Буян. В с. Шумановка Немецкого национального района выходит «сельский литературно-экологический альманах» «Калина красная», издаваемый краевой общественной организацией «Передвижной клуб-музей “Калина красная”». Часть текста альманаха печатается на немецком языке. «Деревенский», по демографическим характеристикам, регион – Алтайский край – растянул сеть мелких издательств и издающих организаций на все пространство сельских территорий.

МОДЕЛЬ «ПЕРИФЕРИЯ СИЛЬНЕЕ ЦЕНТРА»

Наконец, существует еще одна – пятая по счету – редчайшая в условиях России модель размещения издательских предприятий в регионе, особенность которой состоит в том, что административная «столица» не обладает абсолютно никакими преимуществами перед остальными городами в смысле уровня развития издательской индустрии. В Сибири такой вариант распределения издательских сил демонстрирует Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. Город Ханты-Мансийск обладает довольно скромным издательским потенциалом, некоторые книги, подготовленные специалистами окружного центра, выпускаются в соседней Тюмени. В Ханты-Мансийске имеются официальные издательские структуры, а также ведомственные предприятия, такие как ООО «Издательский дом Торгово-промышленной палаты ХМАО – Югры». В 1990-е гг. существовало издательство «Н.И.К»,

[14] *Рябова Е.* Гоголь, Чехов и Строганов – в одной обойме // Алтайская правда. Барнаул. 2001. 31 мая.

в наши дни первенство держит ООО «Печатный двор – Ханты-Мансийск». В 2005–2017 гг. работало ООО «Издательство “Дантая-Югра”», с 2007 г. действует ООО «Издательство “Юграфика”». На этом список профильных предприятий исчерпывается.

Намного длиннее реестр издательств в г. Сургуте. В одном из центров нефтяного Севера еще с 1993 г. действовал солидный по размаху деятельности Акционерный информационно-издательский концерн «Северный дом», в 1996 г. было основано Северо-Сибирское региональное книжное издательство. В 1995–2016 гг. в городе имелось ЗАО «Сургутский издательский центр», с 2003 по 2010 г. работала Автономная некоммерческая организация «Информационно-издательский центр Среднего Приобья», с 2004 по 2015 г. действовал ООО «Издательский центр “Май”», в 2007–2012 гг. – «Издательский дом “Прима-медиа”», в 2010–2012 гг. – ООО «Литературно-издательское агентство “Сайма”», в 2014–2016 гг. – «Издательский дом “Белые ночи”», в 2017–2019 гг. – ООО «Научное издательство “Знание”». С 2005 г. в Сургуте располагается ООО «Издательско-полиграфический комплекс». Все эти предприятия оставили след в региональном книгоиздании.

Менее устойчивым, но тоже заметным по результатам деятельности предстает издательское дело в другом нефтяном центре – Нижневартовске. Калейдоскоп издательской жизни здесь выглядел следующим образом: с декабря 1991 г. по 2009 г. существовало Акционерное общество закрытого типа «Издательство “Обь”», с 1994 по 2012 г. работало Товарищество с ограниченной ответственностью «Издательство “Четвертая власть”», с 1997 по 2010 г. – «Издательский дом “Мастер Принт”». В начале XXI в. их сменили последовательно: ООО «Издательство “Пайдейя”» (2005–2016), ООО «Югорский издательский дом» (2005–2016), ООО «Издательский дом “Фаст-Принт”» (2009–2017), ООО «Издательский дом “Фамильная книга”» (2014–2020), ООО «Издательский дом “Клюква”» (2016–2018).

Некоторая издательская активность появлялась в еще одном центре Югры – г. Нягань. Здесь в 1999–2016 гг. имелось ООО «Издательство “Практика”», с 2002 по 2016 г. действовало ООО «Издательский дом “Элит-Пресс”». Большинство перечисленных издательств ХМАО – Югры не выдержало проверки временем. Но их деятельность, несомненно, способствовала продвижению книжного дела в северные области Сибири.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мозаика издательской деятельности, сложенная воедино, дает исследователю картину безусловного роста потребностей жителей российской провинции в культурной информации, стремления к творчеству и духовному самовыражению – и соответствующего ответа организованных культурных сил и бизнес-сообщества в виде создания сети локальных издательских предприятий, роста индивидуального вклада энтузиастов книжного дела. Изученные факты позволяют оптимистически оценивать перспективы распространения демократических принципов культуры на окраинах современной России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Альшевская О.Н.* Издательская, книготорговая и краеведческая деятельность компании «Апекс» // Библиотековедение. М., 2015. № 3. С. 62–67.

2. *Ремизовский В.И.* Энциклопедия литературной жизни города Комсомольска-на-Амуре // Печатный двор. Дальний Восток России. Владивосток, 2008. № 8. С. 37–39.

3. Творческое Причулымье. Вып. 1: Увлеченные экслибрисом / Асиновская централизованная библиотечная система, Библиотечно-эстетический центр. Асино, [2005]. 14 с.

4. Экслибрисы духовной культуры: каталог / Управление культуры Администрации Асиновского района, Асиновская централизованная библиотечная система. Асино: Изд-во «Асиновское», 2005. 93 с. + 5 л. прил.

5. *Урупов Е.А.* Печатный дом: Заметки и стихи из истории Братской городской типографии. Братск: МП «Братская городская типография», 2001. 24 с.

6. *Саломатова В.А.* «Алтай: знакомое и неизвестное», журнал // Бийск: энциклопедия. Бийск, 2009. С. 13–14.

7. *Суслина Н.А.* Ни дня без строчки / Интервьюер М. Ануфриева // Женщины нашего города. Бийск, 2008. С. 5–11.

REFERENCES

1. *Al'shevskaya O.N.* Publishing, book selling and local history activities of Apex Co. *Bibliotekovedenie*. 2015, no. 3, pp. 62–67. (In Russ.)

2. *Remizovsky V.I.* Encyclopedia of the literary life of Komsomolsk-on-Amur city. *Pechatnyy dvor. Dal'niy Vostok Rossii*. 2008, no. 8, pp. 37–39. (In Russ.)

3. *Aliferova L.Ya.* (*comp.*) Creative Podchulym'e. Iss. 1. Fascinated by ex-libris. Asino, 2005, 14 p. (In Russ.)

4. Ex-librises of spiritual culture: catalog. Asino, Izd-vo “Asinovskoe”, 2005, 93 p. (In Russ.)

5. *Urupov E.A.* Printing house: notes and poems from the history of the Bratsk City Printing House. Bratsk, MP “Bratskaya gorodskaya tipograpfiya”, 2001, 24 p. (In Russ.)

6. *Salomatova V.A.* “Altai: the familiar and unknown”, journal. *Biysk: entsiklopediya.* Biysk, 2009, pp. 13–14. (In Russ.)

7. *Suslina N.A.* Not a day without a line: interviewed by M. Anufrieva. *Zhenshchiny nashego goroda.* Biysk, 2008, pp. 5–11. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.05.2020
Дата рецензирования 04.06.2020
Статья принята к публикации 15.09.2020

DOI: 10.15372/HSS20200413
УДК 19.51.61(470+571)

И.В. ЛИЗУНОВА, А.С. МЕТЕЛЬКОВ

РОССИЙСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ КНИГОИЗДАНИЕ К 2020 г.: ИНФРАСТРУКТУРА, РЕСУРСЫ, ПРОБЛЕМЫ

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630102, г. Новосибирск, ул. Восход, 15,

В статье проводится комплексный анализ проблем современного российского регионального книгоиздания, затрагиваются вопросы финансирования издательств и отдельных издательских проектов, распространения книг, вовлечения издательств в новое коммуникационное поле и их взаимодействия с интернет-средой, рассматриваются издательские стратегии, связанные с коммерческим и некоммерческим книгоизданием. Периферийное положение регионального книгоиздания по отношению к столичному объясняется концентрацией основных издательских и авторских ресурсов в Москве и Санкт-Петербурге, слабым развитием местных книготорговых сетей, невысокой покупательной способностью провинциальных читателей, зависимостью от государственной поддержки. В таких условиях большая часть книжной продукции, выпускаемой в регионах, относится к разряду некомерческой, по сути, культуртрегерской, распространяется отчасти спонтанно, остается недоступной большинству потребителей: читателям, покупателям, пользователям.

Ключевые слова: региональное книгоиздание, региональное книгораспространение, малотиражная литература, издательский проект, интернет-среда, краудфандинг.

I.V. LIZUNOVA, A.S. METELKOV

RUSSIAN REGIONAL BOOK PUBLISHING ON THE 2020: INFRASTRUCTURE, RESOURCES, PROBLEMS

State Public Scientific Technical Library of the SB RAS,
15, Voshod str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation

Modern regional book publishing has been formed under the influence of trends of monopoly, monocentrism, and concentration of publishing business in the central part of the country. It has specific features and develops in a specific thematic niche. Hundreds of publishing organizations form the infrastructure of regional book publishing, but only dozens of them are stable and relatively successful. The most regional publishing houses are small and medium-sized, low-budget, unprofitable and kulturträger without their own printing facilities and promotion channels. The main problems of regional book publishing are a shortage of financial, printing and human resources, unstable state support, undeveloped local book distribution networks, inaccessibility of large capital bookselling networks, lack of quality content, and low prestige of regional publishers in comparison with metropolitan ones, low purchasing ability of local readers. Regional publishing houses have almost no chance of achieving self-sufficiency under such conditions. The main sources of funding publishing houses are state and private foundations, sponsorship, crowdfunding, and book publishing at the authors' expense. All these types of support are focused primarily on non-commercial publishing projects, which constitute the overwhelming majority in the regions. The range of regional publishing projects that can potentially be profitable is not so wide: first of all, it includes various local lore literature, as well as literature of a narrow audience orientation, in particular, educational and scientific books. The distribution of published books is also a significant problem. One of the most relevant solutions to this problem is active involvement of publishers in the modern communication space, formed both in the Internet environment and off-line, and constant direct contact with potential readers.

Key words: regional book publishing, regional book distribution, small-circulation literature, publishing project, Internet environment, crowdfunding.

Ирина Владимировна Лизунова – д-р ист. наук, доцент, заведующая лабораторией книговедения, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: 2004liv@ngs.ru, https://orcid.org/0000-0001-7761-9459.

Irina V. Lizunova – Doctor of Historical Sciences, Associate professor, Head of the Laboratory of Book Science, State Public Scientific Technical Library SB RAS.

Антон Сергеевич Метельков – научный сотрудник лаборатории книговедения, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: mantoon@ngs.ru, https://orcid.org/0000-0002-6591-110X.

Anton S. Metelkov – Researcher, Laboratory of Book Science, State Public Scientific Technical Library SB RAS.

© Лизунова И.В., Метельков А.С., 2020

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня необходимо констатировать, что в 2020 г. российская книжная отрасль вступила в новый период развития. Книжный бизнес сильно пострадал от пандемии коронавируса. Серьезные финансовые потери затронули все предприятия, связанные с созданием, производством и дистрибуцией книжной продукции. Ближайшие месяцы покажут способность к выживанию издающих организаций и книжных сетей. Правительством РФ книгоиздание и книжная торговля были включены в перечень наиболее пострадавших от последствий пандемии[1]. Руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям М. Сеславинский отметил, что поддержка нужна всей отечественной книжной индустрии: «особенно мы переживаем за небольшие региональные издательства, которым, конечно, приходится тяжелее всего»[2]. Чтобы спрогнозировать возможные последствия пандемии коронавируса для регионального книгоиздания и книгораспространения, нужно оценить уровень развития отрасли к концу второго десятилетия XXI в.: картину динамики развития региональной книжной индустрии, ее уязвимостей, возможной инволюции или некоей стабилизации после прохождения точки бифуркации, за которой должно последовать инновационное развитие на основе новых технологических и коммуникационных возможностей либо затяжное кризисное существование книжной отрасли на периферии страны.

РЕГИОНАЛЬНОЕ КНИГОИЗДАНИЕ: ЛИДЕРЫ И АУТСАЙДЕРЫ, ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ

К 2020 г. издательский бизнес в регионах сложился как малый и средний. В большинстве своем он был малобюджетным, низкорентабельным, тематически нишевым. Реальную издательскую картину на периферии страны формировали несколько десятков издательств. Исключение составляли лишь некоторые центральные области страны (в частности, Ростовская область), в которых еще в начале 1990-х гг. возникли и смогли удержать лидерские позиции издательства-гиганты, работающие в основном на рынке учебной литературы. В подавляющем же большинстве у региональных издательств отсутствовали свои типографские мощности, книготорговые сети, действовало сложное ценообразование на книги, зачастую издательская продукция выпускалась в собственных прикладных целях, значительная ее часть вообще не попадала в книготорговые сети. Региональное книжно-культурное коммуникационное пространство формировали частные издательства с именем и долгой историей. Лидирующие позиции на протяжении последних лет привычно занимают уже известные издательства, не только играющие ведущую роль в своих регионах, но и служащие ориентирами для издателей других краев и областей страны. Так, в 2019 г. в число лидеров книгоиздания регионов вошли издательства, представленные в табл. 1[3].

Таблица 1

Лидеры книгоиздания регионов. 2019 г.

Table 1

Leaders of regional book publishing. 2019

Издательство Publishing house	Число названий Number of names	Общий тираж, тыс. экз. Total circutation, thousand of copies
«Издательские решения» (Екатеринбург)	705	31,99
«Феникс» (Ростов-на-Дону)	588	2714,5
Объединение «Отечество» (Казань)	232	–
«Китап» (Уфа)	220	913,98
«Бук» (Казань)	203	–
«Бичик» (Якутск)	196	508,23
«Легион» (Ростов-на-Дону)	182	2778,5
«Учитель» (Волгоград)	181	–
«Ариал» (Симферополь)	180	–
«Картуш» (Орел)	56	13,55
«Лоция» (Архангельск)	37	11,26
«Роща» (Иваново)	27	10,65
«Медиарост» (Рыбинск)	25	92,3
«Бэлиг» (Улан-Удэ)	23	46,98
«Древности Севера» (Вологда)	18	13
«Калейдоскоп» (Владимир)	18	8,55
«Нижняя Ориандa» (Симферополь)	16	9,5
Оренбургское книжное издательство (Оренбург)	14	15,3
«Новая книга» (Петропавловск-Камчатский)	8	6,85
«Охотник» (Магадан)	8	6,27
«Рубеж» (Владивосток)	6	8,5

Примечательно, что показатели выпуска книг и брошюр перечисленными издательствами сильно разнятся: от 4–6 наименований в год – до 700 и выше. Факторы, влияющие на динамику выпуска книг и брошюр участниками регионального издательского процесса, слишком разные. Они зависят от производственных и ресурсных мощностей, которыми располагают издательства, их инновационного потенциала, финансовых возможностей, внедряемых в жизнь издательских стратегий, работы с потенциальной аудиторией, проводимой маркетинговой политики. Тем не менее

[1] Книгопечатание включено Кабинетом министров в список наиболее пострадавших отраслей // Pro-Books.ru. – Книжный бизнес. URL: pro-books.ru|news/3/21610 (дата обращения: 26.05.2020).

[2] Субсидии на издание социально значимой литературы в текущем году получат около 300 издательств // Pro-Books.ru. – Книжный бизнес. URL: pro-books.ru|news/3/21632 (дата обращения: 02.06.2020).

[3] Книжная палата / Статистические показатели 2019 года. URL: http://www.bookchamber.ru/statistics.html (дата обращения: 02.06.2020).

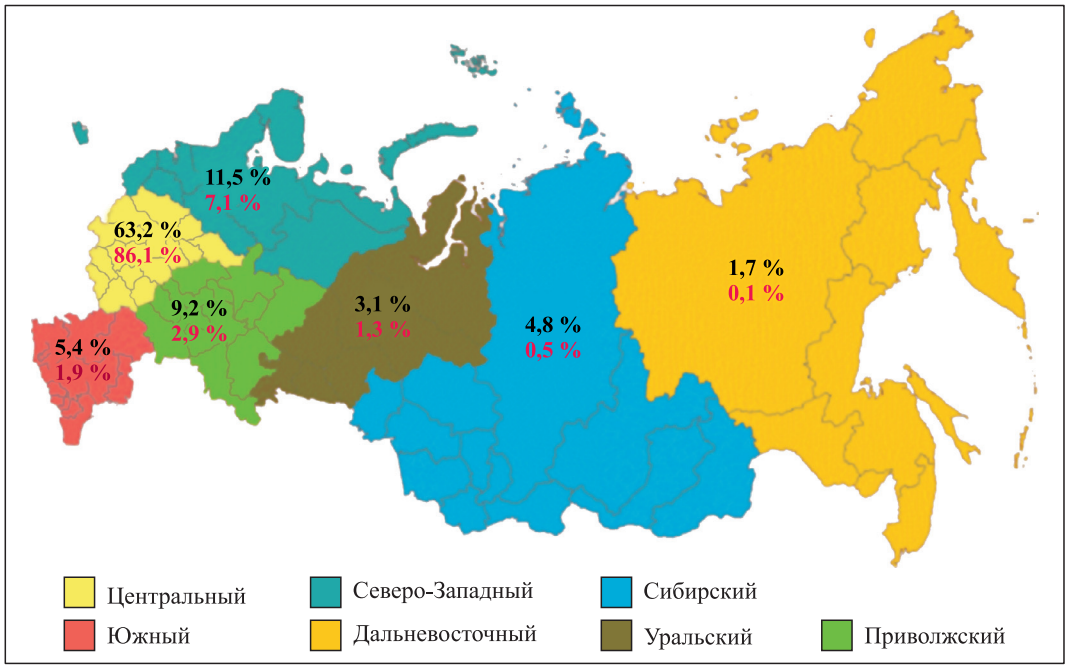

Рис. 1. Доля федеральных округов в общем выпуске книг и брошюр в России. 2002 г.

Fig. 1. The share of federal districts in the total production of books and brochures in Russia, 2002.

объединяющим началом для всех этих различных по производительности издательств стали авторитетность и степень их воздействия на культурную жизнь собственного региона, лидерские позиции на книжном рынке области/края в течение многих лет.

В масштабах страны самыми крупными производителями книг на протяжении последних десятилетий являлись следующие федеральные округа: Приволжский – 1-е место по количеству наименований (10 091) и 3-е по тиражу (6 026,99 тыс. экз.), Центральный (без Москвы) – 2-е по наименованиям изданий (7 387), 1-е по тиражу (16 171,1 тыс. экз.), Южный – 3-е (5 914) и 2-е места (8 438,71) соответственно.

В рейтинге субъектов страны по количеству названий в последние годы лидировала Ростовская область (2 473 названий). В десятку лидеров традиционно входили Республики Татарстан (2 183), Башкортостан (1 383), Свердловская (1 720), Челябинская (1 408) и Новосибирская области (1 404). Лидером по числу названий и по тиражам в Сибирском федеральном округе являлась Новосибирская область, а также Омская, Иркутская и Кемеровская области; в Дальневосточном в число крупнейших издательских центров традиционно входили Хабаровский край, Республика Саха (Якутия) и Приморский край. В Уральском федеральном округе первенствовали Свердловская, Челябинская и Тюменская области.

Однако если показатели выпуска книг и брошюр представить в общем объеме отечественного книгоиздания, то становится очевидным, что региональное книгоиздание маломощно, ничтожно мало и слабоконкурентно в масштабах страны. И как свидетельствуют официальные статистические данные, из года в год продолжает сокращаться (рис. 1, 2)[4]. Так, регионы-аутсайдеры за два десятилетия снизили свою производительность по количеству выпущенных книжных изданий: Дальневосточный ФО – с 1,7 до 1,3 % от общероссийского объема, Сибирский ФО – с 4,8 до 4,3 %. И даже регионы-лидеры отечественного издательского процесса в масштабах страны уменьшили свой вес: Южный ФО – с 5,4 до 5,1 %, а Приволжский ФО – с 9,2 до 8,76 %. Тиражи за последнее десятилетие сократились повсеместно, малотиражность стала трендом современной издательской деятельности и отличительным признаком регионального книгоиздания (рис. 1, 2)[5].

На долю региональных издателей в последние годы приходилась всего треть изданий по наименованиям от общего выпуска в стране (32,54 %; 37 463 названия; 2019 г.) и примерно десятая часть тиражей от общероссийского объема (8,21 %; 35 694,12 тыс. экз.; 2019 г.)[6] (рис. 3, 4).

Подавляющая часть издательских проектов в силу отечественной традиции реализовывались в Москве и Санкт-Петербурге: столичные издательства обладали большим авторитетом, наличием значительных ресур-

[4] Подсчитано по: Книжная палата / Статистические показатели 2019 года. URL: http://www.bookchamber.ru/statistics.html (дата обращения: 02.06.2020).

[5] Подсчитано по: Книжная палата / Статистические показатели 2019 года. URL: http://www.bookchamber.ru/statistics.html (дата обращения: 02.06.2020).

[6] Подсчитано по: Книгоиздание в регионах / Аналитика АСКИ. URL: http://aski.ru/ru/analytics/id-21 (дата обращения: 08.12.2020).

Рис. 2. Доля федеральных округов в общем выпуске книг и брошюр в России. 2019 г.

Fig. 2. The share of federal districts in the total production of books and brochures in Russia, 2019.

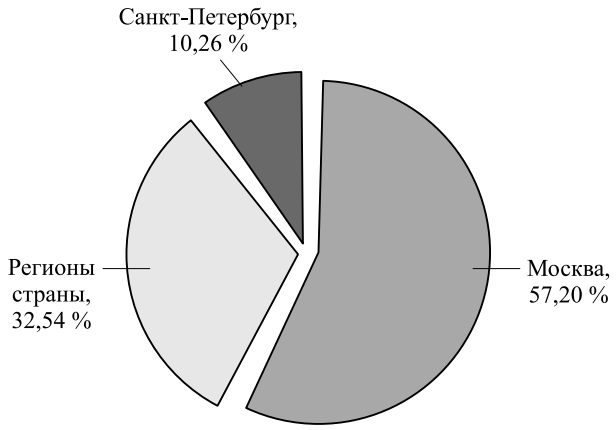

Рис. 3. Доля регионов в географии российского книгоиздания по числу выпущенных изданий, 2019 г.

Fig. 3. The share of regions in the geography of Russian book publishing by the number of published editions, 2019.

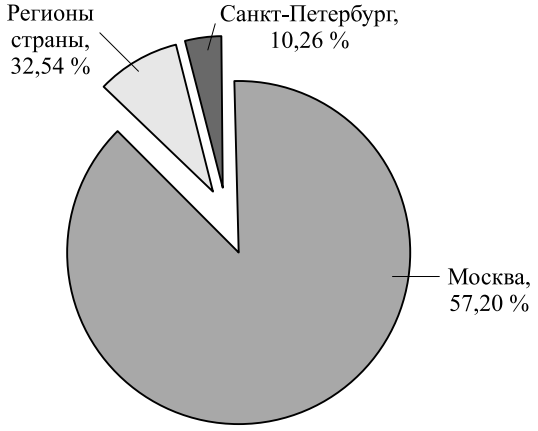

Рис. 4. Доля регионов в географии российского книгоиздания по общему тиражу, 2019 г.

Fig. 4. The share of regions in the geography of Russian book publishing by total circulation, 2019.

сов и хорошо отлаженными механизмами распространения. Сохранялся тренд на концентрацию и монополизацию издательского бизнеса в центральных регионах страны, а точнее, в столице. В 2008 г. количество изданных книг по названиям распределялось так: в Москве было издано 61 % книг и брошюр, в Санкт-Петербурге – 8, а в остальных регионах – 31 % [1, с. 9]. За десять лет положение дел практически не изменилось. Сибири, Дальнему Востоку в этой статистике отводится небольшая ниша в 0,5–1 %. Уменьшается число издаваемых экземпляров книг и брошюр на душу населения как в России в целом, так и в отдельных ее регионах [2, с. 7].

По данным официальной статистики за последнее десятилетие средний тираж одной книги сократился на 40 %. В регионах страны процесс снижения тиражей происходил намного заметнее. Это непосредственно отразилось на показателях количества изданных книг и брошюр в расчете на одного россиянина. С 2008 г. этот показатель уменьшился почти на 45 %

[2, с. 7]. Так, в 2016 г. в стране выпускалось в среднем 3 экз. книжной продукции на одного человека, а в Сибири и на Дальнем Востоке – лишь 1 экз. на 3–4 жителя. В 2017–2018 гг. вследствие сокращения тиражей данный показатель впервые сократился ниже 3 экз. на человека – до среднестатистической отметки в 2,95 [2, с. 7].

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ, ФИНАНСИРОВАНИЕ, КУЛЬТУРТРЕГЕРСТВО, ТЕМАТИЧЕСКИЕ НИШИ

Региональным издательствам, традиционно существующим в рамках «противостояния» центра и периферии, остается ниша узкоспециализированного книгоиздания, связанного с наукой (в регионах концентрации научно-исследовательских институтов), краеведением, художественной литературой местного значения либо сугубо прикладного характера, удовлетворяющей нужды издающей организации. Наиболее успешными издающими организациями в регионах стали местные издательства высших учебных заведений. Именно они очень быстро превратились в лидеров регионального издательского процесса. В последние десятилетия вузовские (университетские) издающие предприятия формировали общую картину книгопечатания в регионах, возглавляя издательский рейтинг на местах. В 2019 г. в числе лидеров оказались следующие вузовские издательства: Казанский национальный исследовательский технический университет (612 названий); Пензенский государственный университет архитектуры и строительства (519); Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, 513); Тюменский индустриальный государственный университет (363); Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск, 325); Новосибирский государственный технологический университет (321); Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, 251); Уральский федеральный университет (Екатеринбург, 224); Сибирский федеральный университет (Красноярск, 176); Северо-Восточный федеральный университет (Магадан, 169); Забайкальский государственный университет (Чита, 152) и др.[7] Большая часть вузовских издательств из года в год попадала в верхние строчки рейтинга по количеству изданий в год. Однако на фоне значительного числа названий тиражи выпущенных книг в большинстве своем оставались крайне низкими, едва достигая 100–500 экз. Книги и брошюры издавались в прикладных целях вузов, прежде всего для обеспечения образовательного процесса конкретного вуза, исключительно для внутреннего пользования. Ко всему прочему у вузов отсутствовала система распространения изданной ими печатной продукции. Все это подтверждает факт невключенности вузовского книгоиздания в рыночные отношения ни в масштабах региона, ни в масштабах страны. В подобных же прикладных целях в регионе издаются книги другими участниками издательского процесса – издающими организациями библиотек, музеев, фирм, органов власти, научных, образовательных и культурных учреждений.

Для большинства региональных издательств существует несколько основных источников финансирования: государственная поддержка, частные фонды, спонсорская помощь, самоокупаемость. С точки зрения различных издателей разные источники финансирования являются ведущими. Большая часть региональных издателей придерживается мнения, что их издательские проекты являются некоммерческими и должны получать стороннюю поддержку. Действительно, в ряде крупных сибирских городов (Красноярск, Омск, Томск, Барнаул, Иркутск) существуют государственные программы поддержки местного книгоиздания [3]. Наиболее удачно они реализуются в Красноярске и в Омске, в то же время в Новосибирске подобная программа отсутствует. Программы государственной поддержки позволяют осуществлять выпуск важных для регионов изданий, однако они сопряжены с рядом рисков: важна не только «прозрачность» схемы государственной поддержки, но и стремление к максимально объективной оценке проектов, запрашивающих поддержку, наличие четких критериев их оценки.

Случаи спонсорской поддержки издателей являются спорадическими и вряд ли поддаются строгой классификации. Как правило, спонсор не ждет коммерческой отдачи от проекта, а преследует личные или корпоративные интересы. Результаты в данном случае могут оказаться непредсказуемыми: от дорого оформленных, но не представляющих содержательной ценности книг (это происходит в большинстве случаев, так как для успешного взаимодействия со спонсорами издатель или сам автор должен обладать определенными психологическими характеристиками, часто идущими вразрез с творческим потенциалом) до действительно выдающихся изданий. Отдельно выделяются проекты, спонсором которых является сам издатель или его единомышленники, зарабатывающие средства на издание некоммерческих книг в совсем иной сфере деятельности. Этот сектор книгоиздания можно назвать самоиздательским, однако в случае, когда книгоизданием в таких условиях занимаются профессионалы высокого уровня, в результате появляется достойный продукт.

Ярким примером такого подхода является челябинское Издательство Марины Волковой, которое в сотрудничестве с поэтом В. О. Кальпиди занимается планомерным выпуском высококачественных книг уральской поэзии. Подобные так называемые инди-издательства производят некоммерческую, малотиражную литературу (в том числе самиздатовскую), ориентированную на ограниченный читательский спрос либо на конкретную узкую читательскую аудиторию. «Self-publishers» (в переводе с английского «самоиздатели») – независимые издатели прежде всего «публикуют только себя и никого больше» [4]. В последнее десятилетие инди-издательства стали реализовывать

[7] Книжная палата / Статистические показатели 2019 года. URL: http://www.bookchamber.ru/statistics.html (дата обращения: 02.06.2020).

полноценные издательские проекты, сформировали собственное видение миссии и стратегии издательства на книжном рынке. Так, новосибирская «Артель “Напрасный труд”» (АНТ) с 1998 г. приобщает читателей к творчеству отечественных зарубежных авторов; новосибирское неформальное общества печати «iZZдат» с 2011 г. сохраняет многообразие современной сибирской поэзии.

Региональное независимое книгоиздание развивается на инициативной, творческой основе, почти исключительно за счет собственных средств, остается подвижнической, культуртрегерской деятельностью. Большинство подобных издательств работают себе в убыток, занимаясь подвижничеством (книжный бизнес почти не приносит прибыли, поэтому книгоизданием, особенно в регионах, чаще всего занимаются именно подвижники) – изданием книг, заслуживающих с их точки зрения публикации. Более жизнеспособный вариант – когда деятельность издательства развивается по двум направлениям: коммерческие проекты, обеспечивающие функционирование издательства, и некоммерческие проекты, издаваемые на доход от коммерческих.

Коммерческие проекты, не противоречащие этическим и эстетическим установкам издательства, позволяют им получать прибыль, часть которой расходуется на заведомо неокупаемые некоммерческие проекты. В 1990-е гг. по подобной схеме работало, в частности, новосибирское издательство «Мангазея», зарабатывавшее на выпуске массовой литературы, а на вырученные деньги издававшее книги новосибирских поэтов и одноименный с издательством альманах [5]. Это своеобразный синтез варианта спонсорской помощи и варианта самоокупаемости, на который попрежнему рассчитывает меньшая часть провинциальных издателей.

К позиции принципиальной самоокупаемости регионального книгоиздания склоняется соучредитель торговых сетей «Топ-Книга» и «Аристотель» М. Ю. Трифонов[8]. С его точки зрения, развитие регионального книгоиздания невозможно без развития сети регионального книгораспространения, причем распространение книг требует гораздо больших финансовых затрат, чем их издание. В условиях появления глобальных издательских («Эксмо» и «АСТ») и книготорговых («Читай-город») сетей развитие регионального книжного бизнеса все более затрудняется (рис. 5, 6)[9] [6, с. 45]. В отсутствие собственной сети региональной торговли у региональных издательств нет шансов конкурировать со столичными. Единственное региональное издательство, которому удавалось представлять свою продукцию на книжном рынке на равных со сто-

Рис. 5. Доля продукции издательств различных регионов в ассортименте книготорговых предприятий Москвы и Санкт-Петербурга, 2019 г.

Fig. 5. The share of products of publishers from different regions in the assortment of booksellers in Moscow and St. Petersburg, 2019.

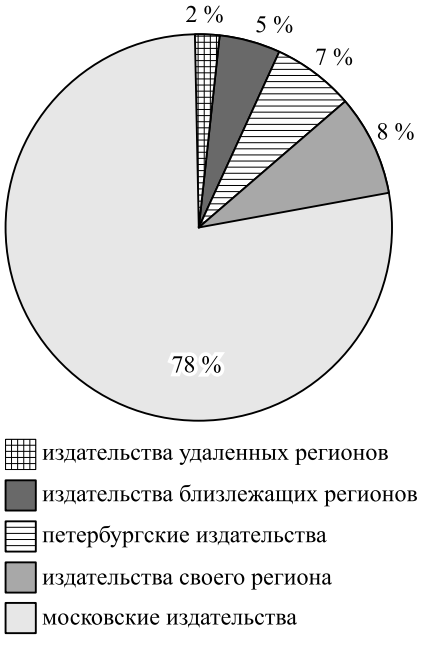

Рис. 6. Доля продукции издательств различных регионов в ассортименте региональных книготорговых предприятий, 2019 г.

Fig. 6. The share of products of publishing houses in different regions in the range of regional bookselling enterprises, 2019.

[8] Как торговать книгами в регионах [Беседа с соучредителем торговых сетей «Топ-Книга» и «Аристотель» М. Ю. Трифоновым] // «Соль». Интервью с бизнесменами. – URL : https://www.youtube.com/watch?v=IiUjaPH4GAY (дата обращения: 20.05.2020)

[9] Диаграммы составлены на основе данных социологического опроса, проведенного Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям в 2019 г.

личными издательствами, – это издательство «Феникс» (Ростов-на-Дону).

Сектор, в котором региональные издатели могут занять свою устойчивую нишу, – это сектор краеведческой литературы, пользующейся стабильным спросом на книжном рынке. Помимо издания литературных произведений в чистом виде сюда же можно отнести путеводители, атласы, альбомы и т. д. В ряде городов (в первую очередь – в Новосибирске) местная краеведческая литература представлена достаточно бедно, что позволяет говорить об имеющихся резервах для ее развития [7]. Одним из таких возможных резервов может стать переход от исключительно документальной краеведческой литературы к художественной краеведческой литературе. В этом поле находятся возможные точки пересечения интересов провинциальных читателей, писателей и издателей. В то же время главный редактор журнала «Неизвестная Сибирь» И. П. Севергин замечает, что на столичном рынке краеведческая литература о Сибири не пользуется спросом.

Саморегуляция процесса издания отдельных книг на основе добровольной спонсорской помощи лежит в основе явления краудфандинга. Краудфандинг является современным вариантом подписки на издание, при котором потенциальные читатели заранее вкладывают в проект книги определенную сумму и получают за это то или иное вознаграждение (либо саму книгу, либо другую преференцию: какую-то дополнительную сувенирную продукцию или свое имя в опубликованном в книге списке тех, кто поддержал издание). Однако краудфандинг может быть успешен лишь при четко определенной целевой аудитории, заинтересованной в издании. Растущая популярность этой технологии (которая стала доступной в новом коммуникационном поле после того, как традиционная система подписки на издания в 1990-е гг. оказалась фактически разрушена) показывает, насколько важен в новых условиях прямой контакт между издателем (или автором) и читателем.

КНИГОРАСПРОСТРАНЕНИЕ КАК ВАЖНЕЙШАЯ ПРОБЛЕМА РЕГИОНАЛЬНОГО КНИГОИЗДАНИЯ

Основными проблемами регионального книгоиздания, помимо дефицита качественного и востребованного контента, принято считать ограниченные возможности издателей, вызванные дефицитом финансовых, а иногда и кадровых ресурсов, низкую покупательную способность местных читателей и слабое развитие книготорговых сетей. Подобно тому как крупные издательские холдинги выпускают большую часть пользующейся спросом литературы, книготорговые сети-монополисты выстраивают свой репертуар, основанный на продукции крупных издательств. В таких условиях книгам, выпущенным небольшими региональными издательствами, крайне сложно попасть на широкий рынок. Для распространения продукции таких издательств остаются альтернативные варианты: независимые книжные магазины (их количество мало и продолжает уменьшаться под давлением книготорговых сетей) и развивающаяся интернет-торговля (оборот небольших интернет-магазинов, так же как и независимых магазинов, существующих в реальности, крайне невелик).

Книготорговые сети остаются слабым звеном российского издательского бизнеса и, в первую очередь, регионального. Монополизация книжной торговли приводит к ряду неблагоприятных последствий. Это усредненный набор изданий на полках книжных магазинов, сложности с попаданием книг небольших региональных издательств в центральные книготорговые сети, провал между имеющимся книжным репертуаром в крупных городах и небольших отдаленных населенных пунктах. Ощутимым для регионального книжного рынка стало закрытие новосибирской сети «Аристотель», в которую в 2019 г. входило 24 магазина (табл. 2).

В Новосибирске единственным издательством, имеющим сегодня стабильный выход на столичный рынок, является издательство «Свиньин и сыновья». По мнению современных издателей, успешному участию в книжном бизнесе препятствуют не только малые тиражи и специфический репертуар, но и малое

Таблица 2

Ведущие книготорговые сети России. Февраль 2020 г.

Table 2

Leading bookselling networks in Russia. February 2020

Компания Company	Число магазинов Number of stores
АО «Национальная книжная сеть» (Москва) / «Читай-город – Буквоед»	643
«Книжный лабиринт» (Москва)	89
«Мирс» (Хабаровск)	61
«ПродаЛиТъ» (Иркутск)	60
«Пегас» (Казань)	53
«Приморский дом книги» (Владивосток)	41
«Книжная лавка» (Калининград)	39
«Аист-Пресс» (Казань)	37
«Чакона» (Самара)	32
«Амиталь» (Воронеж)	31
«Магистр» (Ростов-на-Дону)	31
«Люмна» (Екатеринбург)	31
«Республика» (Москва)	30
Правительство Москвы (Москва) / ОЦ «Московский дом книги»	27
«Метида» (Самара)	25
«АВФ-книга» (Архангельск)	18
«Ростовкнига» (Ростов-на-Дону)	14

число выпускаемых наименований. Прибыль издательству, по убеждению одного из создателей издательства «АсПУр» А. Б. Кердана, может приносить выпуск 300–400 новых наименований ежемесячно.

Сохранение регионального книготоргового сегмента на современном этапе представляется возможным в русле его интеграции в социокультурное пространство, при которой читатель получает комплексный продукт: не только книжное издание, но и встречу с автором, сопутствующий коммуникативный процесс, фото- и видеоматериалы и т. п., то есть книга присваивается читателем как органичная часть его жизни. При таком подходе делаются более реальными и инвестиции в книгоиздание со стороны частных и государственных фондов.

Инерционность социокультурных процессов в регионах в большей степени, чем в Центральной России, сдерживает здесь тренд по использованию электронных книг. В то же время «ЛитрРес» активно сотрудничает с периферийными библиотеками, поставки в которые традиционных книг оказываются затруднены вследствие, во-первых, усложненной процедуры закупок и, во-вторых, ограниченных возможностей центральных бибколлекторов по продвижению книг в отдаленные районы. В такой ситуации важную роль в обеспечении библиотек книгами играют региональные ретейлеры, более успешно, по сравнению со столичными компаниями, решающие проблемы доставки книг в отдаленные районы. Наличие большого числа слабо связанных друг с другом акторов в книжном деле российской провинции не только увеличивает наценки на книги, но и приводит к отсутствию цельной, отлаженной и относительно независимой от центра системы книгооборота. В результате в проигрыше оказываются и провинциальные авторы, и издатели, и читатели.

Казалось бы, распространение интернета стерло границы и предоставило всем равные возможности. Но в условиях, когда средства коммуникации стали общедоступны, фигура посредника между читателем и писателем (издательства, книжные магазины, библиотеки, литературно-художественные журналы и т. д.) стала отодвигаться на второй план: писатель и читатель (а сегодня все чаще один и тот же человек является и писателем, и читателем – возникает фигура литератора, человека литературы) контактируют непосредственно и все реже нуждаются в посреднике. Однако роль посредника в книжной культуре заключается не только в том, чтобы опубликовать текст и донести его до аудитории. Важной его функцией является функция отбора – экспертизы, благодаря которой выстраиваются литературные иерархии. С вытеснением посредников между читателем и писателем на периферию культурного пространства, вызванным редуцированием основной функции ретрансляции текстов, редуцируется и экспертная функция, которая в то же время становится все более важной в условиях количества контента, растущего лавинным образом. Поэтому фигура издателя и других посредников вновь приобретает актуальность – в первую очередь в качестве эксперта.

В этой ситуации, несмотря на кажущееся равенство возможностей в интернет-среде, лидерство вновь захватывают крупные издательства и книготорговые сети, обладающие большим ресурсом для продвижения своих продуктов. На основе издаваемых и распространяемых ими книг выстраиваются новые иерархии, построенные не на ценности текста, а на его коммерческой привлекательности, и такая «мнимая» экспертиза лишь усугубляет положение дел в книжной культуре, уничтожая читательский вкус.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В сложившихся условиях у малых издательств, в том числе региональных, стратегий для успешного существования немного. Их преимуществом является более высокая мобильность по сравнению с инерционными издательствами-гигантами. В первую очередь от них требуется уникальный издательский продукт. При этом сама книга должна быть не просто носителем определенного текста, но и по возможности объединять под обложкой тексты, связанные с основным и задающие контекст: комментарии, приложения, пояснительные статьи, воспоминания, визуальный ряд и т. д., а также отличаться художественным оформлением. Одновременно с этим необходима активная интеграция деятельности издательства в коммуникационное пространство – как в Интернет-среде, так и в условиях живого общения. Хотя развитие интернета во многих случаях работает не в пользу региональных издательств, вызванное им снижение значимости территориального фактора может стать их преимуществом: для электронного книгоиздания и книгораспространения не важно, где именно опубликована электронная книга – она может распространяться по всему миру неограниченным тиражом из любой точки. В такой ситуации региональный издатель действительно оказывается потенциальным обладателем тех же возможностей, что и столичный, и может конкурировать с ним за лучшие образцы контента. В случае с печатным книгоизданием «сузившееся пространство» позволяет находить читателей в любой точке мира и без особых сложностей отправлять им заказанные книги (этим принципам следует, в частности, новосибирское издательство «Артель “Напрасный труд”»). Однако и то, и другое, как уже было сказано, требует максимальной интеграции в новую коммуникационную среду и владения ее инструментами.

Поскольку малые издательства создаются энтузиастами своего дела (сегодня любой текст может быть без каких-либо сложностей опубликован в интернете, а затратная его публикация на бумаге может быть осуществлена лишь при абсолютной убежденности издателя в необходимости его публикации), являющимися в большинстве случаев профессионалами, то именно подвижническая деятельность малых издательств может стать основой для выстраивания актуальных ли-

тературных иерархий и дальнейшего развития региональной книжной культуры.

Проблемы малотиражности, отсутствия резервов саморазвития, неразвитости книготорговых сетей, взаимодействия всех отраслей книжного дела на начало 2020 г. достаточно существенны. Глобальная пандемия короновируса усугубила существующие проблемы в региональном книгоиздании и книгораспространении. Обострились все существующие проблемы. Вместе с тем именно в условиях кризиса появляются новые возможности для книжного бизнеса: внедрение цифровых технологий в издательские процессы, приоритет в инновационном развитии отрасли, использование альтернативных способов продвижения книги к читателю/покупателю/пользователю и др. Как правильно смогут распорядиться открывшимися возможностями онлайнизации книжной индустрии, нарастить свое присутствие в сети региональные книжные предприятия – издательства, типографии, книжные магазины? И что тогда станет с региональной спецификой отечественного книжного рынка, если в виртуальном пространстве для производителя и потребителя все участники издательского процесса окажутся равны? Конкуренция сместится в область контента, качества и мобильности предлагаемой издательской продукции, ее востребованности конкретной аудиторией. Какие из предприятий региональной книжной индустрии смогут отреагировать на изменение моделей создания, производства, дистрибуции и потребления книг, интегрироваться в цифровое пространство, чтобы суметь воспользоваться всеми его преимуществами соответственно запросам момента, покажет время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития. 2008 г. М., 2009. 89 с.

2. Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития. 2018 г. М., 2019. 89 с.

3. *Посадсков А. Л.* Книгоиздание и местная власть: к истории взаимоотношений издателей с региональными администрациями Сибири и Дальнего Востока в 90-е гг. XX – 10-е гг. XXI в. // Библиосфера. 2019. № 4. С. 3–13.

4. *Савенко Е.Н.* Современный книжный самиздат // Десятые Макушинские чтения : мат-лы науч. конф. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2015. С. 229–235.

5. *Яранцев В. Н.* Открыть тайну «Мангазеи» // Новая сибирская газета. 1996. 15 авг.

6. Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития. 2019 г. М., 2020. 97 с.

7. *Трояк И.С.* Краеведческие издания Дальнего Востока в начале XXI в.: традиции и новации // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22, № 1. С. 33–37.

REFERENCES

1. *Grigoriev V. V.* (ed.). The book market of Russia. State, trends and prospects of development. 2008: industry analyst report. Moscow, 2009, 119 p. (In Russ.)

2. *Grigoriev V. V.* (ed.). The book market of Russia. State, trends and prospects of development. 2018: industry report. Moscow, 2019, 89 p. (In Russ.)

3. *Posadskov A. L.* Book publishing and local government: the history of publishers and regional authority relationships in Siberia and the Far East in the 1990s - 2010s. *Bibliosfera,* 2019, no. 4, pp. 3–13. (In Russ.)

4. *Savenko E. N.* Modern book self-publishing. *Desyatye Makushinskie chteniya: materialy nauch. konf.* Novosibirsk, 2019, pp. 229–235. (In Russ.)

5. *Yarantsev V. N.* Open secret of "Mangazeya". *Novaya sibirskaya gazeta,* 1996, aug. 15. (In Russ.)

6. *Grigoriev V. V.* (ed.). The book market of Russia. State, trends and prospects of development. 2019: industry analyst report. Moscow, 2020, 97 p. (In Russ.)

7. *Troyak I. S.* Local history editions of the Russian Far East in the early XXI century: traditions and innovations. *Gumanitarnye nauki v Sibiri,* 2015, vol. 22, no. 1, pp. 33–37. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.09.2020
Дата рецензирования 07.09.2020
Статья принята к публикации 15.09.2020

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.15372/HSS20200414
УДК 069.01(470+571)

А.Е. МУРЗИНЦЕВА

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ МУЗЕЕВ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Музей Бурятского научного центра СО РАН,
РФ, 670047, г.Улан-Удэ, ул.Сахьяновой,8

Феномен академического музея исследуется методом типологизации. По признаку доминирующей функции выделено 8 типов академических музеев: музей как модель Универсума, музей как форма организации научных исследований, музей как депозитарий научного института, музей как экспозиция (варианты: экспозиция, созданная на основе коллекций, собранных другими подразделениями института; музей как визит-центр); музей как средство адаптации ученых к новым условиям, музей как способ формирования культурной среды, музей как реализация функции самоидентификации, музей как средство фандрайзинга. Рассматриваемые типы возникали в разные периоды существования Академии наук, но остаются актуальными до настоящего времени. В первые десятилетия XXI в. отмечается тенденция гармонизации функций музеев, чему способствовало их широкое взаимодействие с другими музейными институциями.

Ключевые слова: музеи Российской академии наук, функции музея, музейная сеть, научный музей, депозитарий, экспозиция, самоидентификация, адаптация, фандрайзинг, культурная среда.

A.E. MURZINTSEVA

FUNCTIONAL TYPOLOGY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES' MUSEUMS

Museum of the Buryat scientific center SB RAS,
8, Sakhyanovoy str., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation

The phenomenon of the academic museum is studied using the typologization approach. 8 types of academic museums were distinguished by their prevalent function: museum as a Universum model, museum as a form of research organization, museum as a scientific institute's depository, museum as an exhibit (variants: exposition based on the collections of the institute's other departments; museum as a visit-center), museum as a means to adapt scientists to new conditions, museum as a mean to form a cultural environment, museum as realization of a self-identity function, museum as a means of fund-raising. The listed variants appeared in different periods of the Academy of Sciences' history, but remain relevant nowadays. The tendency of museum function harmonization was noted in the first decades of the XXI century, that was facilitated by their wide interaction with other museum institutions.

Key words: Russian Academy of Science' Museums, museum functions, museum network, scientific museum, depository, exposition, self-identity, adaptation, fund-raising, cultural environment.

Александра Евгеньевна Мурзинцева – кандидат культурологии, хранитель фонда Музея Бурятского научного центра СО РАН, e-mail: masash@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-6375-7965.

Alexandra E. Murzintseva – Candidate of Cultural Science, the Keeper of Fund of the Museum of the Buryat Scientific Center SB RAS.

© Мурзинцева А.Е., 2020

ВВЕДЕНИЕ

Проблема определения сущностных характеристик феномена музея, представляющего широчайшее разнообразие форм музейной организации, остро актуальна на современном этапе. Ее решению способствует классификация и типология различных музейных сетей. В настоящей статье предпринята попытка типологизировать академические музеи по функциям, превалирующим в их деятельности как в исторической ретроспективе, так и на современном этапе. По мнению американского музеолога А.Е. Парра, акцент на тех или иных функциях определяет миссию музея, его социальное назначение [1]. Представленная характеристика не претендует на полноту охвата всех возможных вариантов музейной деятельности в Академии наук, концентрируясь на наиболее ярких ее проявлениях.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ АКАДЕМИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ

Модель Универсума – такая концепция закладывалась при создании Санкт-Петербургской Кунсткамеры – колыбели науки и музейного дела России. В «Палатах Санкт-Петербургской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры» символически было отображено единство природы (Кунсткамера), разума (библиотека), объединенных человеком (анатомический театр в центре), над которым помещалась обсерватория (космос). Здание Кунсткамеры, одно из самых ранних музейных зданий в мире, является символом и логотипом Российской академии наук[1].

Современная Кунсткамера значительно сузила свою тематику, став музеем археологии и этнографии, однако не потеряла в масштабе. Это единственный отечественный музей этнографии народов мира. Человек – объект антропологии и этнографии – выступает проекцией универсума, объединившей природное и культурное начала.

Еще в начале существования Кунсткамера приняла на себя роль памятника Петру Великому, зримого символа реализации его идей и стремлений. За последующие три века она стала памятником истории отечественной науки и одной из основных своих основных задач считает сохранение академических традиций.

Музей как форма организации научных исследований. Собрание Кунсткамеры в Академии наук, подчиняясь логике научных исследований, структурировалось, разделившись на профильные кабинеты, переросшие в самостоятельные музеи. Профильные академические музеи являются одной из основных форм организации работы в Академии наук. Здесь ученые исследовали коллекции, обрабатывали материалы академических экспедиций, генерируя новые научные знания. Систематизируя образцы минералогического кабинета, В.М. Севергин создал новую классификацию минералов и выпустил первый в мире определитель минералов по внешним признакам.

Образ академического музея, богатейшего собрания, основным назначением которого утверждается использование музейного фонда в исследовательских целях (причем экспонирование и работа с посетителями остаются необязательными формами активности, сложившись в XIX в.), остается актуальным до сих пор в учебной музеологической литературе. В реальности музеев без экспозиций, не ведущих никакой просветительской деятельности, среди организаций РАН сегодня не существует. Логика развития музея, триединого в своих функциях собирания, сохранения и предъявления коллекций, диктует имманентность коммуникации для музея.

Наиболее ярким современным представителем типа профильных научных музеев можно назвать Минералогический музей РАН им. А.Е. Ферсмана, выросший из Минерального кабинета Кунсткамеры[2]. Его исследовательская работа полностью соответствует тематике музейного собрания, концентрируясь на открытии новых минералов и изучении минеральных парагенезисов. В этом направлении музей лидирует в мировой науке.

Музей как депозитарий научного института – форма, производная от предыдущего типа. Когда в конце 1920-х г. музеи Академии наук были преобразованы в научные институты, их коллекции либо передавались на хранение в разные отделы института, либо концентрировались в структурных подразделениях, названных научными музеями при институтах. Форма музея – подразделения научного института – составляет абсолютное большинство среди академических музеев. Вместе с созданными региональными отделениями РАН она распространилась по всей стране.

Существует ряд научных направлений, продуцирующих в процессе своей деятельности коллекции. В наибольшей мере это биология (морфология растений и животных, биогеография), геология, палеонтология, антропология, археология, этнография, палеография. Инструментарий работы с этими коллекциями используется различный, но следует признать, что в рамках музейного дела система учета и хранения разработана в наибольшей мере. Поэтому структурные подразделения научных учреждений, занимавшиеся сохранением научных коллекций, часто называют музеями.

Наиболее крупные коллекции появляются в процессе археологических и палеонтологических исследований (сохранению подлежат все найденные материалы). Геологические сборы также бывают обширны, однако часть найденных образцов разрушается в процессе анализа, на музейное хранение обычно передаются эталонные коллекции – наиболее представительные из сборов.

Проблема сохранения коллекций остро стоит для биологических образцов, поскольку существуют строгие условия их хранения. Особого внимания заслуживает хранение типовых биологических экземпляров, для которых принципиально важна не только сохранность, но и доступность для исследователей из других регионов и стран.

Сибирский зоологический музей СО РАН и Музей Института биологии моря им. А.В. Жирмунского ДВО РАН были созданы исходя из потребности в зоологических депозитариях. Биологический институт в Новосибирске создал в своей структуре музей на правах лаборатории в 1960 г., че-

[1] «Кунсткамера» – музей Санкт-Петербург. URL: http://www.kunstkamera.ru/ (дата обращения: 06.10.2020)

[2] Минералогический музей им. А.Е. Ферсмана. URL: https://fmm.ru (дата обращения: 06.10.2020)

рез 17 лет после основания института, по той причине, что в лабораториях скопились «огромные зоологические материалы», хранить, инвентаризировать и классифицировать которые самим лабораториям было не под силу[3].

Музей в структуре Института биологии моря появился в 1994 г., через 26 лет после его основания, когда перестала работать схема, по которой институт все коллекции, полученные в результате экспедиций, отправлял в Зоологический институт РАН. Стала критичной дороговизна доступа к центральным музейным и библиотечным хранилищам для дальневосточных ученых, а также опасность сверхконцентрации материалов в одном месте, без дублирования в других собраниях [2].

Разница между двумя музеями состоит в организации работы с посетителями. Сибирский зоологический музей создал экспозицию только в 1990-е гг., когда его собрание превысило 3 млн ед. хр., что сделало его одним из трех крупнейших зоологических музеев страны. Экспозиция Музея Института биологии моря была заложена в момент его основания как «неотъемлемая часть музейной деятельности, делающая музейный процесс полноценным» [2, с. 94]. Необходимо отметить, что в академических институтах существуют и другие формы депозитариев: гербарии, камнехранилища, книгохранилища и т.д.

Музей как экспозиция. Термин «экспозиция» впервые прозвучал в музейном контексте на Всероссийской конференции по делам музеев в 1919 г., однако именно это направление музейной работы получило в XX в. наибольшее развитие. Для обывателей термины «экспозиция» и «музей» часто оказываются равноценны, поскольку именно экспозицию посетители видят, приходя в музей.

Разделение музейных коллекций на фондовые и экспозиционные началось в биологических собраниях на рубеже XIX и XX вв., поскольку биологические образцы требуют специальной подготовки к экспонированию и неизбежно портятся в его процессе. Когда Зоологический музей стал выставочным отделом Зоологического института, это разделение закрепилось. В результате, несмотря на то, что Зоологический музей позиционируется как один из четырех крупнейших в мире, в реальности он оперирует только экспонатурой (30 тыс. экспонатов), фондовые коллекции находятся в других отделах института. Аналогично строится работа Палеонтологического музея при Палеонтологическом институте РАН (5 тыс. музейных экспонатов из 800 тыс. ед. хр. фондовых коллекций института).

Отделение музея от работы с фондовыми коллекциями значительно сдерживает его развитие. В случае Зоологического музея «начинает утверждаться и превалировать мнение, что этот музей – чуть ли не просто пособие для школьных уроков по зоологии: ведь теперь этот один из крупнейших зоологических музеев мира входит в структуру Института на правах рядовой лаборатории» [3, с.20]. Любые новации в этих условиях происходят редко и медленно. Только сверка наличия экспонатов и обновление этикетажа в Зоомузее заняли 10 лет (1954–1964 гг.).

В региональных отделениях Академии наук музеи, относящиеся к этому типу, появлялись разными способами.

Экспозиции на основе коллекций, собранных другими подразделениями, наиболее характерны для археологических музеев: по мере накопления коллекций возникает идея их демонстрации, для чего отбираются наиболее аттрактивные образцы. Если экспозиция обособляется в структурное подразделение «музей», то в него передаются только экспонаты, без фондовых коллекций. Дальнейшее функционирование такого музея неразрывно связано с отделом, ведущим исследования и работающим с его коллекциями. После 2000 г. в ряде случаев в ведение академических археологических музеев также стали передаваться и все археологические собрания института.

Музеи с функциями визит-центра могут вообще не иметь в своей основе коллекций. Их тематикой выступает не отрасль научных знаний, но деятельность и достижения конкретного института. В рамках этой тенденции музеефицируются объекты науки, ранее мало представленные в академических музеях. Например, в Институте солнечно-земной физики с 1996 г. функционирует музейно-выставочный комплекс по фундаментальным и прикладным аспектам его деятельности. В экспозицию входят уникальные разработки института, такие как Сибирский солнечный радиотелескоп, Большой солнечный вакуумный телескоп[4].

Музей как средство адаптации ученых к новым условиям востребован в случаях, когда филиал Академии наук создавался в стороне от типичных для нее локусов – крупных городов. Яркие примеры – Байкальский музей и Музей природы в пос. Борок (на берегу Рыбинского водохранилища). В обоих случаях была необходимость налаживания коммуникации с местным населением, поскольку все научные сотрудники были приезжими, представителями иных культурных кругов. Для этого на станциях оформлялись экспозиции, на базе которых проводились экскурсии, демонстрировавшие смысл и методы работы ученых.

Стационарная экспедиция на Байкале действовала с 1925 г., и уже с 1930 г. при ней была организована «музейно-лабораторная» комната. Руководитель экспедиции Г.Ю. Верещагин ввел беседы с местным населением в ранг обязательного элемента работы, разработал специальную инструкцию по приему посетителей. Задачами музея было распространение естественнонаучных знаний, а также пропаганда исследований самой станции, целей и смысла ее работы [4].

Научно-исследовательская биологическая станция «Борок» им. Н.А. Морозова в Ярославской области появилась в 1944 г. С 1949 г. при ней начал создаваться Музей природы. Позднее появился Музей-аквариум, организованный на базе лаборатории ихтиологии с учетом интереса населения и гостей Борка» к работе ихтиологов[5].

Тенденция использования музеев для формирования коммуникации академических сотрудников с различными социальными группами относится не только к частному слу-

---

[3] Сибирский зоологический музей Института систематики и экологии животных Сибирского отделения Российской академии наук. URL: http://szmn.eco.nsc.ru/cv.htm (дата обращения: 06.10.2020)

[4] Музей ИСЗФ СО РАН. URL: http://ru.iszf.irk.ru/Музей_Института (дата обращения: 06.10.2020)

[5] Музейный отдел Институт биологии внутренних вод им. И.Д. Папанина Российской академии наук. URL: https://ibiw.ru/index.php?p=museum&lang=ru (дата обращения: 06.10.2020).

чаю научных станций. Эта технология зарекомендовала себя в первые десятилетия советской власти, когда Академии наук пришлось в прямом смысле доказывать свою полезность и необходимость новому государству. Тогда для Академии наук музейное дело стало одним из трех основных направлений взаимодействия с государственными, общественными и научными кругами.

Еще одна стратегия адаптации в форме создания музеев – **формирование культурной среды**, характерной для научного сообщества. В упомянутом выше пос. Борок музейный отдел Института биологии внутренних вод им. И.Д. Папанина к XXI в. вырос до пяти музеев, включая мемориальный дом-музей Н.А. Морозова – революционера и почетного академика АН СССР, и музей Ф.Г. Солнцева – академика Императорской Академии художеств, руководителя издания «Древности Российского государства». Художественная тематика, не профильная для музеев РАН, тем не менее, постоянно проявляется в музейной и выставочной практике, характеризуя тем самым культурное пространство, генерируемое вокруг себя научными сотрудниками.

В 2014 г. при Специальной астрофизической обсерватории РАН в ст. Зеленчукской (Карачаево-Черкесская Республика) был создан Музей историко-культурного наследия САО РАН и Нижнего Архыза, демонстрирующий участникам экскурсионных программ телескопов историю обсерватории, а также археологические артефакты, собранные в районе поселка[6].

Создавая региональные отделения и филиалы Академии наук, ученые приносили в регионы традиции, характерные для этой субкультурной группы, и музеи – одна из них. В Новосибирском научном центре эту функцию взяли на себя в большей мере Дом ученых, Музей СО РАН и Выставочный центр.

Функция самоидентификации в Академии наук реализуется музеями, имеющими профиль истории науки, мемориальными музеями. Это направление, характерное для ведомственных и корпоративных музеев, в деятельности музеев РАН было артикулировано в середине XX в. и с тех пор постоянно расширяет масштабы.

Музей-архив истории изучения и освоения Европейского Севера России, Музей СО РАН, Музей истории академической науки Якутии, музеи, представляющие историю отдельных институтов, стали появляться с 1970-х гг., мемориальные музеи в Ленинграде и Москве – с конца 1940-х. Сегодня мемориальные музеи, отличающиеся, как правило, скромными масштабами деятельности, составляют более трети всей музейной сети РАН [5][7].

Внимание к биографиям отдельных выдающихся научных деятелей, как и к истории целых институтов, центров, отделений Академии наук, отражает ощущение идентичности сотрудников научных организаций как сложившихся субкультурных групп [5]. Лидеры научных коллективов – люди, определившие стратегию их работы, продолжают оставаться ориентирами для своих последователей.

Постсоветский этап принес академическим музеям новые функции и новые роли в научном сообществе, например, **функцию фандрайзинга**. Байкальский музей стал эффективным инструментом фандрайзинга для Лимнологического института СО РАН, привлекая средства международных фондов как на исследования, так и на популяризацию науки и охрану природы. Созданные для музейной экспозиции аквариумы дали новые возможности для изучения биологии байкальских животных.

Палеонтологический музей ЛИН РАН на рубеже веков провел значительную серию коммерческих выставок скелетов динозавров и остатков мамонтовой фауны из своего собрания по всему миру. Сопоставимые по ценности палеонтологические объекты крупные музеи из развитых стран практически перестали выдавать на выездные выставки как из соображений их сохранности, так и из нежелания удалять из постоянной экспозиции центральные экспонаты. На этом фоне подлинные уникальные предметы ЛИН РАН на выставках вызывали значительный зрительский интерес и приносили коммерческую выгоду. Со временем Палеонтологический музей перешел к изготовлению копий своих экспонатов, которые сдаются в аренду и продаются другим музеям не в ущерб подлинникам.

Кунсткамера, особо ценный объект национального наследия России, всю музейную деятельность осуществляет за счет внебюджетных средств. Для этого был создан попечительский совет «Фонд развития Кунсткамеры», подобный тому, что существовал в начале XX в.

ТЕНДЕНЦИИ XXI в.

Период действия программы целевой поддержки музеев РАН (2002–2014 гг., СО РАН – 1997–2014 гг.), определившей некоторую самостоятельность в деятельности академических музеев, показал, что они, как правило, стремятся к гармонизации своих функций, равном внимании к фондам, экспозициям и просветительским программам. Отмечалась интеграция музеев РАН в музейное сообщество страны: организация совместных проектов, участие в музейных ассоциациях, рост числа публикаций сотрудников институтов РАН по музеологической тематике.

Специфика финансирования и научно-организационных приоритетов Министерства науки и высшего образования, напротив, ведет к сокращению всех функций академических музеев, за исключением публикации научных статей по тематике института, в структуру которого входит музей. Целевая поддержка предоставляется только биоресурсным коллекциям в рамках развития научной инфраструктуры. Роль и деятельность академических музеев ограничивается функцией депозитария.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на богатство собраний и трехвековую историю, административно-правовой статус музеев РАН на сегодня не вполне определен. Эта проблема препятствует формулированию целей и перспектив их развития, сводя возможные функции академического музея к депозитарию материалов исследований, отвергая накопленный опыт эф-

[6] Музей САО РАН. URL: https://museum-arhyz.ru/ (дата обращения: 06.10.2020).

[7] Система музеев РАН // Архив РАН. URL: http://arran.ru/?q=ru/sysmus (дата обращения: 06.10.2020)

фективного полифункционального участия музеев в развитии отечественной науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Parr A.E.* Classic: the natural-historical museum // Nordisk Museologi. 1995. № 2. P. 203–215.

2. *Лутаенко К.А.* Музей Института биологии моря ДВО РАН – новый музей естественной истории на Дальнем Востоке России // Альманах-1998. Музеи РАН. М.: Научный мир, 1998. С. 90–96.

3. *Потапов Р.Л.* Зоологический музей ЗИН РАН на пороге третьего тысячелетия // Альманах-2000. Музеи РАН. М.: Научный мир, 2001. С. 8–26.

4. *Фиалков В.А.*, *Галкина В.И.* Наука и музей на Байкале // Альманах-1998. Музеи РАН. М.: Научный мир. 1998. С. 76–89.

5. *Запорожченко Г.М.* Мемориальные комнаты известных ученых как форма публичной памяти // Вестн. Бур. науч. центра СО РАН. 2019. № 2 (34). С. 195–208.

REFERENCES

1. *Parr A. E.* Classic: the natural-historical museum. Nordisk Museologi, 1995, no. 2, pp. 203–215.

2. *Lutaenko K. A*. Museum of the Institute of Marine Biology FEB RAS - a new museum of natural history in the Russian Far East. *Al'manakh-1998. Muzey RAN*. Moscow, 1998, pp. 90–96. (In Russ.)

3. *Potapov R. L*. Zoological Museum of ZIn RAS on the threshold of the third millennium. *Al'manakh-2000. Muzey RAN*. Moscow, 2001, pp. 8–26. (In Russ.)

4. *Fialkov V. A., Galkina V. I*. Science and museum in Baikal. *Al'manakh-1998. Muzey RAN*. Moscow, 1998, pp. 76–89. (In Russ.)

5. *Zaporozhchenko G. M*. Memorial rooms of famous scientists as a form of public memory. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya RAN,* 2019, no. 2, pp. 195–208. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 03.09.2020
Дата рецензирования 12.09.2020
Статья принята к публикации 15.09.2020

DOI: 10.15372/HSS20200415
УДК 069; 930

Т.Н. ЗОЛОТОВА

О ПРОБЛЕМАХ НАСЛЕДИЯ И ТЕНДЕНЦИЯХ В РАЗВИТИИ МУЗЕЕВ И МУЗЕЕВЕДЕНИЯ

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия
им. Д.С. Лихачева, Сибирский филиал,
РФ, 644077, Омск, ул. Андрианова, 28

Представлены основные проблемы сохранения и исследования наследия в развитии музеев, которые обсуждались на IV Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения», прошедшей в Новосибирске в октябре 2020 г. В коммуникационном пространстве конференции работа с культурным наследием рассмотрена как современная тенденция в развитии российского и мирового музееведения.

Ключевые слова: культурное наследие, сохранение, исследование, презентация, современные тенденции, развитие музеев и музееведения, коммуникационное пространство конференции.

T.N. ZOLOTOVA

ON HERITAGE ISSUES AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF MUSEUMS AND MUSEOLOGY

Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Siberian Branch
28, Andrianova str., Omsk, 644077, Russian Federation

The main problems in the preservation and research of heritage in development of museums are presented. They were discussed at the IV All-Russian (with international participation) scientific and practical conference “Modern trends in the development of museums and museum studies” held in Novosibirsk in October 2020. In the communication space of the conference the work with cultural heritage is reviewed as a modern trend in the development of Russian and world museology.

Key words: cultural heritage, conservation, research, presentation, current trends development of museums and museum studies, communication space of the conference.

Историческое и культурное наследие России является важным фактором современного развития общества. Изучением и сохранением этого наследия многие годы плодотворно занимаются музеологи и практики музейного дела. Наследие как научная проблема, а также и актуальные формы работы, связанные с ним, находились в центре внимания IV Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения», которая прошла в Новосибирске в очно-заочном-онлайн формате 22−23 октября 2020 г. в рамках II Международного научного форума «Наследие».

Интегративный подход к изучению и сохранению наследия был продемонстрирован составом организаторов конференции − учреждений науки, культуры и образования, а именно: Институт истории СО РАН, Научно-образовательный центр «Наследие» Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, Министерство культуры Новосибирской области, Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН, Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, ИКОМ (Международный совет

Татьяна Николаевна Золотова – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, e-mail: zolotovat2012@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7884-281X.
Tatiana N. Zolotova – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Siberian Branch.

© Золотова Т.Н., 2020

музеев) России, Автономная некоммерческая организация «Новый институт культурологии» (исследовательская группа «Российская музейная энциклопедия»), Музей «Заельцовка» − филиал Музея Новосибирска. Конференция была поддержана такими ведущими музеями страны, как Государственный Эрмитаж, Российский этнографический музей, Государственный Дарвиновский музей, Музей-заповедник «Киммерия Волошина», Музей Бурятского научного центра, Омский государственный историко-краеведческий музей.

В коммуникационном пространстве конференции, которая успешно проводится по инициативе сектора «Музей СО РАН» Института истории СО РАН, с 2011 г. работа с культурным наследием рассматривалась как современная тенденция в развитии российского и мирового музееведения. Помимо ученых и практиков из столицы и российских регионов (Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Омска, Барнаула, Кемерово, республик Бурятии, Крыма) в научном форуме приняли онлайн-участие ученые из стран ближнего зарубежья – Казахстана и Беларуси. Из 69 докладов, представленных в программе, 16 были напрямую связаны с темой изучения и сохранения наследия, остальные в той или иной степени касались проблем интерпретации и актуализации наследия, использования музейных коллекций в образовательной деятельности[1], что нашло отражение в опубликованном к началу работы конференции сборнике докладов [1].

Во втором десятилетии XXI в. разнообразие национальных культур стало восприниматься как важнейший потенциал для дальнейшего развития человечества. Сохранение исторической памяти и культурного наследия необходимо для социального, экономического и политического прогресса человечества. Это понимают ученые-гуманитарии, об этом говорится на многочисленных научных форумах, но главное, чтобы это понимали органы власти и общество в целом.

Ведущее положение в изучении структуры и объектов наследия, разработке методологии и принципов его сохранения занимает Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева. На работы Ю.А. Веденина, Д.Н. Замятина, П.М. Шульгина, М.Е. Кулешовой, опубликованные в 1990–2000-е гг., до сих пор опираются в своих исследованиях российские и зарубежные ученые, о чем говорилось в докладе О.В. Петренко. Наследие данной группой ученых трактуется как отражение исторического опыта взаимодействия человека и природы, включающее выдающиеся памятники истории, культуры и природы, саму природно-историческую среду и культурный ландшафт. Два основных направления научной деятельности Института Наследия, гуманитарно-географическое и этнофилософско-методологическое, после его реорганизации в 2013–2014 гг. трансформировались в развитие традиционных и поиск новых подходов в изучении наследия, способов его трансляции и актуализации. В настоящее время разрабатываются этнокультурное и музеологическое направления, анализируются ценностное измерение наследия и культурно-психологические механизмы наследования, механизмы мемориализации и формирования национального самосознания. В Сибирском филиале среди проблем наследия продолжает изучаться пространственно-образный аспект (исследование культурного ландшафта и образных характеристик города), получают развитие этническое и конфессиональное измерения (исследования традиционной и современной культуры русских, татар, немцев, украинцев и белорусов, межнациональных и межконфессиональных отношений и специфики регионального развития ислама в Сибири).

Вопрос о значении наследия неоднократно поднимался в ходе выступлений и дискуссий на конференции. Исследователь из Беларуси Т.А. Джумантаева утверждает, что наследие – один из важнейших ресурсов, определяющих уровень социально-экономического и культурного развития государства, поэтому необходимо иметь стратегический план сохранения и использования наследия, что особенно важно для таких исторических городов, как Полоцк. При этом важны: реконструкция отдельных памятников, сохранение историко-культурного пространства, формирование исторической памяти жителей города.

К теме сохранения материального и нематериального наследия в музеях под открытым небом участники конференции возвращались неоднократно. В докладе П.П. Вибе, О.Г. Беляевой (Омск) «Этнопарк как форма организации музейной коммуникации (на примере Музея сказки “Васин хутор”)» были показаны возможности презентации духовного наследия для детской аудитории на основе фольклорного материала. Трудно переоценить роль музеев-заповедников в изучении и актуализации традиций, их влияния на развитие регионального туризма, то, о чем шла речь в докладе Т.Н. Золотовой (Омск). Ярким примером использования историко-культурного наследия для воспитания любви к малой родине и Отечеству, формирования этнокультурной и региональной идентичности является крупнейший на территории Западной Сибири Омский государственный историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская». В созданном в 2014 г. в Большереченском районе Омской области музее-заповеднике ведется научно-исследовательская, экспозиционно-выставочная и культурно-образовательная деятельность с использованием интерактивных методов работы. Успешности музейного комплекса в сохранении традиционной культуры во многом способствует его расположение в месте исторической застройки. Архивная и экспедиционная деятельность его сотрудников позволяет использовать богатый потенциал местного культурного наследия. Интерактивные методы работы и театрализация, применяемые сотрудниками в архитектурно-этнографическом комплексе, позволяют посетителям полностью погрузиться в воссозданную историко-культурную среду начала XX в., эмоциональное воздействие которой способствует лучшему усвоению информации.

В музеях-заповедниках презентация наследия происходит наиболее естественным способом именно благодаря созданию близкой к аутентичной историко-культурной среды. В остальных музеях тема «моделирования действительности» для «погружения в нее» посетителей, особенно молодежи, стоит достаточно остро, что отметила в своем докладе Е.А. Полякова (Барнаул). Сосредоточив свое внимание на

[1] Программа IV Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения», 22−23 октября 2020 г., Новосибирск, 2020. URL: http://www.history.nsc.ru/website/history-institute/var/custom/File/programma_strmm-2020.pdf (дата обращения: 05.11. 2020)

актуальных музейных терминах, она призвала работников музеев не путать термины «актуализация» и «репрезентация», что влечет за собой и разную методику работы. Тему музейной коммуникации и разработку научно обоснованных стратегий работы с музейной аудиторией продолжила И.В. Чувилова (Москва). Она высказалась о необходимости научно выверенного отношения к презентации культурного наследия для того, чтобы в музейной работе не происходило актуализации одной части наследия за счет забвения другой. Современный музей должен побуждать человека не столько развлекаться, сколько думать, получать информацию. Поэтому наиболее интересными формами общения с аудиторией представляются нарратив, реконструкция и мультимедиа технологии, которые активно вовлекают посетителя в процесс освоения наследия.

Важную образовательно-воспитательную роль культурного наследия в деятельности музея отметила в своем докладе Е.Н. Мастеница (Санкт-Петербург), подчеркнувшая актуальность совместного постижения посетителем и сотрудником музея реальности, аккумулированной в музейных предметах, чему способствуют программы, построенные с использованием метода диалогического общения. Стать активным участником такого диалога в освоении наследия посетителю помогают интерактивные методы: музейная игра, квест, интерактивная экскурсия и развитие Digital (цифровой) коммуникации. Для того чтобы виртуальная коммуникация музея и его посетителя состоялась, необходимо решить проблему мультимедийной музеефикации объектов культурного наследия, о чем речь шла в докладе О.Н. Труевцевой (Барнаул).

Тема мультимедийной музеефикации нашла отражение в докладе Т.Б. Смирновой (Омск). Крупнейший специалист по истории и культуре российских немцев предложила концепцию создания их виртуального музея. По ее мнению, отсутствие у российских немцев реального музея диктует необходимость собрать в едином интернет-пространстве фото-документальные материалы, музейные предметы, являющиеся культурным наследием российских немцев для сохранения их этнической идентичности. Новаторский проект дигитализации культурного наследия будет реализовываться поэтапно: создание специальной интернет-платформы, оцифровка собранных материалов, создание электронного архива и контента.

На секциях, дискуссионных площадках и круглых столах конференции обсуждались и другие, не менее важные, аспекты изучения, сохранения и презентации мирового культурного наследия. Традиционные способы исследования и каталогизации археологического и этнографического наследия в Музее археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского были рассмотрены в докладе Э.Р. Ахуновой (Омск). Роли медианаследия в трансляции культурной памяти и формировании культурного ландшафта Омского Прииртышья посвятил свой доклад Н.Ф. Хилько (Омск). Социокультурные практики как целенаправленное создание ситуации творческой созидательной деятельности личности и социальных групп в сфере историко-культурного и научного наследия проанализировали в своем выступлении сотрудники ИИ СО РАН Н.Н. Покровский, О.Н. Шелегина, Г.М. Запорожченко (Новосибирск). Одной из таких практик является комплексное изучение материального и нематериального наследия и коммуникаций в достопримечательном месте «Новосибирский Академгородок», который является пространственно-временным социокультурным феноменом с приоритетной научной идентичностью и репрезентативным наследием.

В рамках конференции прошла работа круглого стола «Музейные коммуникации в виртуальном пространстве: средства массовой информации, социальные сети и общество», креативной площадки «Региональное наследие и локальная идентичность» и выездного семинара Крымской музеологической школы «Museum Studio». В результате дискуссий были приняты следующие основные решения конференции: продолжить исследование процессов освоения наследия в контексте музеологической теории и практики с учетом национальных и регионально-локальных особенностей; развивать интеграцию учреждений науки, образования и культуры, направленную на повышение уровня социокультурных музейных практик, активизацию роли музеев в сфере внутреннего туризма; формировать и актуализировать цифровые ресурсы музеев, обеспечивающие их адаптацию к современным глобальным условиям; поддерживать деятельность новационного образовательного проекта – Крымской музеологической школы «Museum Studio»,

Участники конференции отметили высокий научный и организационный уровень этого общественно значимого форума, выразили благодарность организаторам и единодушное мнение о необходимости проведения V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения» в октябре 2023 г. в Новосибирске, продолжая развивать ее информационное сопровождение благодаря новым публикациям музееведческой проблематики в журналах «Исторический курьер» и «Гуманитарные науки в Сибири».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: мат-лы IV Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. (Новосибирск, 22−23 октября 2020 г.) / отв. ред. О.Н. Шелегина, Г.М. Запорожченко. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2020. 238 с.

REFERENCES

1. Modern trends in the development of museums and museology: materials of the IV all-Russian with international participation scientific and practical conference (Novosibirsk, October 22–23, 2020) / O. N. Shelegina, G. M. Zaporozhchenko. Novosibirsk: Institute of History of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, 2020. 238 p.

Статья поступила в редакцию 01.08.2020
Дата рецензирования 12.09.2020
Статья принята к публикации 21.09.2020

Рец. на кн.: Касперович Г.И., Сивурова Л.П., Бабич О.Ю., Маркович Л.Г., Костоусов Г.И. Традиции животноводства Беларуси (Традыцыі жывёлагадоўлі Беларусі) / науч. редактор Г.И.Касперович. Мінск: Беларуская навука, 2019. 467 с.

Белорусские этнологи опубликовали фундаментальный труд, посвященный малоизученной и многоаспектной проблеме – традициям животноводства Беларуси. Научным редактором, автором идеи выступила ведущий научный сотрудник Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси д-р ист. наук Г.И. Касперович. Авторами разделов являются Г.И. Касперович, Л.П. Сивурова, О.Ю. Бабич, Л.Г. Маркович, В.Г. Костоусов. Целью издания было показать эволюцию традиций богатой и уникальной культуры животноводства, выявить изменения в структуре отрасли, проследить сохранение и модернизацию традиций по содержанию, досмотру, возобновлению и селекции домашних животных.

Представленная на суд читателей монография является первым обобщающим, комплексным и многофакторным исследованием, в котором в исторической динамике с использованием данных смежных наук (археологии, истории, лингвистики, фольклористики, статистики, социологии, экономики, географии) представлена культура животноводства белорусов. Проанализирован обширный массив различных материалов: опубликованные средневековые акты, архивные, музейные, статистические и литературные источники, лингвистические атласы и словари, периодическая печать. Важными источниками послужили также многолетние полевые экспедиционные материалы, анкетное исследование, материалы ежегодных международных выставок «БелАгро», ярмарок пчеловодов.

На протяжении столетий белорусским народом накоплены чрезвычайно богатый опыт и знания по содержанию, селекции домашних животных, выработаны правила рационального хозяйствования, связанные со всей системой жизнеобеспечения белорусов, гармоничным и бережным отношением к природе, в том числе животному миру. Использование многовекового опыта хозяйствования может быть полезным при решении задач укрепления аграрной безопасности страны, развития сельских регионов, становления экологического животноводства.

Структура монографии представляется весьма обоснованной. Материал излагается в хронологическом порядке, каждая из трех обширных глав посвящена особенностям эволюции животноводства в определенный исторический период.

Важными для изложения истоков и истории животноводства представляются материалы главы 1, которая охватывает период XV – начало XX в. В ней скрупулезно проанализированы публикации по указанной проблеме, кратко охарактеризована природная среда обитания белорусского народа. Особую ценность представляют разделы об эволюции животноводства в разных типах хозяйств – помещиков и крестьян, в которых, несмотря на различия в темпах развития, отмечено позитивное сотрудничество по обмену опытом, народными и специальными знаниями, организации сельскохозяйственных кооперативов, выставок, по устройству случных пунктов, рассадников домашних животных. Кроме того, дан развернутый анализ как ведущих отраслей животноводства, так и подсобных промыслов – пчеловодства, рыболовства, рассмотрен наш лучший опыт выведения местных пород сельскохозяйственных животных, наиболее адаптированных к окружающей среде (автор Г.И. Касперович).

Особое внимание уделено гужевому транспорту, который являлся частью повседневной жизни жителей Беларуси того времени. Привлечены новые материалы о гужевом транспорте в сельской и городской среде, белорусской конке и почтовых перевозках, о типах упряжи, колесном и экипажном промысле (автор Л.Г. Маркович).

Несомненный интерес вызывает раздел, посвященный традиционному мировоззрению белорусов в отношении сельскохозяйственных животных. Автор (Л.П. Сивурова) убедительно обобщила обрядовые практики, систематизировала народные знания по содержанию и лечению стада, продуктивным качествам домашних животных, описала метеорологические приметы их поведения, охарактеризовала структуру и компоненты обряда купли-продажи животных.

В главе 1 также представлен детальный анализ особенностей традиционных взглядов белорусов, касающихся пчеловодства, обрядовых действий, примет, заговоров, преданий и способов передачи, преимущественно по наследству (О.Ю. Бабич). Подробно охарактеризована система высшего, среднего и низшего аграрного образования в Беларуси), его внешкольных форм (курсы, чтения, беседы, выставки и др.) (Г.И. Касперович).

В чрезвычайно информативной главе 2 проанализирована культура животноводства белорусов в 1920 – 1980-х гг. Базовым для этой главы следует считать раздел, посвященный эволюции и структурным изменениям в животноводческом комплексе. В нем отражена аграрная политика государства в возобновлении и развитии животноводства, выявлены тенденции, закономерности и особенности динамики развития отраслей, а также показаны сложности и просчеты, связанные с революционным переустройством аграрного хозяйства, коллективизацией, последствиями двух мировых войн и интервенций. Отмечена созидательная деятельность белорусского народа, благодаря которой отрасль к 1970-м гг. заняла лидирующие позиции в аграрном секторе. Усилилась специализация сельского хозяйства по производству молока, молочной и мясной продукции, увеличилась численность и продуктивность сельскохозяйственных животных, были выведены новые породы скота и птицы. В крупных агрокомплексах на смену традиционным пришли новые технологии в содержании, кормлении, воспроизводстве и селекции животных. Вместе с тем сохранялись традиции.

Наиболее широко традиции использовались в подсобных крестьянских хозяйствах, которые занимали важное ме-

сто в производстве продукции животноводства. Как отмечает Г.И. Касперович, сохранялся своеобразный баланс между агропромышленным и личным производством (с. 236, 271, 273). Логическим продолжением стали разделы, в которых освещаются особенности заготовки и сохранения кормов в коллективных и личных хозяйствах, способы выпаса скота, дается характеристика орудий труда, приводится описание пастушеских музыкальных инструментов.

Подробно охарактеризованы рыболовство и рыбоводство (В.Г. Костоусов), отмечены определенные достижения в создании рыбной промышленности, возобновлении рыбных запасов природных водоемов и прудов, акклиматизации в них новых видов рыб (форель, осетровые), механизации промышленного лова, техническое переоснащение отрасли. В пчеловодстве обозначены тенденции и факторы перехода лесного бортевого и колодного пчеловодства к пасечной рамочной системе содержания пчел (О.Ю. Бабич).

Важное место в монографии принадлежит заключительной главе 3, где показаны закономерности и факторы развития животноводства в современный период (конец XX – начало XXI в.). Обстоятельно рассмотрено развитие животноводства в трех типах хозяйств – агропромышленных организациях, подсобных крестьянских и фермерских хозяйствах, каждое из которых заняло свою нишу в обеспечении продовольственной безопасности страны. Если в крупных сельскохозяйственных модернизированных объединениях преимущественное развитие получило производство продукции животноводства (в первую очередь молочной и мясной) и сконцентрирована наибольшая численность крупного рогатого скота, свиней, птицы, то в структуре фермерских хозяйств доминирует растениеводство. Крестьянские подворья обеспечивают население экологически чистой продукцией, в их хозяйственной деятельности наиболее полно сохраняются традиции (отношение к животным, их кормление, содержание, лечение). Г.И. Касперович приводит интересные материалы о сочетании современных новаций с традициями в разных типах хозяйств, отмечает творческое использование традиционных методов животноводства в ряде крупных современных комплексов.

Вместе с тем в современный период происходит определенная трансформация мировоззренческих представлений белорусов о сельскохозяйственных животных. Старшее поколение на своих подворьях наряду с рациональными знаниями используют традиционные практики, обряды. У молодежи, с одной стороны, сужается сфера использования народных знаний, навыков и календарных окказиональных обрядов (особенно их вербальной составляющей), а с другой – актуализируется письменный путь приобретения знаний по животноводству (Л.П. Сивурова).

В главе 3 также представлен емкий обзор развития пчеловодства, основанный на оригинальных интервью, взятых у пчеловодов на ярмарках меда. Это позволило выявить преемственность, соотношение традиций и новаций (Г.И. Касперович). Дополняют главу и материалы раздела о современных сельских поселениях белорусов, которые составляют вместе с хозяйственными строениями единый хозяйственно-архитектурный комплекс (Г.И. Касперович).

Книга богато иллюстрирована оригинальными фотографиями, таблицами, графиками, картосхемами, рисунками, выполненными как самими авторами, так и заимствованными из музеев, архивов, частных коллекций. Достоинством работы является не только добротный анализ традиционных видов источников, но и привлечение мнений информаторов и специалистов-экспертов по проблемам культуры животноводства, взаимоотношений человека с миром животных.

Книга «Традиции животноводства Беларуси» представляет научную и практическую ценность, является очередным этапом в изучении культуры животноводства в Беларуси, вносит заметный вклад в этнологическую науку, в выявление перспективных направлений дальнейшей разработки этой значимой и многоплановой проблемы.

Е.Ф. Фурсова,
д-р ист. наук
Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск

DOI:10.15372/HSS20200416
УДК 061.3: 930+94(470+571)

Л.И. ЖУРОВА, И.А. ШИПИЛОВ

ЗАДАТЬ ИСТОЧНИКУ ПРАВИЛЬНЫЙ ВОПРОС (IV Всероссийская научная конференция, посвященная 90-летию академика Н.Н. Покровского)

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Состоявшаяся 9–11 ноября 2020 г. в Институте истории СО РАН Всероссийская научная конференция, посвященная 90-летию академика Н.Н. Покровского, стала важной коммуникационной площадкой, на которой развернулась интенсивная интеллектуальная работа по поиску решений актуальных научных проблем археографии, книжной культуры, истории церкви. Были обновлены научные контакты, обсуждались идеи междисциплинарных проектов, рассматривались новые тенденции в развитии исторической науки. В работе конференции приняли участие более 100 историков, филологов, искусствоведов, богословов из 16 городов.

Ключевые слова: Н.Н. Покровский, археография, источники, рукопись, книжная культура, старообрядчество,

L.I. ZHUROVA, I.A. SHIPILOV

TO ASK THE SOURCE THE RIGHT QUESTION (IV All-Russian Scientific Conference dedicated to the 90th anniversary of Academician N.N. Pokrovsky)

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The All-Russian Conference dedicated to the 90th anniversary of Academician N.N. Pokrovsky (Institute of History SB RAS, November 9–11, 2020) became a communication platform, where the intensive intellectual work was launched to find solutions for searching scientific issues to study the Russian history, book culture, and Church history. It established and updated scientific contacts, proposed ideas for interdisciplinary projects, exchanged results of recent research, revealed new trends in the humanities' development. More than a hundred historians, philologists, art historians, theologians from 16 cities took part in the conference.

Key words. N.N. Pokrovsky, archeography, source, manuscript, book culture, Old Believers.

С именем академика РАН Н.Н. Покровского связаны многие славные дела, научные открытия и проекты гуманитарной науки второй половины XX–XXI в. Основную часть своей творческой жизни выдающийся ученый провел в Институте истории СО РАН, и в память об уникальном исследователе, начиная с 2014 г., сектором археографии и источниковедения при активной поддержке всего института ежегодно проводятся научные конференции или археографические семинары.

9–11 ноября 2020 г. в Институте истории СО РАН при неоценимой помощи НГУ в режиме онлайн прошла IV Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии», посвященная 90-летию академика Н.Н. Покровского, в которой приняли участие почти 120 специалистов из Новосибирска, Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Томска, Омска и других городов (всего представлено 16 городов). С приветственными словами обратились академик В.И. Молодин, директор Института истории В.М. Рынков, директор Гуманитарного института НГУ А.С. Зуев.

В.И. Молодин подчеркнул, что лучшим памятником Николаю Николаевичу является настоящая конференция. Отмечены такие заслуги ученого, как масштабность научных поисков и полученных результатов, способность увле-

Lyudmila I. Zhurova – Doctor of Histprical Science, Leading Research, Institute of History SB RAS.
Ilya A. Shipilov – Junior Researcher, Institute of History SB RAS.

© Журова Л.И., Шипилов И.А., 2020

кать идеей, таланты организатора и популяризатора науки, руководителя многочисленных археографических экспедиций, прекрасного лектора. Своими впечатлениями о спецкурсах, прочитанных Н.Н. Покровским в НГУ, поделился В.М. Рынков. Было подчеркнуто непреходящее значение для исследований исторических источников советского периода опыта Н.Н. Покровского, построенного на методических принципах и традициях изучения и публикации средневековых материалов.

Серия докладов пленарного заседания посвящалась личности и оценке творческого наследия Н.Н. Покровского. Доктор богословия, протоиерей Б.И. Пивоваров подробно остановился на преподавательской деятельности ученого. Характеристика новизны подходов Н.Н. Покровского к решению научных задач, стоящих перед гуманитарными науками, была дана Н.С. Гурьяновой. О введении в научный оборот мемуарного и эпистолярного наследия академика Н.Н. Покровского шла речь в докладе Н.П. Матхановой и Л.В. Титовой.

Важные и интересные результаты научных изысканий были представлены в выступлениях участников второго пленарного заседания. В докладе директора Института истории и археологии УрО РАН, д-ра ист. наук И.В. Побережникова (Екатеринбург) излагался теоретический анализ российских модернизаций. Показано, как выявленные особенности воздействия темпоральных и пространственных измерений на ход, динамику, механизмы и характер модернизационных процессов позволяют описать закономерности «исторических движений». Е.Л. Конявская (Москва), д-р филол. наук, главный редактор журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики», обратила внимание на историю издания средневековых актов в России, современные тенденции в археографической и эдиционной практике и проблемы, возникающие при издании грамот. Заведующий Отделом рукописей РНБ, д-р ист. наук А.И. Алексеев (Санкт-Петербург), охарактеризовав современное состояние изученности творческого наследия Иосифа Волоцкого, определил основные задачи дальнейшего исследования средневековой публицистики. О реконструкции процесса редактирования Лицевого летописного свода, одним из источников которого был Томский список Степенной книги, открытый Н.Н. Покровским, шла речь в докладе директора Санкт-Петербургского института истории РАН, д-ра ист. наук, чл.-кор. РАН А.В. Сиренова (Санкт-Петербург). Уникальные эпистолярные документы, послужившие источниковой базой по истории первой научной экспедиции в Сибирь Д.Г. Мессершмидта, были предметом научного анализа директора Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, д-ра ист. наук, чл.-кор. РАН И.В. Тункиной (Санкт-Петербург).

Ведущие ученые задали высокий академический уровень юбилейной конференции. В течение двух дней работало пять секций, состоялось 12 заседаний, на которых обсуждались разнообразные вопросы современной историко-филологической науки, велись научные дискуссии. Проблематика секций была обусловлена направлениями, в которых работал Н.Н. Покровский.

На секции «Памятники письменности и книжной культуры XII–XVII вв.: вопросы истории текста, археографического опыта, материального и духовного наследия» (руководитель – д-р филол. наук Л.И. Журова) были заслушаны доклады, связанные с изучением разнообразных жанров древнерусской книжности. Авторы предлагали оригинальные решения актуальных вопросов: происхождение символа московской кафедры и Москвы – почитание Петра митрополита (И.М. Грицевская); опровержение устоявшегося в науке мнения о влиянии Максима Грека на творчество старца Артемия Троицкого (Л.И. Журова); определение принципов формирования интеллектуального лидера сообщества церковных писателей XVII в. круга патриарха (Т.В. Панич); систематизация жизнеописания княгинь и княжон в Степенной книге (В.А. Мельничук); новая датировка сборника «Статир» и нравственные установки авторской аксиологии (Л.С. Соболева); определение места томских списков Сказания об Абалацкой иконе в истории памятника (Т.И. Ковалева). Отдельным сюжетом прозвучали доклады, построенные на анализе текстов Священного Писания (В.М. Лурье, В.А. Ромодановская). Новые варианты трактовки некоторых исторических реалий XII в. и XVI в. предложили А.В. Кореневский и О.С. Сапожникова. Большой интерес вызвал прекрасно проиллюстрированный доклад О.В. Чумичевой о толковании иконных образов в русской книжности XVI–XVII вв. Уникальные материалы по изучению агиографических источников были представлены В.Г. Подковыровой и А.А. Романовой. С проектом научного издания проповедей Дмитрия Ростовского познакомила М.А. Федотова. Уникальным опытом определения опечаток в издании XVI в. Священного Писания поделился А.Г. Мосин. Об особенностях состава, выговском происхождении и истории сборника «Поморское старчество» шла речь в докладе Е.А. Полетаевой. Отдельно следует выделить выступления молодых исследователей – А.И. Поповича, Е.С. Дилигул, представивших результаты анализа поэтики древнерусских памятников.

На секции «Традиционное и новое в источниковедении: исследовательские и эдиционные практики» (руководители – д-р ист. наук Н.Н. Родигина, д-р ист. наук Н.П. Матханова) были представлены результаты изучения источников разных типов и видов – визуальных, картографических, актовых, делопроизводственных документов, периодической печати, художественной литературы, эго-документов. В докладах, основанных на анализе источников XVII в., проанализированы формулярные особенности и эволюция «Жалованного слова» – особой статьи наказов русскому и ясачному населению сибирских уездов (В.А. Слугина, А.Ю. Конев); сопоставлены структура таможенных книг Великого Новгорода и формуляров их отдельных статей (А.И. Раздорский); показано содержание записей в домовой книге князя Г.В. Козловского (И.А. Поляков); обоснованы причины возникновения Дозорной книги Тарского уезда 1701 г. (Н.В. Кабакова, С.Н. Корусенко).

Ряд докладов посвящен делопроизводственным документам XVIII–XIX вв.: формулярным спискам и судебно-следственным делам военнослужащих регулярной армии XVIII в. (А.В. Дмитриев); контрактам с иностранными специалистами (О.К. Ермакова); документам Главного управления Западной Сибири (Т.Г. Недзелюк). Некоторые выступления основаны на анализе эго-документов: комплекса писем рядового чиновника Е.П. Клевакина (П.А. Афанасьев), де-

ловой переписки чиновников переселенческого ведомства позднеимперского и раннесоветского периодов (Н.Г. Суворова), эго-документов русских журналисток второй половины XIX – начала XX в. (А.А. Старышкина); мемуаров и переписки В.В. Адоратского и членов его семьи и Т.Л. Щепкиной-Куперник (С.Г. Петров). Показаны возможности такого рода источников для изучения взаимодействия акторов.

Анализировались особенности и источниковый потенциал картографических, фото- и киноисточников: тематические карты Сибири в XVIII – первой половины XX в. (О.Н. Катионов, В.И. Баяндин); фотографические репрезентации Сахалина в конце XIX в., в период пребывания на острове А.П. Чехова (Е.В. Головнева); серии научно-кинематографического проекта «Киноатлас СССР» (И.А. Головнев).

В результате исследования источников по истории XX в. выявлены особенности оперативных документальных публикаций периода Гражданской войны и возможности их перекрестного анализа (В.М. Рынков); на примере «Губернских ведомостей» периода Гражданской войны показаны коммуникативные практики антибольшевистской власти (Д.Л. Шереметьева); представлены новые документы о праздновании 220-летней годовщины Академии наук (В.П. Корзун, В.С. Грудзинская).

С использованием количественных методов анализа детской литературы о Сибири как исторического источника познакомила слушателей Н.Н. Родигина. О.В. Эдельман поставила проблему применимости правил археографической передачи документа к историческим источникам, публикуемым в переводе.

В работе секции «Актуальные проблемы отечественной истории» (руководители – канд. ист. наук Е.Н. Туманик, д-р ист. наук. В.А. Ильиных) обозначилось несколько тематических блоков. Рассматривались вопросы истории России XVII в.: проблема недоплаты служилым людям государева жалованья (А.А. Бродников); служебная деятельность известных детей боярских Шульгиных (И.П. Каменецкий); досибирская биография известного дипломата – «грека» Степана (Т.А. Опарина); заключительный эпизод военного противостояния Московского государства и Датского королевства на Крайнем Севере Европы в 1623 г. (С.А. Никонов); дискуссионный в современной историографии вопрос о начале административных реформ Петра Великого (Д.А. Редин).

Представлены итоги изучения материалов Второй Камчатской экспедиции: сведений участников о гидронимах бассейнов Иртыша, Оби и Енисея (акад. РАН А.Е. Аникин); динамики изменений соболиного ясачного оклада в Сибири применительно к ясачным различной этнической принадлежности (А.Х. Элерт); анализа рисунков художников как предметных и дисциплинарных научных иллюстраций (И.А. Шипилов).

В докладах, посвященных истории XIX в., рассматривались электоральные практики российского дворянства первой четверти XIX в. (Д.В. Тимофеев); содержание и значение «Записки о сектах, существующих в Пермской губернии» (1827 г.) С.Д. Нечаева (В.А. Шкерин); анализ проекта сибирского купца А.И. Деньгина по хозяйственному развитию территории, прилегающей к устью р. Печоры (Е.В. Комлева); охарактеризованы нравственный тип, характер и образ жизни И.Д. Якушкина (Е.Н. Туманик); жизнь и деятельность в Китае видного русского дипломата А.С. Ваховича (В.Г. Шаронова); исследованы численность и сословный состав населения городов Восточной Сибири (Т.А. Кискидосова), охарактеризованы повседневные практики, связанные с рождением, браком и смертью на примере Екатеринбурга (Е.М. Главацкая); освящена деятельность городской потребительской кооперации в контексте проблем становления гражданского общества (Г.М. Запорожченко); предложены критерии для определения интеллектуальных лидеров профессионального сообщества журналистов (И.С. Чернова).

Представлены результаты изучения таких проблем истории советского периода, как стратегия и практика хозяйственного освоения восточных регионов России (Е.Т. Артемов); аграрный строй Сибири в 1930-е гг. и концепция о смене трех моделей аграрного строя (В.А. Ильиных); функционирование МТС в Западно-Сибирском крае в 1930-е гг. (В.Б. Лапердин); информационный потенциал и уровень достоверности источников, используемых для изучения аграрного сектора экономики Новосибирской области в 1990-е гг. (С.Н. Андреенков); состояние здравоохранения в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (М.А. Семенов); процесс освоения советской Арктики, каким его видят зарубежные исследователи (Д.А. Ананьев); осмысление исторического опыта аграрной колонизации Степного края в историографии России и Казахстана (М.К. Чуркин).

Высокий тон выступлениям на секции «Актуальные проблемы изучения истории и культуры старообрядческих согласий» (руководитель – д-р ист. наук Н.С. Гурьянова) был задан совместным докладом д-ра филол. наук Е.И. Дергачевой-Скоп и канд. филол. наук А.Ю. Бородихина о перспективах полевой и камеральной археографии сегодня. Важные результаты выявления в региональных собраниях Сибири и Дальнего Востока крюковых певческих рукописей, созданных в среде урало-сибирского старообрядчества, были обнародованы Т.Г. Казанцевой, сделан вывод о продолжении местной традиции их создания до конца XX в. О загадках изданий московской федосеевской типографии второй половины XIX в. шла речь в докладе д-ра ист. наук И.В. Починской. Как феномен литературной культуры Петровского времени определено О.Д. Журавель творчество Андрея Денисова. Важные результаты научных изысканий о судьбе веховцев на Урале и в Сибири в первой половине XVIII в. получены В.И. Байдиным. Формы конструирования конфессионального текста в рукописях староверов-титовцев представлены А.А. Пригариным и А.А. Стороженко. О сложностях в дискуссии об отношении к деньгам в таежных скитах Сибири рассказала Е.Е. Дутчак. Интеллектуальное и визуальное представление о современном лубке и настенных листах староверов-часовенных на Енисее обосновано в докладе Е.В. Быковой.

Доклады секции «Русская Православная Церковь XVII–XX вв.: проблемы исторической биографики и социальной истории» (руководитель – канд. ист. наук С.Г. Петров) в основном были построены на новых исторических источниках. Особенности противостояния и распределения судебных полномочий между архиерейской и воеводской ветвями власти в Сибири рассмотрены священником И.А. Никули-

ным на примере конфликта митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) и тобольских воевод Нарышкиных. Уточнению датировки учреждения Тобольской епархии в начале XVII в. и эволюции ее административно-территориального устройства посвящен доклад И.Л. Маньковой. О процессах формирования агиографической традиции в Сибири в XVII – начале XX в. на примере как местночтимых святых, так и официально канонизированных докладывали А.В. Полетаев и Н.К. Чернышова. Актуально в условиях нынешней пандемии прозвучал доклад А.В. Мангилевой о роли приходского духовенства в распространении медицинских знаний, борьбе с эпидемиями. Об участии членов православной общины в делах милосердия и благотворительности доложил Д.В. Долгушин на основе автодокументальных текстов графини М.В. Орловой-Давыдовой. Реконструкции методологических приемов исследования истории богослужебных чинов на материале неопубликованных работ профессора-литургиста А.А. Дмитриевского был посвящен доклад С.Ю. Акишина. С.Г. Петровым поставлены эдиционные проблемы передачи текста дневника иеромонаха Памвы (Игнатьева), сохранившего сведения о переходе Валаамского монастыря на новый календарный стиль.

Важным событием в работе конференции стали доклады о составе и пополнении библиотек и книжных хранилищ в различных городах (Н.В. Соколова, П.И. Мангилев, В.А. Есипова, Ю.С. Белянкин, М.С. Крутова, Т.П. Карташова, В.В. Подопригора, А.Н. Коваленко, А.А. Юдин, Д.С. Московская, В.Л. Портных, О.С. Демитриева, Н.А. Старухин).

На заключительном заседании с презентацией научных трудов сотрудников Института истории СО РАН, вышедших в 2020 г. при поддержке РФФИ, выступили И.П. Каменецкий и Л.И. Журова. Были представлены издания: Служилые люди Сибири. XVI–XVIII вв. Биобиблиографический словарь / отв. ред. И.П. Каменецкий; сост. Д.А. Ананьев, Е.В. Комлева, Е.Н. Туманик (М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 992 с.); Даниил, митрополит Московский. Сочинения / исслед., подг. текстов и издание Л.И. Журовой (М.: Индрик, 2020. 848 с.). Л.В. Титова провела круглый стол «Воспоминания о Н.Н. Покровском». Руководители секций выступили с отчетами.

В конференции приняли участие 3 академика РАН, 3 члена-корреспондента РАН, 46 докторов наук, 57 кандидатов наук, 13 участников без степени, из них 11 представителей молодежи. Заседания стали подлинной коммуникационной площадкой, на которой обсуждались не только прозвучавшие доклады, но также вопросы и планы более общего характера.

Организаторы конференции выражают огромную благодарность всем коллегам, поддержавшим наш юбилейный проект. Программа конференции и сборник материалов конференции находятся на сайте Института истории СО РАН.

Статья поступила в редакцию 12.11.2020
Дата рецензирования 13.11.2020
Статья принята к публикации 16.11.2020

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ
(Требования к статьям и сообщениям)

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

• отечественная история;
• историография, источниковедение и методы исторического исследования;
• археология;
• этнография, этнология, антропология.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии, письма, заметки, краткие научные сообщения.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях.

Авторы должны соблюдать правила цитирования, гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, которые выпускаются в Российской Федерации и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал также включен в Международные базы данных Ulrichs и EBSCO, а также в рассылку Международной компании «East View Information Services, Inc.»

3. Автор предоставляет:

• текст статьи в файле формата Microsoft Word (файлы с расширением doc, docx или rtf); название файла включает фамилию автора и дату отправления статьи, например, Иванов_28-02-2015;
• индекс УДК;
• данные об авторе: фамилия, имя, отчество, степень, звание, должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора. Сведения об авторе даются на русском и английском языках;
• название статьи с англоязычным переводом;
• аннотацию статьи объемом не более 800 знаков без перевода;
• ключевые слова на русском и английском языке (не менее 10);
• реферат статьи объемом около 2 тыс. знаков с англоязычной версией (2 тыс. знаков), подготовленной профессиональным переводчиком. Реферат включает название, цель статьи, характеристику проблемного поля, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах. Реферат на русском языке не публикуется.

Объем статьи не должен превышать 40 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков.

Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Статьи и другие материалы для публикации направляются в электронном виде по e-mail: gumnauki@gmail.com

Правила оформления и рецензирования статей см.: http://gumnauki.iisoran.ru/index.php/trebovaniya-k-materialam.html

4. К изданию принимается от автора не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с авторов за публикацию не взимается.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректура не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

5. В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право».

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики. Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат».

6. Направляя статью в редакцию журнала, автор (соавторы) на безвозмездной основе передает(ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или отдельной ее части (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных конвенций являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (а также исключительное право на использование переведенного и (или переработанного произведения вышеуказанными способами), на передачу всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Одновременно с представлением статьи автор (соавторы) направляет в редакцию подписанный лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале. Подписанный автором (соавторами) договор можно присылать в отсканированном виде электронной почтой.

Web-страница журнала: http://gumnauki.iisoran.ru/index.php (сайт издания); http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm (сайт Института истории СО РАН); https://www.sibran.ru/journals/GNvSib/ (сайт Издательства СО РАН).

Полная текстовая версия выставляется e-library.ru.